

Федеральное государственное казенное
образовательное учреждение высшего образования
«Восточно-Сибирский институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

С. Н. Грошев

**ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ МУЖЧИН
В ПРАВЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ
(XII–XV вв.)**

Монография

Иркутск
Восточно-Сибирский институт МВД России
2023

УДК 94 (47)
ББК 63.3 (2Р)
Г89

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Восточно-Сибирского института МВД России

Рецензенты:

К. С. Нежинская, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Дальневосточного юридического института МВД России,
канд. юрид. наук, доц.;

А. И. Казамиров, начальник кафедры конституционного права
Уфимского юридического института МВД России, канд. юрид. наук, доц.

Грошев, Сергей Николаевич.

Г89 Права и обязанности мужчин в праве средневековой Руси
(XII–XV вв.) : монография / С. Н. Грошев. – Иркутск: Восточно-
Сибирский институт МВД России МВД России, 2023. – 128 с.

ISBN 978-5-9538-0106-5

Актуальность представленной монографии заключается в том, что исследование правового статуса мужчин в средневековой Руси составляет важную часть истории государства и права России. Изучение данного вопроса обладает существенным теоретическим и практическим значением в рамках решения проблемы дискриминации по гендерному признаку. В целом же исследование содержания и направленности эволюции правового статуса личности не только существенно расширяет объем наших исторических знаний, но и позволяет осмыслить опыт прошлого, учесть его в современной практике.

Издание предназначено для курсантов, слушателей, адъюнктов, научно-педагогического состава образовательных организации МВД России.

УДК 94 (47)
ББК 63.3 (2Р)

ISBN 978-5-9538-0106-5

© Грошев С. Н., 2023
© Восточно-Сибирский институт
МВД России, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
Глава 1. «РУССКАЯ ПРАВДА» И ДРУГИЕ ПРАВОВЫЕ РЕГУЛЯТОРЫ В СВЕТЕ МУЖСКИХ ПРАВ И ОБЯЗАННОСТЕЙ	
§ 1. «Поток и разграбление» как вид уголовного наказания в Русской Правде: нормирования правового положения мужской гендерной группы	8
§ 2. Рецепция византийского права в средневековой Руси в плоскости референции правового статуса мужчин	14
§ 3. Правовое положение мужчин: осмысление гражданско-правовой ответственности по Русской Правде.....	31
Глава 2. НОРМИРОВАНИЕ ПРАВ И ОБЯЗАННОСТЕЙ ЛИЦ МУЖСКОГО ПОЛА В ПЕРИОД ПОЛИТИЧЕСКОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ РУСИ (XII–XIII вв.)	
§ 1. Правовое положение мужчин: тестаментарная правовая регуляция периода феодальной раздробленности Руси	45
§ 2. Правовое положение мужской гендерной группы: правонарушения, предусмотренные нормативными договорами Русского государства X–XV столетия	61
§ 3. Брачно-семейный статус мужчин в средневековой Руси на основе канонического права	75
Глава 3. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ: ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ МУЖЧИН В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ	
§ 1. Социально-экономический статус мужчин в Золотой Орде в XIII–XIV вв.....	80
§ 2. Правовой статус мужчин Золотой Орды в аспекте ее политического устройства	91
Глава 4. ВЛИЯНИЕ ПРАВА ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА НА ЮРИДИЧЕСКИЙ СТАТУС МУЖСКОЙ ГЕНДЕРНОЙ ГРУППЫ	
§ 1. Правовой статус мужчин: воинская повинность в Новгородской феодальной республике XIII–XV вв.....	97
§ 2. Правовой статус мужчин в Новгородской феодальной республике XII–XV вв.....	105
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	111
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	115

ВВЕДЕНИЕ

При возникновении дискуссии о генезисе правового статуса мужчин особый интерес вызывает правовое регулирование некоторых общественных отношений в средневековой Руси. Актуальность указанной проблематики тесно коррелируется с особенностями сложившейся системы правовой регуляции в указанный период отечественной истории.

В научной среде достаточно распространено мнение о том, что, если в средневековый период правового развития женщина была дискриминирована по признаку пола, то считается излишним исследовать и аспект прав и обязанностей мужчин, т. к. правовое положение мужской гендерной группы прямо связано с правовым статусом личности.

Однако, думается, уже в средневековый период существования отечественного права и государства правовой статус мужчин не являлся тождественным правовому положению личности, т. к. правовая регуляция в средневековой Руси уже тогда четко разграничивала два субъекта правоотношений – мужчину и женщину, наделяя их правовые статусы различным объемом прав и обязанностей, при этом в некоторых регулятивных сферах женщина обладала даже некоторым приоритетом перед мужчиной. Указанная разница правового положения гендерных групп в средневековый период истории России проявлялась прежде всего в политико-правовой области и в некоторых нюансах брачно-семейных отношений, параллельно с некоторыми отличиями в уголовно-исполнительной сфере.

Предметная область историко-правового анализа правового статуса гендерных групп находится в плоскости концептуальных и методологических исследований, сформированной широким кругом ученых, таких как М. М. Абрашкевич, В. А. Александров, М. Ф. Владимирский-Буданов, Б. Д. Греков, Н. Дювернуа, Н. М. Карамзин, Н. И. Ланге, Д. Я. Самоквасов¹ и др.

В отечественной историко-правовой науке применительно к познанию концептуальной природы рецепции византийского законодательства и ее

---

¹ Абрашкевич М. М. Прелюбодеяние с точки зрения уголовного права / М. М. Абрашкевич. Одесса, 1904. 666 с. Александров В. А. Обычное право крепостной деревни России XVIII–начало XIX в. / В. А. Александров. Москва: Наука. 1984. 257 с.; Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. М.: Территория будущего, 2005. 800 с.; Греков Б. Д. Киевская Русь. М.: Госполитиздат, 1953. 568 с.; Дювернуа Н. Источники права и суд в Древней России: опыты по истории русского гражданского права / Н. Дювернуа. Санкт-Петербург: Юрид. центр «Пресс», 2004. 396 с.; Карамзин Н. М. История государства Российского. От Древней Руси до правления великого князя Дмитрия Донского / Н. М. Карамзин. М.: АСТ, 2010. 672 с.; Ланге Н. И. Исследование об уголовном праве Русской правды / Н. И. Ланге. Санкт-Петербург: Лань, 2013. 288 с.; Самоквасов Д. Я. Курс истории русского права / Д. Я. Самоквасов. 3-е изд., испр. и доп. М.: Тип. Моск. ун-та, 1908. VII, XXIX. 616 с.

влияния на правовое положение личности внесли значимый вклад такие ученые, как П. Лемерль, Д. Оболенский, И. Мейендорф² и др.

Научный анализ проблематики правового положения субъектов правоотношений в Золотой Орде в XIII–XIV вв. был отражен в трудах Б. Д. Грекова, А. Н. Насонова, Ю. Якубовского³ и др.

Вопросам нормирования правового положения личности в Новгородской феодальной республике были посвящены научные труды таких ученых, как А. В. Быков, А. А. Гиппиус, А. А. Зализняк, В. Л. Янин⁴ и др.

Изучение историко-правовой и юридической литературы позволяет утверждать, что при анализе правового статуса личности взгляд ученых направлен преимущественно в общее русло анализа правового положения женской гендерной группы. В том же направлении работают и те ученые, которые разрабатывают механизм предотвращения дискриминации женщин. В связи с этим анализ научных работ демонстрирует факт, что на сегодняшний день в России имеет место недостаток научного исследования в сфере проблематики правового положения мужской гендерной группы, в том числе в русле исторической ретроспективы.

Объектом исследования выступает круг правоотношений, затрагивающих правовое положение мужчин в средневековой Руси.

Предметом исследования являются концептуальные, методологические и историко-правовые предпосылки, формирования правового статуса мужской гендерной группы в средневековой Руси; взаимосвязь правового регулирования в рамках гендерной спецификации с социально-экономическими и политико-правовыми процессами в Руси периода политической раздробленности.

Цель исследования заключается в попытке получения актуальных историко-правовых знаний в сфере гендерной спецификации и эволюции правового положения личности в русском средневековом обществе.

Для достижения цели исследования решен спектр следующих задач:

---

² Лемерль П. Первый византийский гуманизм. Замечания и заметки об образовании и культуре в Византии от начала до X века / П. Лемерль; пер.: Т. А. Сениной. Санкт-Петербург: Гнозис, 2017. 496 с.; Оболенский Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов / Д. Оболенский. Москва: Янус-К, 1998. 655 с.; Мейендорф И. Византийское богословие / протоирей И. Мейендорф. Минск: Лучи Софии, 2001. 336 с.

³ Греков Б. Д. Золотая Орда и её падение / Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Москва: Книга по Требованию, 2021. 507 с.; Насонов А. Н. Монголы и Русь (история татарской политики на Руси) / А. Н. Насонов. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1940. 180 с.

⁴ Быков А. В. Структура и численность новгородского войска XII–XV веках / А. В. Быков // *Novogardia*. 2020. № 1(5). С. 25–70; Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.) / В. Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гиппиус. В 12 т., Т. 11. Москва: «Русские словари», 2004. 288 с.

– осуществлен комплексный анализ особенностей такого наказания как «Поток и разграбление» в аспекте нормирования правового положения мужской гендерной группы;

– исследованы вопросы рецепции византийского права в средневековой Руси в плоскости референции правового статуса мужчин;

– осуществлена историко-правовая оценка правового положения мужчин в аспекте осмысления гражданско-правовой ответственности по Русской Правде;

– проанализировано правовое положение мужчин в аспекте тестаментарной правовой регуляции периода феодальной раздробленности Руси;

– исследовано правовое положение мужской гендерной группы в аспекте правонарушений, предусмотренных нормативными договорами Русского государства X–XV столетия;

– произведен анализ брачно-семейного статуса мужчин в средневековой Руси на основе канонического права;

– подвергнута осмыслению специфика социально-экономического и правового статуса мужчин в Золотой Орде в XIII–XIV вв.

– осуществлен анализ особенностей правового статуса мужчин в аспекте воинской повинности в Новгородской феодальной республике XIII–XV веках;

– исследована проблематика правового статуса мужчин в Новгородской феодальной республике XII–XV вв.

Методологическую и методическую основу исследования составили концептуальные и методологические достижения юридической, экономической и социологической наук в направлении анализа имманентной сущности правового положения гендерных групп в средневековой Руси и закономерностях эволюции правового статуса личности в русском феодальном социуме.

Имея целью получить в своем исследовании достоверные результаты, автор пользовался как общенаучными (анализ, синтез, дедукция, индукция, аналогия и др.), так и частнонаучными (конкретно-социологическим, формально-юридическим и др.) методами научного познания.

В основу разработки авторского взгляда на правовой статус мужчин в средневековой Руси положены достижения юридической, экономической и социологической наук.

Впервые в историко-правовой науке на основе четкой корреляции экономических процессов и генезиса правового статуса личности сделан акцент на правовом положении мужской гендерной группы в средневековой Руси.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что полученные выводы и предложения существенно обогатят концептуальную базу историко-правовой доктрины в области правового статуса личности.

Результаты исследования восполняют также и теоретические пробелы в познании юридической наукой закономерностей эволюции правового статуса мужской гендерной группы.

Имеющиеся в исследовании положения и теоретические выводы расширяют спектр традиционных для истории государства и права представлений о правовом положении личности в средневековой Руси.

Материалы исследования могут быть использованы в учебном процессе образовательных организаций МВД России при преподавании курсов истории государства и права России, а также в иных образовательных учреждениях юридического профиля и в последующих научных изысканиях в рамках рассматриваемой проблематики.

Структура монографии определена характером поставленной цели исследования и спектра решаемых в ней задач. Монография состоит из введения, четырех глав, включающих 10 параграфов, заключения и библиографического списка.

Глава 1.
«РУССКАЯ ПРАВДА» И ДРУГИЕ ПРАВОВЫЕ
РЕГУЛЯТОРЫ В СВЕТЕ МУЖСКИХ
ПРАВ И ОБЯЗАННОСТЕЙ

§ 1. «Поток и разграбление» как вид уголовного наказания
в Русской Правде: нормирование правового положения
мужской гендерной группы

В рамках юридического анализа правового положения мужчин в национальном правопорядке в свете историзма существенную актуальность приобретают вопросы, затрагивающие уголовную ответственность, которая нормирована древнейшими источниками права. Так, Русская Правда как старейший правовой памятник в рамках отечественного механизма правовой регуляции оказала существенное влияние на формирование самобытной правовой системы, а также на институциональное устройство важнейших юридических принципов, таких как равноправие, в том числе гендерное. Среди широкого круга вопросов, которые затрагивают становление древнерусской государственности, а также развитие ее на заре средних веков именно Русская Правда выступает в качестве концептуального фундамента в процессе упорядочивания правовой регуляции в плоскости истории отечественного права и государства. Исследование одной из норм Русской Правды – «потока и разграбления», по нашему мнению, будет способствовать осмыслению правового положения мужчин и именно на анализ указанной нормы будет ориентирован этот параграф.

Как известно, Русская Правда, как правовой регулятор, в целом была направлена на нормирование имущественной ответственности. Тем не менее указанный правовой памятник содержал в себе и такой вид наказания как «поток и разграбление». Анализ этой нормы, по нашему мнению, способен продемонстрировать особенности гендерной спецификации того периода.

Впервые это наказание встречается в Русской Правде Пространной редакции. Сложно сказать, какие факторы повлияли на появление этой нормы, которая сочетала в себе не просто элементы имущественной ответственности, но и объективного вменения, где в качестве субъекта выступает мужчина, а его супруга и дети юридически приравниваются к имуществу, на которое обращалось исполнительное производство. Научный поиск здесь еще более затруднен, так как поток и разграбление наиболее суровый вид уголовного наказания по Русской Правде, он имел место за относительно небольшой круг правонарушений. Для сравнения

можно привести ст. 13 Русской Правды Краткой редакции, где за кражу из помещения предусматривалось 3 гривны продажи, а наказание за поджог вообще не фигурировало в источнике. При этом, Пространная редакция за поджог устанавливает максимальное наказание – поток и разграбление. По нашему мнению, здесь наблюдается трансформация социальных связей в рамках обеспечения имущественных интересов. Именно на это в своих трудах указывал Н. Ланге⁵. Формирование новой регулятивной парадигмы, защищающей интересы имущих социальных групп, отмечала и Т. Непомнящая⁶.

Необходимо подчеркнуть, что еще до полного формирования Русской Правды как регулятивного инструмента в отечественном правовом поле уже действовало достаточно суровое наказание, такое как изгнание из общины. По мнению Р. Л. Хачатурова, изгнание из общины и поток и разграбление хоть и тесно связаны в своей имманентной сущности, но носят различный характер, так как структура самих социальных связей в доклассовом обществе была иной⁷. Действительно, в доклассовый период преступники изгонялись из общины, а их имущество уничтожалось, то есть право собственности на него не передавалось даже общине. При этом в доклассовом обществе наказывался только преступник, но не его супруга или дети, тем самым подчеркивалась субъектность женщины и детей, если виновником деяния выступало лицо мужского пола. В период действия Русской Правды Пространной редакции изгнание из общины заменяется обращением преступника и членов его семьи в рабство и конфискацией всего его имущества в пользу князя. Именно так в общих чертах можно охарактеризовать поток и разграбление.

По нашему мнению, исходя из анализа самой юридической сущности двух видов юридической ответственности «изгнания из общины» и «потока и разграбления», отождествлять их нельзя, так как у этих видов наказаний не просто разная онтология, но и полярная телеологичность. Так, изгнание из общины как вид наказания преследует цель защиты интересов общины. В свою очередь поток и разграбление имеет цель реализовать интерес князя. Мы можем условно отобразить интерес крестьянской общины как интерес общественный, а интерес князя можно представить в образе интересов государства. Кроме того, поток и разграбление носит ярко выраженное гендерное качество, утверждая принцип «мужского права», когда глава семьи выступал собственником не

---

⁵ Ланге Н. И. Исследование об уголовном праве Русской правды / Н. И. Ланге. Санкт-Петербург: Лань, 2013. С. 217.

⁶ Непомнящая Т. Назначение уголовного наказания: теория, практика, перспективы. Санкт-Петербург: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. С. 146.

⁷ Хачатуров Р. Л. Становление права (на материале Киевской Руси). Тбилиси: Издательство Тбилисского университета, 1988. 260 с.

только семейного имущества, но и своей супруги и детей. Так, ст. 7 III Русской Правды Пространной редакции, если перевести ее на современный язык, регламентирует обязанность общины выдать убийцу князю вместе с семьей и имуществом, при этом община освобождается от уплаты штрафа. Кроме указанной статьи, поток и разграбление встречается в Русской Правде еще два раза в ст. 35 и ст. 83. В первом случае бремя ответственности падает на конокрада, а во втором на виновника в поджоге дома и построек.

М. Ф. Владимирский-Буданов подчеркивал, что в период действия Русской Правды поток и разграбление как мера юридической ответственности распадается на два элемента. В качестве первого направления здесь имеется в виду нуллификация прав личности, а второе – лишает преступника имущества. По мнению ученого поток и разграбление подменяет собой не только виру за умышленное причинение смерти другому лицу, но и выступает в качестве наказания за конокрадство, поджог, а также распространяется на преступления против князя, то есть преступления политического характера. Автор также полагал, что в случае неспособности преступника заплатить штраф к нему применялся поток и разграбление⁸. Стоит добавить, что если юридически расчленить поток и разграбление, то можно увидеть в этом наказании еще и третье направление – гендерно-дискриминационное, подразумевающее право собственности мужчины на свою супругу.

Для потока и разграбления, как меры юридической ответственности, характерна также и явная публичная направленность. Так, это наказание был вправе накладывать только князь. При этом реализация указанных неблагоприятных последствий параллельно закрывала вопрос юридической ответственности общины, членом которой выступал преступник.

Проблематика юридической природы потока и разграбления остается предметом дискуссии, и отечественной научной доктрине известно несколько подходов к определению онтологии указанного института.

Так, В. Сергеевич настаивает на концептуальной амбивалентности потока и разграбления, если исследовать этот институт без привлечения византийского нормативного массива. Автор указывает на то, что в Византии поток и разграбление как наказание также существовал и означал конфискацию имущества, с последующим лишением свободы⁹. По сути, автор пишет о наличии существенной трансформации потока и

---

⁸ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права / [соч.] проф. М. Ф. Владимирского-Буданова. Изд. 6-е. Санкт-Петербург: Издание книгопродавца Н. Я. Оглоблина, 1909. С. 328.

⁹ Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права / В. И. Сергеевич. Санкт-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича, 1910. С. 277.

разграбления в рамках рецепции, так как именно в плоскости национального правопорядка указанный институт приобретает крайне одиозные оттенки, обрстая гендерно-дискриминационными характеристиками и присутствием объективного вменения.

Тем не менее аргументы по поводу рецепции потока и разграбления из нормативного массива Византии большинство ученых отвергает, видя в нем сугубо национальный правовой институт, который имел место у восточных славян с древнейших времен. В частности, С. Юшков полагал, что поток и разграбление выступает в качестве исключительно отечественного правового института, так как многие его параметры не наблюдаются в византийском уголовном праве¹⁰. Можно предположить, что поток и разграбление, как юридический институт, очень схож с изгнанием членов общины, которые преступили закон.

Анализ Русской Правды показывает, что поток и разграбление инициировался с выдачи преступного члена общины князю, а сам термин «поток» выступает однокоренным глаголу «поточити», который означает «сослать». По мнению Н. Ланге, слово «поток» означает не только ссылку, но и лишение свободы¹¹. По сути, преступники, подвергнутые потоку и разграблению, не только лишались имущества, но и подлежали наказанию личного характера. Ссылку жен вместе с мужьями необходимо рассматривать как особенность существовавших в тот период брачно-семейных отношений, которые лишали субъектности женщин и детей, связывая их юридическую судьбу с правовым положением мужчины-домохозяина.

Некоторые ученые, в частности А. Р. Амирова, полагают, что поток и разграбление предполагал конфискацию имущества преступника членами общины в свою пользу. При этом сам правонарушитель объявлялся вне закона, лишаясь покровительства общины¹². С другой стороны, С. Кудин полагает, что поток и разграбление, как юридический институт, призван обеспечить изоляцию преступника. Если усматривать в указанном институте прежде всего элемент изгнания, то вполне понятно наличие механизмов объективного вменения и лишения субъектности супруги преступника. Подобная трактовка косвенно подтверждается тем, что в древнейшие периоды развития отечественной государственности пенитенциарная система была неразвита. Кроме того, в указанный период механизм ссылки был также неразвит. В этой связи, если видеть в потоке и разграблении прежде всего изгнание преступника вместе с домочадцами, можно проводить прямую параллель с древнейшим видом наказания,

---

¹⁰ Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства / С. В. Юшков. Москва: Госюриздат, 1949. С. 490.

¹¹ Ланге Н. . Указанное сочинение. С. 125–126.

¹² Амирова А. Р. Конфискация имущества в истории российского уголовного законодательства // Проблемы экономики и юридической практики. 2007. № 4. С. 295.

которое было известно у восточных славян. Подобное понимание указанного института можно усмотреть в трудах С. Борисенюка, который считал, что преступников изгоняли не просто из общины, но и из границ государства¹³.

Стоит отметить, что в начале эпохи средних веков Русь состояла из различных самостоятельных княжеств, которые в свою очередь делились на области, а структуру последних формировали разнообразные сельские и городские общины. В этой связи изгнание преступника из пределов его общины не могло гарантировать стабильность правопорядка во всем государстве.

Поток и разграбление как правовой институт и мера юридической ответственности многими отечественными учеными трактовался обычно достаточно широко. Так, Ю. Титов видел в потоке и разграблении конфискацию имущества преступника и изгнание его из общины. Это, по мнению автора, обрекало всю семью правонарушителя на смерть¹⁴. С другой стороны, Ю. Проценко полагает, что поток и разграбление – это не просто обращение взыскание на семью и имущество виновного, но и смертная казнь преступника¹⁵. В свою очередь, В. Г. Тимофеев в потоке и разграблении рассматривал прежде всего имущественную составляющую наказания, когда правовое положение преступника и его домочадцев трансформировалось из состояния свободы в плоскость зависимости¹⁶. Подобного рода концепции в отношении потока и разграбления придерживаются и многие другие авторы¹⁷.

Достаточно оригинальное понимание института потока и разграбления имеет место у О. Чистякова и И. Мартысевича. Так, авторы полагают что в зависимости от времени и места указанный институт понимался по-разному, и его регулятивное воздействие могло варьироваться от смертной казни и конфискации имущества, изгнания и

---

¹³ Борисенко С. Уголовное содержание «потока» Русской Правды / С. Борисенко // Труды Комиссии для изучения истории западнорусского и украинского права УАН. 1925. Вип. 1. С. 23–24.

¹⁴ История государства и права СССР. Ч. 1. / Под ред. Ю.П. Титова / Ю.П. Титов. Москва: Юрид. лит., 1988. С. 74–75.

¹⁵ Проценко Ю. Древнерусское государство и право: Лекция. Волгоград: Издательство ВолГУ, 2000. С. 50.

¹⁶ Тимофеев В.Г. Уголовно-исполнительная система России: цифры, факты и события / В.Г. Тимофеев. Чебоксары: Издательство Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова, 1999. С. 5–15.

¹⁷ Юшков С. В. История государства и права СССР. Ч. 1. / С. В. Юшков. Москва: Госюриздат, 1961. С. 122; Хачатуров Р. Л. Становление права (на материале Киевской Руси) / Р. Л. Хачатуров. Тбилиси: Издательство Тбилисского университета, 1988. С. 140; Исаев И.А. История государства и права России / И. А. Исаев. Москва: Юристъ, 2004. С. 148 и др.

конфискации, обращения в холопы всей семьи преступника¹⁸. Думается, авторы верно подметили, что любой юридический институт подвержен трансформации по прошествии времени. Поток и разграбление здесь не может являться исключением. Так, М. Исаев полагал, что первоначально поток и разграбление означал изгнание преступника и его семьи и конфискацию его имущества¹⁹. Однако со временем поток и разграбление трансформируется в убийство преступника и уничтожение его имущества.

Ведя речь о «разграблении» – второй части указанного состава, необходимо отметить, что в основном под ним понимается конфискация имущества. Тем не менее, как считает А. Зимин, институт потока и разграбления нес в себе материальную ответственность преступника в виде полной конфискации имущества²⁰.

Разрешение вопроса о том, в чью пользу изымалось имущество преступника, также является достаточно дискуссионной темой. Так, М. Неклюдов полагает, что поток и разграбление – это банальное разворовывание и уничтожение имущества преступника членами его общины²¹. Аналогично понимает поток и разграбление и С. Будзинский. Автор видит в разграблении прежде всего разворовывание и уничтожение имущества преступника, в котором принимала участия община, в которой жил правонарушитель²². С позиции тотальной конфискации имущества преступника рассматривает поток и разграбление П. Музыченко, который видит правовую природу указанной меры неблагоприятного воздействия именно в конфискации имущества в пользу общины, в которой проживает преступник²³. Подобная трактовка указанной санкции в целом выступает достаточно распространенной в отечественной историографии. Имеют место и иные мнения о сущности разграбления и его конечных бенефициарах. Так, В. Иванов полагает, что поток и разграбление

---

¹⁸ История государства и права СССР. Ч. 1. / Под ред. О. И. Чистякова, И. Д. Мартысевича / О. И. Чистяков, И. Д. Мартысевич. Москва: Издательство Московского университета, 1985. С. 34.

¹⁹ Исаев М. М. Уголовное право Киевской Руси / М.М. Исаев // Ученые труды. Ученые труды ВИЮН. Москва: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1946, Вып. 8. С. 167.

²⁰ Зимин А. А. Памятники русского права: в 2 вып. / Сост. А. А. Зимин. Москва: Государственное издательство юридической литературы, 1952. Вып. 1: Памятники права Киевского государства X–XII в. 288 с.

²¹ Бернер А. Учебник уголовного права. Части Общая и Особенная. С примечаниями, предложениями и дополнениями по истории русского права и законодательству Н. Неклюдова. Том 1. Часть Общая / А. Бернер; перевод Н. Неклюдова. Санкт-Петербург: Издательство Н. Неклюдова, 1865. С. 171.

²² Будзинский С. Начала уголовного права. // URL: <http://www.allpravo.ru/library/doc101p0/instrum3736/print3740.html> (дата обращения: 07.04.2023). Режим доступа: свободный.

²³ Музыченко П. П. История государства и права Украины. Киев: КОО, 1999. С. 69.

предполагал конфискацию имущества преступника в пользу потерпевших и князя. При этом ученый считает, что имущество преступника могли и попросту уничтожить²⁴. Как считал М. Ф. Владимирский-Буданов, отсутствие правовой определенности потока и разграбления послужило предпосылкой к формированию целого спектра санкций²⁵. И действительно, из такого института как поток и разграбление развились следующие виды наказания средневековой Руси: изгнание, ссылка, лишение свободы, заковывание в кандалы, членовредительские наказания, смертная казнь. С другой стороны, нельзя быть полностью уверенным в том, что из потока и разграбления выделилась конфискация имущества преступника.

В заключение параграфа необходимо отметить, что «поток и разграбление» как вид уголовного наказания в Русской Правде в аспекте нормирования правового положения мужской гендерной группы очень показателен. Так, он прежде всего указывает на существование на заре средневековой Руси мужского права в рамках имущественной ответственности главы семьи. Сам факт объективного вменения и лишения женщины – супруги преступника субъектности говорит о том, что женщина в указанный период была дискриминирована. Можно вести речь и о существенной трансформации потока и разграбления в рамках рецепции византийского права, так как именно в плоскости национального правопорядка указанный институт приобретает крайне одиозные оттенки, обрастая гендерно-дискриминационными характеристиками и наличием объективного вменения.

§ 2. Рецепция византийского права в средневековой Руси в плоскости референции правового статуса мужчин

Традиционно считается, что Византия выступала цивилизационным лекалом для средневековой Руси. При этом подобного мнения придерживаются не только в научных кругах, но и в обыденном сознании такая идея достаточно крепка. Безусловно, социокультурная среда Руси средних веков в широком аспекте осуществила заимствования от Византии. Не избежала указанного процесса и правовая составляющая отечественного правопорядка исследуемого периода. В рамках настоящего параграфа мы попытаемся осмыслить роль рецепции византийского права в трансформации правового положения мужской гендерной группы в правопорядке средневековой Руси.

---

²⁴ Иванов В. М. История государства и права Украины. Киев: Атика, 2003. 416 с.

²⁵ Владимирский-Буданов М. Ф. Указанное сочинение. С. 329.

Стоит отметить, что целая плеяда отечественных исследователей акцентировала свое внимание на доказывании тезиса о том, что между византийским правом и средневековым отечественным правовым регулированием имеет место прочная связь, основанная на рецепции права. Нельзя не отметить безусловную логичность подобного видения ситуации. Так, по мнению Г. Г. Литаврина, сама государственная идеология средневековой Руси, а также официальная доктрина «православных» государств Европы и Кавказа ниторативно зависела от восточно-христианского учения, выступающего идеологическим стержнем Византии. Ученый полагал, что все государства, попавшие в орбиту влияния православия, не могли не рецепировать религиозное учение византийской империи. В частности, Г. Г. Литаврин подчеркивал, что указанное заимствование было не частичным, а полным, охватывая не только теологические моменты, но и все, что затрагивало правовую регуляцию, в том числе на государственно-публичном уровне²⁶.

В свою очередь, достаточно очевидным выступает и то, что византийская доктрина вместе с правом так или иначе должны были реструктурировать правовое положение мужчин дохристианской Руси, видоизменять его согласно новым, православно-византийским порядкам. Примечательно, что население Византии в культурном плане видело преемственность своего права с правовыми традициями Рима, считая себя «римлянами», а свою империю римской²⁷. В этой связи напрашивается вывод о том, что средневековый отечественный правовой порядок так или иначе должен был рецепировать основы римского права, которые в институциональном аспекте оформляли правовое регулирование Византии.

Сам факт наличия византийского правового регулирования в рамках отечественного средневекового права имеет место. В частности, по мнению В. М. Живова, законодательство Византии в церковнославянском переводе имело хождение на Руси. При этом распространялись не только канонические византийские нормативно-правовые акты, но и сугубо светские правовые памятники, такие как Эклога и Прохирон. Мало того, ученый подчеркивает наличие хождения в средневековой Руси и отдельных отрывков из кодификации Юстиниана, которые были переведены на церковнославянский язык. В связи с этим средневековый отечественный правовой порядок знал не только Номоканон, но и ряд других правовых кодификаций Византии²⁸.

---

²⁶ Литаврин Г. Г. Византия и славяне / Г. Г. Литаврин. Санкт-Петербург: Алетей, 1999. С. 471.

²⁷ Курбатов Г. Л. Ранневизантийские портреты. К истории общественно политической мысли / Г. Л. Курбатов. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1991. С. 15.

²⁸ Живов В. М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры / В. М. Живов. Москва: Языки славянской культуры, 2002. С. 187–188.

Мало того, средневековая Русь знала и переводные тексты норм византийского права с греческого на церковнославянский, что послужило предпосылкой появления еще в первой половине XIX столетия историко-правовой науки – русской истории права. В свое время Н. Рождественский подчеркивал восприятие славянами не только религии греков, но и их законодательства. Ученый полагал, что византийская нормативная база существенно обогатила отечественную правовую систему. Тем не менее автор не считал византийские нормы основными в рамках отечественной правовой регуляции, признавая за ними лишь вспомогательную и корректирующую роль²⁹.

Подобная трактовка роли византийского права в системе отечественных юридических источников стала популярной в среде российских дореволюционных правоведов и историков. В частности, по мнению В. С. Иконникова, византийское каноническое право получило существенный импульс в рамках клерикальных правоотношений в средневековой Руси, что стало предпосылкой к постепенной смене акцентов в правовой рецепции с религиозных на светские правовые памятники³⁰.

Сторонником подобного взгляда на природу рецепции византийского права выступал и М. Ф. Владимирский-Буданов, считавший, что принятие христианство на Руси спровоцировало и переворот в отечественном правовом регулировании. Ученый отмечал, что полного вытеснения норм русского обычного права не было, но сама рецепция греческих канонических правовых памятников послужила началу широкого заимствования и светских нормативно-правовых актов Византии³¹. По мнению другого дореволюционного русского правоведа В. И. Сергеевича, рецепция византийского законодательства существенным образом видоизменила правопорядок средневековой Руси, не только в рамках регулирования церковных правоотношений, но и сферу светских общественных отношений³².

Подобное осмысление роли византийского права в формировании отечественной правовой регуляции бытовало и в среде советских правоведов и историков. В частности, Я. Н. Щапов полагал, что правовые

---

²⁹ Рождественский Н. Ф. Рассуждение о влиянии греко-римского права на российские гражданские законы / Соч. э.-орд. проф. С. Петерб. ун-та Николая Рождественского. Санкт-Петербург: тип. Штаба воен.-учеб. заведений, 1843. С. 5. Источник электронной копии: РГБ Место хранения оригинала: А 140/71

³⁰ Иконников В. С. Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории. Киев: Университетская типография, 1869. С. 369.

³¹ Владимирский-Буданов М. Ф. Указанное сочинение. С. 99.

³² Сергеевич В. И. Указанное сочинение. С. 293.

источники Византии в средневековой Руси имели хождение после их доработки и приспособлению к текущим отечественным условиям³³.

Проблематике заимствования византийских норм права в рамках средневекового правопорядка Руси посвящены ряд работ Л. В. Милова³⁴. Примечательно, что ученые, занимавшиеся анализом вопросов рецепции византийского права в плоскости отечественной правовой регуляции средневековой Руси, обычно были единодушны во мнении первоначального приоритета византийских канонических норм в рамках их заимствования отечественным правопорядком. Указанные ученые отмечали и определенную тенденцию рецепции светского права, которая заключалась в том, что первоначально заимствовались нормы, регулирующие брачно-семейные и наследственные правоотношения.

Постсоветский период в рамках анализа указанной проблематики также демонстрирует заданный концептуальный тренд, остающийся практически неизменным и в начале XXI столетия³⁵. Безусловно, есть авторы, которые ратуют за пересмотр традиционных взглядов на проблематику рецепции византийского права³⁶, что не меняет общий аналитический курс отечественной правовой и исторической наук.

Традиционное направление отечественной историографии и юриспруденции, доказывая существование обширной рецепции византийского права и формирования посредством указанных правовых

---

³³ Щапов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. Москва: Наука, 1978. С. 10.

³⁴ Милов Л. В. Византийская Эклога и «Правда Ярослава» (к рецепции византийского права на Руси). // Милов Л. В. Исследования по истории памятников средневекового права. Москва: РОССПЭН, 2009. С. 173–186; Милов Л. В. Византийская Эклога и Пространная Русская Правда (проблемы рецепции). В кн.: Милов Л. В. Исследования по истории памятников средневекового права. Москва: РОССПЭН, 2009. С. 162–172; Милов Л. В. Проблемы рецепции византийского права в Древней Руси. // Милов Л. В. Исследования по истории памятников средневекового права. Москва: РОССПЭН, 2009. С. 314–327.

³⁵ Еремян Э. В. Древнеславянская кормчая на Руси как часть византийского правового наследия // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2000. №1. С. 197–200; Георгиевский Е. В. К вопросу об общей характеристике и происхождении Русской Правды // Сибирский юридический вестник. 2009. №1. С. 74–81; Гриднев А. Н. Роль византийского права в формировании древнерусской государственности // Пробелы в российском законодательстве. 2009. №3. С. 207–209; Бондаренко Ю. В. К проблеме рецепции византийского права в древнерусском законодательстве // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 4. С. 274–276; Кравченко Е. В. Влияние византийских правовых норм на юридические памятники Древней Руси // Философия права. 2014. № 5 (66). С. 120–124.

³⁶ Новицкая Т. Е. К вопросу о так называемой рецепции римского права в России // Вестник Московского университета. Сер.11. Право. 2000. № 3. С. 121–134; Томсинов В. А. Юриспруденция Древней Руси и правовая культура Византии // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2009. № 4. С. 3–26.

заимствований специфического правопорядка средневековой Руси, исходит из того, что подобная концепция подтверждается результатом сравнительно-правового анализа правовых систем Византии и Руси средних веков. На первый взгляд, подобная методика позволяет формулировать цельную картину широкой рецепции и последующей адаптации норм канонического и светского права Византии под условия Руси указанного периода. Тем не менее, как отмечает К. В. Петров, не представляется возможным в полной мере доказать широкую рецепцию византийского права в средневековой Руси, не учитывая контекст юридического трансфера нормативного материала³⁷.

Методологически отталкиваясь от упомянутого «контекста», можно продолжить аналитические изыскания проблематики рецепции византийского права в русле концептуального расширения указанного «контекста», понимая его не только как политико-правовой, но и социокультурный феномен. Кроме того, «контекст» рецепции нормативного материала как минимум нужно рассматривать через призму концептуального дуализма, который предполагает рассмотрение проблемы правового заимствования с точки зрения как Византии, так и Руси. По сути, мы должны выяснить цели, процесс и итоги рецепции. Иными словами, значимым здесь выступает то, что же хотела получить Русь, запуская процесс рецепции византийского права, и какие цели преследовала Византия, выступая юридическим ментором своих северных единоверцев. Опираясь на указанный тезис, необходимо сначала проанализировать византийский «контекст» трансфера правового материала в правопорядок средневековой Руси.

Итак, приступая к изучению нормативного «фона», который сопровождал процесс рецепции, следует выяснить сущность правовой системы Византии к концу X столетия, когда была запущена христианизация Руси. Ключевым здесь выступает вопрос о степени равноценности византийского права праву римскому в его юстиниановой интерпретации. По нашему мнению, ответ на этот вопрос обладает амбивалентным свойством, так как на него одновременно можно ответить как положительно, так и отрицательно. Положительный ответ на этот вопрос напрашивается в связи с тем, что имеет место несомненная преемственность византийского правопорядка, существовавшего в эпоху Македонской династии, с правовой системой Византии эпохи Юстиниана. С другой стороны, светская нормативная база и каноническое право

---

³⁷ Петров К. В. Псков и Новгород в научном творчестве Ю. Г. Алексева / К. В. Петров, С. В. Стрельников, Н. В. Штыков. // Алексеев Ю. Г. Псков и Новгород накануне присоединения к Российскому государству. Санкт-Петербург: Изд-во Олега Абышко, 2020. С. 5–20.

Византии конца X столетия имели существенные отличия от правопорядка Восточной римской империи середины VI в.

Стоит отметить, что римское право классического периода основывалось на полисном праве, а развивалось оно в характерной среде, в которой господствовали рабовладельческие отношения. При этом, указанные условия были нуллифицированы в период кризиса Империи, который сопровождался феноменом иконоборчества и широкой экспансией мусульман. В этой связи, вместе с исчезновением условий, которые обеспечивали нормативное бытие классического римского права, прекратила существование и указанная правовая регуляция. Само культурное развитие Империи подверглось деградации, что не могло не затронуть и правовую сферу государства. По мнению И. П. Медведева, так называемая эпоха «темных веков» выступила своеобразным водоразделом, разделив культурную жизнь Империи на «до» и «после». Автор полагает, что после реализации амбициозных работ по систематизации правового материала, которую осуществили правоведы эпохи Юстиниана, наступает существенный регресс юридической сферы. Ученый заостряет внимание и на деградации сферы государственной системы юридического образования. В итоге кластер византийского правового регулирования в конце VII – первой половине IX столетия представляет собой механизм, находящийся в состоянии существенного упадка. Мало того, автор подчеркивает наличие стагнации не только в сфере императорского правотворчества, но и в области юриспруденции в целом³⁸.

Исходя из наличия данных, можно вести речь о своеобразном декадентстве существовавшего прежде классического римского права. В этой связи Эклогу можно назвать памятником периода упадка римской юриспруденции, а ведь именно Эклога императора Льва III Исавра, по мнению многих ученых, сыграла ведущую роль в процессе рецепции византийского права правовой системой средневековой Руси.

В качестве специфических признаков Эклоги, которые отличали этот нормативно-правовой акт от кодификации Юстиниана, по мнению И. П. Медведева, выступали следующие позиции. Во-первых, имеют место излишняя краткость и неполнота нормативного материала. Во-вторых, наличествует бросающаяся в глаза структурная самостоятельность и оригинальность, которые, по мнению автора, вызваны отсутствием подходящего нормативного лекала. В-третьих, нельзя не отметить стилистическую и языковую специфику, которые существенно упрощали текст нормативного акта. Именно это, считает ученый, наглядно

---

³⁸ Медведев И. П. Развитие правовой науки. // Культура Византии. Вторая половина VII–XII в. / Отв. ред. З. В. Удальцова, Г. Г. Литаврин. Москва: Наука, 1989. С. 216.

демонстрирует стагнацию византийской правовой системы периода кризиса Империи³⁹.

Кроме того, анализируя Эклогу и примыкавшие к ней нормативные акты, такие как Земледельческий закон, Морской закон и ряд иных документов, можно усмотреть отклонения от кодификации Юстиниана, которые были сознательно допущены составителями Эклоги. Все это, по нашему мнению, могло быть спровоцировано стремлением византийских юристов вернуться к национальным азам, инициировать процесс правового регулирования, отталкиваясь от греческого начала. Ожидаемо, что подобная цель приводит к эллинизации римского права, нуллифицируя латинскую терминологию, так как византийская юриспруденция Македонской эпохи переходит на греческий язык. По сути, речь шла о замене латинского «Corpus juris civilis» греческим аналогом через интерполяции, сокращения и внесение дополнений в существующий текст в целях нивелирования всех латинских правовых терминов и понятий.

Общая тенденция эллинизации византийского права приводит к тому, что Прохирон Льва VI четко коррелируется с Эклогой, производным из которой он выступает. Ряд отечественных исследователей ставит Прохирон в ряд источников средневекового правопорядка Руси. Тем не менее, думается, что имели место не только стагнация римского классического права и перевод его в плоскость греческого языка. Сам факт запуска процесса реформирования существующей правовой регуляции с позиции греческой языковой системы неизбежно возрождает дух национального греческого права, давал импульс его глубинным, родовым свойствам и специфическим признакам. При этом греческому национальному праву, как считает И. Е. Суриков, чужда систематизация и социальная рефлексия, равно как и развитость категориального аппарата. Кроме того, автор полагает, что указанная правовая регуляция синкретически неразрывно связана с религиозно-этической сферой⁴⁰.

По сути, византийское право X столетия тесно переплетается с религией, при том что светское право уже нельзя в полной мере отделить от права канонического. Подобная ситуация выступает закономерным итогом самой византийской политико-правовой доктрины, где оформляются специфические отношения между государственными и клерикальными структурами. Сама идеология Византии не предполагала отсутствие взаимодействия Власти и Церкви, когда мир предстает в образе сообщества христиан, которыми управляет император, а Церковь осуществляет духовное руководство⁴¹. Мало того, православная религия

---

³⁹ Там же. С. 216.

⁴⁰ Суриков И. Е. Проблемы раннего афинского законодательства. Москва: Языки славянской культуры, 2004. С. 15.

⁴¹ Мейендорф И. Византийское богословие / протоирей И. Мейендорф. Минск: Лучи Софии, 2001. С. 301.

для населения Византии была не просто религиозным культом, она выступала высшей ценностью, играя объединительную и консолидирующую роль в аспекте государственного строительства и идеологического стержня. По мнению Н. И. Соколова, православие в Византии объединяло пестрое в этническом аспекте население империи, оформляя дух гражданственности и патриотизма⁴².

Подобное идеологическое устройство византийского общества не могло не приводить к тому, что каноническое и светское право существовали в теснейшем единстве, постоянно оказывая друг на друга воздействие, реализуя так называемый принцип «симфонии» светской и духовной власти, порождая союз государства и церкви. «Когда и церковь со всех сторон благоустроена, и государственное управление движется твердо и путем законов направляет жизнь народов к истинному благу, то возникает добрый и благотворный союз церкви и государства, столь вождеденный для человечества»⁴³.

Стоит отметить, что классическое римское право, оказывающее свое регулятивное воздействие в Византии, подверглось существенной трансформации под воздействием православия. Так, И. И. Соколов отмечал, что по мере того, как Восточная римская империя превращалась в Византию, старые латинские источники получали не только новое оформление, но и новое содержание, наполняясь эллинистическими идеями и православной идеологией. В результате, как считает ученый, уже в эпоху Юстиниана право обогащается новыми юридическими категориями, которые создают предпосылку вытеснения прежнего латинского содержания⁴⁴.

Подведя предварительный итог, можно сказать, что классическое римское право, которое еще имело место в «Corpus juris civilis» к концу X столетия существенно трансформируется, как в аспекте оформления, так и в плане содержания. Испытав на себе влияние сразу трех факторов – стагнации, эллинизации и православия, римское право, по сути, перестает быть римским, приобретая греческую национальную самобытность. Тем не менее новое византийское право, обладая некоторой генетической связью с римским правом, сохраняет при этом высокую степень оригинальности и неповторимости. В этой связи рецепция именно такого, нового византийского права, отредактированного, воцерковленного, несущего в

---

⁴² Соколов И. И. Лекции по истории Греко-Восточной церкви. Т. I. Санкт-Петербург: Изд-во Олега Абышко, 2005. С. 8.

⁴³ Курганов Ф. А. Византийский идеал царя и царства и вытекающие отсюда, по сравнению с идеалом церкви, отношения между церковной и гражданской властью. Казань: Тип. Императорского университета, 1881. С. 24.

⁴⁴ Соколов И. И. О византинизме в церковно-историческом отношении. Избрание патриархов в Византии с середины IX до начала XV века (843–1453 г.). Вселенские судьи в Византии. Санкт-Петербург: Изд-во Олега Абышко, 2003. 272 с.

себе черты греческого национального права, была осуществлена в правопорядок средневековой Руси.

Прежде чем перейти к анализу «контекста» в аспекте русских устремлений в плоскости рецепции, необходимо озвучить крайне значимый, на наш взгляд, момент, который в некоторой степени поможет осмыслить цели греков в рамках экспорта нормативного материала на Русь. Иными словами, готовы ли были византийцы подарить русским свое право, которое считалось частью их государственной идеологии, входя в разряд высшей ценности Империи. В этой связи здесь будет уместно процитировать императора Феофила, который буквально говорил следующее: «Глупо отдавать свое добро и раскрывать перед другими народами знание сущего, коим гордится и за что чтим всеми ромейский род»⁴⁵.

Несомненно, высокоразвитая правовая система, ее стройность, логичность и кодифицированность выступала гордостью византийцев и частью их высокой культуры, которая и отличала цивилизованное общество от общества варварского. Сами сношения Византии с Русью носили прагматический характер. По мнению С. А. Иванова, византийская политика христианизации Руси несла в себе цель прежде всего снизить градус агрессии русских против Византии⁴⁶.

В рамках нашего исследования также важно идентифицировать субъекта, который выступил организатором культурно-нормативного трансфера из Византии на Русь. В этой связи необходимо вспомнить труды В. М. Живова, который отмечал гетерогенное свойство культуры Византии, ее концептуальный дуализм, когда тесно переплетались греко-римская классическая традиция, несущая в себе гуманистические начала и концепция аскетизма, характерная раннему христианству. Именно в рамках идей раннего христианства, аскетичного, неиспорченного синтезом с античной культурой и, что главное, равнодушного к имперским амбициям и интеллектуальным достижениям античности, осуществлялся культурный экспорт из Византии на Русь⁴⁷. По сути, указанную рецепцию культурного и правового материала осуществляли прежде всего адепты аскетического христианства, которые и играли главную роль в христианизации Руси, ее «окультуривании», по крайней мере на ранних этапах. В целом нельзя недооценивать подобную ситуацию, так как именно начальные периоды христианизации закладывали основу и

---

⁴⁵ Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / Изд. подгот. Я. Н. Любарский. Санкт-Петербург: Алетей, 2009. С. 125.

⁴⁶ Иванов С. А. Византийское миссионерство: Можно ли сделать из «варвара» христианина? Москва: Языки славянской культуры, 2003. С. 343.

⁴⁷ Живов В. М. Особенности рецепции византийской культуры в древней Руси // Разыскания в области истории и предьстории русской культуры. Москва: Языки славянской культуры 2002. С. 75.

самобытность русского православия, отечественной культуры и российских идеологических установок в целом.

Учитывая вышесказанное, можно вести речь об определенных тенденциях культурно-правового заимствования, которое, исходя из Византии, формировало социокультурную среду средневековой Руси, в том числе и новый правопорядок, оформлявший особые формы гендерной спецификации, закладывая базу для реализации принципа гендерного равенства, которое было не чуждо общей христианской традиции. Ярко выраженная однобокость культурно-правовой рецепции нивелировала возможность ознакомления населения Руси с нормами византийского законодательства, так как переводились на церковнославянский язык прежде всего религиозные тексты. Иными словами, полноценной рецепции римского права даже в византийской интерпретации в средневековой Руси не могло быть.

С другой стороны, стремились ли русские знатоки права исправить сложившуюся ситуацию и обогатить свои умы достижениями римского права? В чем состояли особенности русского «контекста» культурно-правовой рецепции? Ответ на эти вопросы представляет существенную сложность, так как прежде необходимо проанализировать разницу в области заимствования римского права Западной Европой и Русью.

Итак, западноевропейские страны раннего средневековья сформировались и развивали свою государственность на территориях бывших провинций Западной Римской империи, в которых проживало многочисленное, по большей части романизированное население, в среде которого имели место определенные традиции и культурные практики, в том числе и юридического характера. В течение определенного времени в указанных государствах существовала правовая регуляция на базе римского права. При этом варвары, захватившие территории Западного Рима, разрешали споры о праве посредством использования своего традиционного права. Подобный регулятивный дуализм выступил в качестве предпосылки взаимопроникновения двух полярных правовых систем, существенно облегчив рецепцию римского права в государствах Западной Европы. Кроме того, этому способствовало и использование латинской языковой системы как языка клерикальных институтов. Сам же язык католической церкви – латинский язык, постепенно транслировался и в сферу государственного управления, судопроизводства, становился языком науки и культурным рупором, в итоге выступив в роли значимого средства общения различных наций в Европе в средние века.

В свою очередь, на Руси схожие процессы происходили иначе. Так, социокультурный фундамент, на котором основывалась средневековая Русь, обладал существенным спектром отличий от западноевропейского культурного субстрата. Раннесредневековая Русь не была затронута влиянием римского права и романской культуры. При этом и культурное

влияние Византии было ограничено. Проблема усугублялась еще и тем, что после религиозного раскола 1054 г. Русь оказалась вне сферы влияния латинской культурно-религиозной традиции. В этой связи ни о какой благоприятной почве в аспекте рецепции римского права в рамках средневековой Руси говорить не приходится. Негативную роль в описанной ситуации играл и языковой барьер, который неизменно порождал и культурное непонимание народов, порождая своеобразное противостояние Запада и Востока.

Плоскость языкового общения вообще крайне важна в исследуемой проблематике, так как, если государства Западной Европы имели общий язык общения, в качестве которого выступал латинский язык, то нации, сплотившиеся вокруг Византии, не практиковали общение на греческом языке. Язык византийцев не повторил судьбу латыни и не стал культурным «цементом» межнационального общения. В этой связи, не обладая навыками общения на греческом языке и, следовательно, не погружаясь по-настоящему в социокультурную жизнь Царьграда, русские книжники использовали лишь переводные тексты, в которых юриспруденции отводилось не так много места.

Безусловно, сложившуюся тенденцию могло бы поменять широкое участие в просвещении Руси представителей интеллектуальных слоев византийского истеблишмента. Подобные подвижники, ожидаемо, были в дефиците, и исключение, как Феофилакт Орхидский, известный просветитель болгар, лишь подтверждает общее правило⁴⁸. Так сложилось, что в средневековую Русь известные византийские ученые ехать не желали и русская книжная и интеллектуальная среда не обогатилась, так как в Болгарии. Не способствовал культурному сближению и разный уровень культурного развития византийцев и русичей. При этом важно понимать, что культурное высокомерие греков имело исток еще с античных времен и было в достаточной степени обоснованным. Так, в VII–XII столетиях вплоть до культурного Ренессанса в Западной Европе Византия в цивилизационном развитии существенно опережала западноевропейские государства и Русь. В философской сфере, общественно-политическом развитии, в области науки и образования, дипломатии, военном искусстве, юриспруденции, государственном управлении и даже в быту, везде греки были первыми, возвышаясь над окружающими Византию варварскими народами, к которым причисляли и народы Западной Европы, и русичей.

Стоит отметить, что византийцы в средние века являлись по сути единственными хранителями наследия античной эпохи, которая позволяла интеллектуальной сфере Византии быть на недостижимой для ее соседей высоте. В результате Русь ничего равноценного Византии предложить не

---

⁴⁸ Оболенский Д. Шесть византийских портретов // Оболенский Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. Москва: Янус-К, 1998. 655 с.

могла. Более того, низкое культурное развитие русского социума оформляло такую ситуацию, когда русичи не просто отставали от византийцев в интеллектуальном плане, но и часто не могли полноценно воспринять все культурное богатство Византии. При этом культурно-правовой трансфер из Византии на Русь обладал свойством купированности и неполноты, а русские интеллектуалы того времени еще не были способны это понять, изменив методику культурного восприятия.

Подобное положение дел в средневековой Руси можно было бы постепенно исправить через внедрение системы образования по византийским лекалам. Однако этого сделано не было, в том числе по причине двуличности устремлений византийцев, желавших не столько просветить «северных варваров», сколько сменить вектор их внешнеполитической агрессии. Примечательно, что, по мнению П. Лемерля, в Византии на систему образования христианская религия особо не повлияла. Так, школы и университеты по своей сущности остались такими же, какими были в эпоху доминирования политеизма. Автор подчеркивает, что система образования Византии не стала подстраиваться под новые теологические реалии, а напротив, именно христианство приспособилось к текущему положению дел в образовательной сфере. Характеризуя имманентные свойства развития византийской образовательной сферы, П. Лемерль отмечал, что апологеты христианства смирились с мыслью о значимости изучения античного наследия в аспекте повышения своего социального статуса и продвижения по карьерной лестнице, стараясь поставить его на службу христианскому культу⁴⁹.

По сути, вышесказанное подтверждает мнение В. М. Живова, который отмечал, что византийская система образования, несмотря на утверждение христианской религии, сохраняла преемственность по отношению к античному культурному наследию. Подобную ситуацию можно было бы назвать парадоксальной по причине религиозного противостояния христианского культа с римским политеизмом и полярностью культурного контекста язычества и христианства. Ученый подчеркивает, что даже процесс снижения интереса к античному наследию в VIII столетии и его рост в IX–XI вв. не уничтожил ту культурную пропасть, которая существовала между Византией и окружающими ее народами⁵⁰.

Тем не менее, нельзя не отметить и ярко выраженную элитарность образовательной сферы в Византии, когда учебные заведения концентрировались в крупных городах и прежде всего в Константинополе.

---

⁴⁹ Лемерль П. Первый византийский гуманизм. Замечания и заметки об образовании и культуре в Византии от начала до X века; пер.: Т. А. Сениной. Санкт-Петербург: Гнозис, 2017. С. 65, 67.

⁵⁰ Живов В. М. Указанное сочинение. С. 81.

На элитарный характер византийской системы образования указывали многие отечественные ученые⁵¹. Подобные тенденции наглядно демонстрируют, что «сокровенное знание», в том числе и в аспекте юриспруденции, было достоянием достаточно узкой группы из просвещенной прослойки византийской элиты и на Русь попасть никак не могла, так как не было тех подвижников, которые бы помогли указанным знаниям закрепиться в рамках русской средневековой культуры. В этой связи возникает вполне резонный вопрос: какая же система образования существовала в средневековой Руси и какими качествами указанная сфера обладала?

Ответ на этот вопрос можно найти в трудах В. М. Живова. Ученый полагает, что система образования средневековой Руси по своей сущности была образованием религиозного характера и ни в коей мере не затрагивало античную традицию. При этом, как отмечает ученый, телеологически образование на Руси было связано с реализацией миссии по христианизации населения, не ставя задач по его просвещению⁵². Подобная сущность системы образования в средневековой Руси формировала и номенклатуру библиотек, которая должна была соответствовать богослужебным протоколам. Так, по мнению А. М. Пентковского, именно церковный Устав выступал основным регулятивным инструментарием не только богослужебной практики религиозного устройства, но и всего средневекового русского быта. Ученый также подчеркивал, что именно церковный Устав формировал и структуру библиотек Древней Руси⁵³. По мнению М. Лисицына, базовую номенклатуру русского книжного дела регламентировали церковные уставы, при этом они не предполагали включение в состав текстов юридических документов⁵⁴. По сути, культурное заимствование из Византии на Русь через клерикальные потоки не предполагало масштабной рецепции права. Подобная тенденция сохранялась и в поздние периоды⁵⁵.

В этой связи аскетические традиции раннего христианства прочно укоренились в социокультурной среде русского общества, показав свою устойчивость в период смены внутривосточной конъюнктуры. Так, по мнению В. М. Живова, любые послабления религиозной и культурной

---

⁵¹ Лемерль П. Указанное сочинение. С. 376; Оболенский Д. Указанное сочинение. С. 444 и др.

⁵² Живов В. М. Указанное сочинение. С. 83.

⁵³ Круглый стол: 1000-летие христианизации Руси // Советское славяноведение. 1988. № 6. С. 39–40.

⁵⁴ Лисицын М. Первоначальный славяно-русский Типикон. Историко-археологическое исследование. Санкт-Петербург: тип. В.Д. Смирнова, 1911. С. 160.

⁵⁵ Горский А. В. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки / А. В. Горский, К. И. Невоструев. Отд. 3. Книги богослужебные, Ч. 1. Москва: Синод. Тип-я, 1869. С. 239.

жизни со стороны власти демонстрировали жизнеспособность и масштабную активность аскетической раннехристианской идеи⁵⁶. В отличие от византийской элиты, русская интеллигенция в основном группировалась в рамках клерикальных институтов. Кроме того, даже в XIV столетии русские книжники считали неприличным ссылаться на античных философов⁵⁷. По мнению Р. Пиккио, односторонность культурной рецепции, ее явное тяготение к раннехристианским идеалам сформировали русскую книжность в рамках восприятия византийского культурного наследия без использования античного интеллектуального ресурса. Автор подчеркивал неприятие античной мысли русскими книжниками. Итальянский русист отмечал, что русские интеллектуалы в средние века пытались почерпнуть информацию прежде всего из религиозных источников, тенденциозно игнорируя технические и практические знания⁵⁸.

Стремление русских интеллектуалов того времени впитывать знания прежде всего из религиозной литературы так или иначе перечеркивало правовую рецепцию как факт, так как в ней было ничтожно мало юридических текстов. Достижения византийцев в сфере юриспруденции мало интересовали средневековую русскую интеллигенцию, так как сам культурно-исторический «контекст», бытовавший на Руси в тот период, не способствовал рецепции римского права в его византийской интерпретации. Социум средневековой Руси в целом был не готов ни в политико-правовом, ни в культурно-религиозном отношении к рецепции византийского нормативного материала. Тем не менее факт наличия в рамках отечественного правопорядка того периода норм византийского права как светского, так и канонического, нельзя отвергать. По этому поводу М. Ф. Владимирский-Буданов отмечал, что светское право Византии имело хождение в средневековой Руси в составе сборников византийского канонического права. Ученый писал, что «в Русской Правде есть весьма близкие заимствования из светских памятников кормчей», причем «возможность заимствования облегчалась тем, что византийские кодексы (особенно иконоборческой эпохи) составлены под явным

---

⁵⁶ Круглый стол. Указанное сочинение. С. 38.

⁵⁷ Смолятич К. Послание Климента, митрополита русского, написанное к смоленскому пресвитеру Фоме, истолкованное монахом Афанасием. В кн.: Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. Санкт-Петербург, Наука, 1997. С. 118; Лихачев Н. П. Инок Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче. Санкт-Петербург: Комитет Императорского Общества Любителей Древней Письменности, (Тип. М. А. Александрова), 1908. С. 27; Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / подготовка текста и комментарий Н. К. Гудзия, В. Е. Гусева, Н. С. Демковой, А. С. Елеонской, А. И. Мазунина; послесловие В. Е. Гусева. – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1979. С. 120.

⁵⁸ Пиккио Р. Древнерусская литература. Москва: Языки славянской культуры, 2002. С. 41.

влиянием славянского элемента в самой Византии». Мало того, М. Ф. Владимирский-Буданов подчеркивал ту свободу, не предусматривавшую догматизма, с которой осуществлялась указанная рецепция⁵⁹.

Анализируя рецепцию канонического права Византии, необходимо отметить, что православная община в целом не могла их не использовать в рамках повседневной правовой регуляции. Тем не менее вопрос, насколько был высок количественный и качественный уровень христианизации на Руси в средние века, а также проблематика канонического правоприменения в рамках указанного периода, остается открытым. В свою очередь, с нормами светского права Византии дело обстояло несколько иначе. Так, С. Франклин выдвинул любопытную гипотезу о том, что неразвитость официальной письменности в рамках государственного управления на Руси в средние века является не следствием примитивности государственного аппарата, но устойчивой тенденцией жизнестойкости традиционных социальных отношений русского социума. Автор указывает на то, что как раз письменность в рамках управления общественными отношениями выступала факультативным инструментарием⁶⁰. Можно предположить, что именно такая схема правовой регуляции, основанная на самодостаточности механизма традиционного опосредования социальных связей, долгое время использовалась в плоскости средневекового русского правопорядка. Подобная ситуация, усиленная культурно-религиозным «контекстом» средневековой Руси, формировала существенные препятствия на пути рецепции византийского права. В этой связи можно согласиться с мнением К. В. Петрова, который анализируя проблему рецепции права Византии Русью, отмечал, что «византийские правовые тексты, с одной стороны, в большей мере носили характер определенного эталона, образца, к которому нужно было бы стремиться»⁶¹. При этом можно добавить, что не только светское византийское право было тем «маяком», который указывал путь развития отечественному правовому регулированию. Каноническое право Византии в равной степени выступало эталоном и нормативным лекалом, которому должны были соответствовать нормы религиозной жизни русского общества указанного периода. По сути, аналогичного мнения придерживается В. М. Живов, подчеркивая, что в функциональном плане византийское каноническое право широко применялось в идеологической сфере, обладая больше религиозным, нежели прикладным значением⁶².

Стоит отметить, что статус византийского права в рамках русского средневекового правопорядка демонстрирует его значимость прежде всего

---

⁵⁹ Владимирский-Буданов М.Ф. Указанное сочинение. С. 100.

⁶⁰ Франклин С. Письменность, общество и культура в Древней Руси: (около 950–1300 гг.) / С. Франклин; пер. Д. М. Буланина. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2010. С. 476.

⁶¹ Петров К. В. К вопросу о рецепции византийского права на Руси / К. В. Петров // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. 2013. № 3. С. 42.

⁶² Живов В. М. Указанное сочинение. С. 297.

как часть христианской культуры. Именно поэтому на Руси не сложилась его рецепция в традиционном ее понимании. По сути, нормы византийского права носили в основном субсидиарный характер, реализуя свой регулятивный потенциал в сфере правовых коллизий, когда нормы русского обычного права не могли разрешить споры о праве.

Подобная тенденция в плоскости рецепции норм византийского права указывает и на особое структурирование правового положения мужской гендерной группы, которое с началом христианизации неуклонно трансформировалось в русле раннехристианской традиции. Подобные тенденции приводят к сглаживанию гендерного дисбаланса, который существовал в дохристианский период. Подобная ситуация хорошо видна на примере становления новых принципов семейного права. Так, христианский правопорядок предполагает строгую моногамию. Кроме того, христианские принципы брачно-семейных связей затрудняют процедуру разводов. С другой стороны, христианство повлекло и нарушение прав внебрачных детей, параллельно с ужесточением наказаний за женский промискуитет.

С увеличением политического влияния церкви в средневековой Руси меняется и парадигма развития правового статуса мужчин и женщин. Так, Церковный устав Ярослава Мудрого поставил моногамную семью под защиту церкви, которая становилась серьезной политической силой в русском государстве. Нарастали тенденции существенного покровительства женщин со стороны клерикальных институтов, а права мужчин в брачно-семейной сфере существенно купировались. Церковный брак объявлялся единственным законным союзом мужчины и женщины, вместе с принципом его нерасторжимости, что, безусловно, защищало имущественные права женщин, как более слабых в экономическом аспекте субъектов. Еще одним позитивным фактором, по нашему мнению, защищавшем как права мужчин, так и права женщин, было введение принципа свободы вступления в брак. Мало того, устанавливалась юридическая ответственность в отношении родителей (прежде всего отца) за принуждение дочери вступить в брак без ее согласия.

В целом без детального анализа правового статуса женщин в средневековой Руси уяснить имманентную сущность прав и обязанностей мужчин не представляется возможным. Так, древнерусский род, хотя и обладал патриархальными свойствами, но жизнь женщины охранял вергельдом, хотя и вдвое меньшим, чем жизнь мужчины. В древнерусском праве женщина могла быть обладателем собственности в виде приданого и добрачных подарков будущего мужа. Женщина могла получать имущество по завещанию, а ее личная собственность подлежала правовой охране. Примечательно, что Церковное уложение Ярослава Мудрого предусматривало ответственность мужа за кражу личных вещей супруги⁶³.

---

⁶³ Повесть временных лет. Части 1–2. / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. 404 с.

Русская Правда существенно расширила права вдов, где вдова, повторно не вышедшая замуж, наделялась статусом главы семьи. Положение женщины в средневековой Руси вообще выгодно отличалось от правового статуса римской матроны или свободной германской женщины. Если в Древнем Риме женщина всегда должна была иметь опекуна, то в рамках русского средневекового правопорядка даже замужняя женщина имела право на личную собственность⁶⁴. Женщины в средневековой Руси были достаточно активными субъектами экономической жизни, занимались ремеслом, ростовщичеством и даже могли выступать собственниками земельных участков⁶⁵.

Анализ статьи 106 Русской Правды (регулятивная способность которой имела места и в XII в.) демонстрирует также и тот примечательный факт, что право наследования мужа после смерти супруги ограничивалось лишь пожизненным узурфруктом. Указанная статья также показывает неограниченную женскую завещательную дееспособность⁶⁶.

Уяснить сущность и объем имущественной дееспособности женщин в средневековой Руси способствует анализ норм Русской Правды, которые регулируют наследование собственности детьми от общего отца и разных матерей, где отпрыски двух жен разделяют в равных долях имущество общего отца, но собственность матерей делится лишь между ее собственными детьми. Примечательно, что указанная процедура была итогом рецепции Эклоги и характеризует правоспособность женщин в Руси средних веков как очень развитую.

В качестве вывода по параграфу можно отметить, что традиционный взгляд на правовой статус мужчин в средневековой Руси требует определенной корректировки и существенного анализа по причине того, что, обладая относительно высоким правовым статусом в сравнении со статусом лиц женского пола, мужчина в большей степени был вовлечен в политическую деятельность государства в связи с особыми свойствами исторического периода, которые предполагали активное ведение войн. С силовой парадигмой развития государства в средневековый период связано и доминирование мужчины в брачно-семейной и гражданско-правовой сфере, берущее основу в наличии определенного объема имущества. Подобное нормирование социальных связей тесно связано с заимствованием из Византии раннехристианской доктрины, которая предопределила трансформацию правового положения мужчин в средневековой Руси в сторону сглаживания гендерного перекося и ограничения произвола мужчины в брачно-семейных отношениях.

---

⁶⁴ Повесть временных лет / Подгот. текста Д. С. Лихачева; Пер. Д. С. Лихачева и Б. А. Романова Под ред. чл.-кор. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц Акад. наук СССР. Ч. 1–2. 1-е изд. Часть 1. Текст и перевод. Москва: Изд-во и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1950. С. 146.

⁶⁵ Памятники русского права: Памятники права Киевского государства, X–XII вв. Вып. 1 / Сост.: А. А. Зимин; Под ред. С. В. Юшкова. Москва: Госюриздат, 1952. С. 22–25.

⁶⁶ Владимирский-Буданов М. Ф. Указанное сочинение. С. 378.

§ 3. Правовое положение мужчин: осмысление гражданско-правовой ответственности по Русской Правде

Русская Правда как важнейший исторический памятник обладает существенной концептуальной значимостью, так как отражает эволюцию отечественных феодальных правоотношений и процесс формирования русского правового регулирования. Кроме того, указанный источник заложил институциональный базис института гражданско-правовой ответственности, что в рамках частного права крайне значимо. В то же время Русская Правда отражала и текущую проблематику в области гендерного нормирования, так или иначе опосредуя правовое положение мужчин и женщин, которое, характеризовалось наличием дискриминационных свойств правового материала.

Нормы права, которые регламентировали отношения ретроспективной юридической ответственности, а также компенсаторную сферу правового регулирования, связанную с причинением вреда, имели место в различных источниках средневековой правовой регуляции. В частности, Русская Правда содержала нормы об обязательном возмещении ущерба, что вполне очевидно даже для в некотором роде отсталого социума⁶⁷. Сам институт возмещения ущерба, причиненного виновным лицом, имеет прямое отношение к нормированию правового положения гендерных групп. При этом правовой статус мужчины нередко поглощал правовое положение женщины, если они были связаны брачно-семейными отношениями. В результате женщина лишалась субъектности, и по ее обязательствам отвечал супруг, как домовладыка и господин. Анализируя положения Русской Правды, нельзя не отметить, что примитивизм и казуистика выступали характерным свойством этого правового памятника. Тем не менее этот источник был в некоторой степени унификатором механизма правового регулирования средневековой Руси. Так, примерно в это же время появляются первые данные о регулировании вопросов компенсации морального вреда, как необходимого элемента санкционной политики правового регулятивного инструментария. При этом такая дефиниция как «моральный вред» в Русской Правде и других, более поздних, источниках, раскрыта не была. Некоторые аспекты морального вреда имели место в номенклатуре наказаний в рамках отечественного средневекового правопорядка, а для периода средних веков это достаточно хороший показатель уровня правовой культуры общества⁶⁸.

По большому счету анализировать моральный вред можно лишь с позиций отношения к правонарушению в средние века. Так, считалось, что

---

⁶⁷ Юшков С. В. Русская Правда: происхождение, источники, ее значение; ред. и предисл. В.А. Томсинова. Москва: Зерцало, 2009. С. 25.

⁶⁸ Памятники русского права / под ред. С. В. Юшкова. Вып. 1: Памятники права Киевского государства: X-XII вв. / сост. А. А. Зимин. Москва: Гос. изд-во юрид. лит. 1952. 76–80.

любой вред можно оценить в денежном эквиваленте, однако концептуально институт морального вреда еще не был в полной мере разработан. Тем не менее понимание санкции, которая имеет отношение к наказанию виновного в преступлении лица, была преимущественно направлена в сторону материальной ответственности преступника. В качестве основных мер ретроспективной юридической ответственности выступали различные выкупы, которые представляли собой денежные штрафы как в пользу потерпевшей стороны, так и в пользу князя. Несколько позднее, по мере формирования сильной государственной власти, телеологичность выкупов сменил вектор развития, сконцентрировавшись на пополнении государственной казны, а сами наказания приобретут устрашающий характер.

Институционально выкуп устанавливается за преступление, погашаясь как долговое обязательство через уплату долга. Сам феномен денежного выкупа выступал неким результатом внутренней политико-правовой конъюнктуры развития отечественного феодального социума, параллельно сосуществуя с кровной мстью, неумолимо вытесняя последнюю из механизма правовой регуляции. В этой связи Русская Правда распространяет свое регулятивное воздействие в основном на имущественные права лица, совершившего правонарушение. Так, по мнению Д. Г. Тальберга, период с IX–XIII в., когда Русская Правда и уставные грамоты обладали юридической силой, частное вознаграждение обладало существенным приоритетом перед уголовным наказанием. Подобная сущность ретроспективной юридической ответственности в дальнейшем пролонгировала свои качества, наблюдаясь практически до начала XVI столетия. В частности, при обвинении лица в таких преступлениях, как татьба, разбой и душегубство, первоначально предписывалось удовлетворять требования потерпевшей стороны и лишь затем устанавливать уголовное наказание⁶⁹.

Анализируя юридическую природу выкупа, необходимо подчеркнуть, что он имел различные названия в Русской Правде, завися прежде всего от ее редакции. В частности, краткие редакции Русской Правды не имели специальных наименований, которыми бы обозначались выкупы. По сути, средневековый законодатель лишь назначал сумму в гривнах, градируя материальную ответственность за то или иное правонарушение. Вторая редакция этого правового памятника выкуп представила в двух видах – вирой и продажей. Пространная редакция дает еще больший нормативный простор, закрепляя в качестве выкупа не только виру и продажу, но и головничество, а также урок.

В конечном счете Русская Правда стала содержать в себе правовой квартет понятий выкупа за причинение вреда, которые можно назвать прообразом современных правовых институтов, входящих в номенклатуру

---

⁶⁹ Цит. по Федорова А. Н. Понятие правонарушения по Русской Правде // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2009. № 5 (8). С. 121–125.

компенсаторной функции правового регулирования. При этом штраф в пользу князя, то есть в государственную казну назывался вирой и продажей. Компенсация в пользу потерпевшего от преступления частного лица имел наименование урок, или головничество.

Головничество (головщина, головщица, головничество) тесно связано с кровной мстью, так как заменяет ее. При этом головщина, по своей природе, выступает правом истца – близкого родственника убитого, являясь итогом выигрыша в гражданском процессе. Что характерно, головничество – это всецело прерогатива частного лица, на которую никогда не претендовал князь, даже в ее части. Объем головщины первоначально не был нормативно определен и обладал диспозитивными характеристиками, формируясь по взаимному согласию сторон. Тем не менее постепенно головничество стало определяться судом, основываясь на жалобе истца.

Ведя речь о вире, необходимо подчеркнуть, что она представляла собой штраф, который назначался за убийство человека, принадлежавшего к свободному сословию. Вира, как правовой институт, была введена князем на случай, когда убийцу некому было преследовать в аспекте кровной мести. Иными словами, когда у убитого не имелось родственников, функцию преследования виновного в преступлении брал на себя князь. Имущественный статус виры был близок к вымороченному имуществу, а ее размер был нормативно определен. В определении виры ясно виден сословно-гендерный подтекст. Так, за убийство свободного человека из простого сословия закон предписывал взимать 40 гривен, сумму достаточно внушительную. В настоящее время достаточно сложно соотнести древнерусские и современные деньги, да и информации о ценах той эпохи в источниках тоже немного, и нередко она бывает противоречива. Однако все же некоторые выводы об уровне цен и стоимости денег сделать можно, опираясь, например, на Русскую Правду, различные договоры, расписки купцов, дошедшие до нас, и другие документы. Итак, стоимость холопа (раба), как правило, составляла минимум 5–6 гривен. Цены на скот, размер оплаты труда приводит Русская Правда в ее краткой редакции:

– ст. 28. А за княжеского коня, если он с тавром (платить) 3 гривны, а за смердьего – 2 гривны, за кобылу – 60 резан, а за вола – гривну, за корову – 40 резан, а (за) трехлетку – 15 кун, за двухлетку – полгривны, за теленка – 5 резан, за ягненка – ногата, за барана – ногата;

– ст. 35. А если (кто-либо) украдет ладью, то за ладью платить 30 резан, а штрафа 60 резан;

– ст. 36. А за голубя и за курицу (платить) 9 кун, а за утку, за журавля и за лебедя – 30 резан; а штрафа 60 резан.

В то же время за убийство не простого, а знатного человека – боярина или слуги князя вира увеличивалась вдвое, составляя 80 гривен. В этой связи, если сословный аспект виры демонстрировал двойное увеличение штрафных санкций, то гендерные характеристики виры

уменьшали ее вдвое. Так, за убийство женщины или нанесение ей таких увечий, которые лишали ее трудоспособности, предполагалось так называемое полувирье, которое составляло 20 гривен⁷⁰.

В случае невозможности отыскать убийцу сама община, на территории которой находили труп, приобретала статус виновной стороны и была обязана выплатить дикую виру – штраф, основанный на круговой поруче общинников. Сумма по дикой вине также зависела от сословного и гендерного статуса убитого. Стоит отметить, что дикая вира не обладала теми императивными началами, которые имели место в обычной вине или полувирье. Так, дикая вира характеризовалась возможностью рассрочки (ст. 4 Русской Правды). Как было сказано выше, суммы, обозначающиеся в вине, были крайне обременительны, и выплата штрафа за убитого равнялось потере стада крупного рогатого скота. В этой связи за общиной сохранялось право распределить штрафную сумму между общинниками в зависимости от их достатка и материального положения. Кроме того, администрация князя не могла вмешиваться в процесс распределения штрафа в среде общинников, что демонстрирует высокую автономию общины в делах управления. Сам институт рассрочки в рамках дикой виры предполагал заинтересованность князя в сохранении финансово-хозяйственной правоспособности общины и формирования постепенной ее зависимости от княжеской власти.

Постепенное изживания права кровной мести выдвигает виру в один ряд с головщиной, так как исчезает субъект, который обладал правом и обязанностью кровной мести. Указанные институты стали реализовывать свой регулятивный потенциал параллельно, обладая при этом разной правовой природой. Так, головничество представляло собой вознаграждение частного лица – близкого родственника убитого, который инициировал гражданский процесс. В свою очередь, вира представляла собой уголовную санкцию за убийство, сумма которой шла в казну князя. По мнению П. Мрочек-Дроздовского, юридическая природа виры изначально была расположена в плоскости частного права. Однако постепенно сущность виры трансформируется, превращая ее в публичный штраф, княжескую пени. Именно в этом, как считает автор, стала заключаться телеологичность виры и ее исключительная публичность⁷¹. Другие исследователи придерживаются тезиса о вине как праве получить вознаграждение лицами, которые утратили право и обязанность кровной мести⁷². Так, Н. Власьев полагал, что Правда Ярославичей демонстрирует характерные особенности виры в русле позиционирования ее как продажи,

---

⁷⁰ Сергеевич В. И. Указанное сочинение. С. 65.

⁷¹ Мрочек-Дроздовский П. Исследования о Русской Правде. Вып. 2. / П. Мрочек-Дроздовский. Москва: Унив. тип., 1885. С. 17.

⁷² Власьев Н. О вменении по началам теории и древнего русского права / Н. Васильев. Москва: Универ. тип., 1860. С. 128.

которая несет в себе элементы объективного вменения, так как нередко трансформируется в дикую виру⁷³.

Затрагивая проблематику кровной мести, необходимо отметить, что указанный институт в рамках отечественного средневекового правопорядка как социально-правовой феномен имел место в такой общественно-политической ситуации, когда государственный механизм еще не получил полноценного развития, а публичная власть была не способна обеспечить должное состояние правопорядка и общественной безопасности. Иными словами, кровная месть имела нормативное закрепление в тот период, когда государство еще не обладало монопольным правом применять агрессивное насилие. Такая ситуация обычно наблюдается в процессе зарождения государственности, либо на современном этапе в тех странах, которые в правовом регулировании отражают идею традиционализма в сфере государственного управления. Стоит отметить, что правовые системы, в которых кровная месть допускается, нельзя считать передовыми и демократическими.

Внешне обычай кровной мести мог выражаться, к примеру, в обязанности кровных родственников убитого отомстить за смерть близкого человека, либо осуществить месть за менее тяжкие преступления, такие как причинение вреда здоровью или кража невесты⁷⁴.

Часто обязанность осуществить кару падала не только на биологических родственников потерпевшего, но и на весь его клан, тейп, род или общину. Примечательно, что сам по себе институт кровной мести был известен уже в период родоплеменных отношений и был достаточно эффективным социальным регулятором, который можно назвать одним из древнейших социальных институтов⁷⁵.

Кровная месть в отечественном правовом регулировании обладала институциональной сущностью, коррелирующей с принципом талиона, который был лапидарно сформулирован в ветхозаветной религиозной традиции. Мало того, характерными свойствами кровной мести в средневековой Руси, как компенсаторного и правоприменительного механизма, выступали, во-первых, императивный характер обязательств семьи потерпевшего осуществить месть, и, во-вторых, распространение кары за совершенное деяние на всех родственников преступника и даже просто близких ему людей. Иными словами, понести ответственность за преступное деяние мог не только сам преступник, но весь круг его кровных родственников и даже соседей⁷⁶.

---

⁷³ Там же. С. 127.

⁷⁴ Малиновский И. А. Кровная месть и смертные казни / И. А. Малиновский. Томск: Типо-литогр. Сиб. т-ва печати, 1908. С. 30–31.

⁷⁵ Мальцев Г. В. Месть и возмездие в древнем праве / Г. В. Мальцев. Москва: Норма, 2014. С. 140.

⁷⁶ Викторский С. И. История смертной казни в России и современное ее состояние / С. И. Викторский. Москва: Тип. Имп. Моск. ун-та, 1912. С. 2.

В древнерусском социуме институт кровной мести впервые юридически зафиксирован в русско-византийском соглашении 912 г., где были достаточно конкретно отражены основные принципы его реализации, предусматривающие как личную, так и имущественную ответственность преступника. Примечательно, что принцип материальной ответственности предусматривал и обеспечение вещных прав для супруги преступника, которая сохраняла свои права на выделенную по закону долю семейного имущества⁷⁷.

Обычаи славян, трансформировавшись в текст Русской Правды, также предусматривали институт кровной мести. Так, в ст. 1 Пространной редакции Русской Правды предусматривалась кровная месть, которая транслировала на сына обязанность отомстить за смерть отца, а за гибель брата обязанность осуществления мести на брата и т. д. Причем указанная норма однозначно распространяла обязанность осуществления кровной мести на мужскую гендерную группу, не упоминая женщин ни в статусе субъектов преступления, ни в качестве лиц, обязанных мстить. Параллельно с обязанностью осуществления кровной мести фигурировала и возможность получить денежную сатисфакцию потерпевшим или его родственниками⁷⁸. Такая внешняя диспозитивность и возможность выбора способа правовостановления в рамках института кровной мести могла быть реализована лишь в тех случаях, когда государственные органы могли указанный процесс санкционировать, а в средневековой Руси не всегда такое происходило в связи с примитивностью государственных структур.

В свою очередь, М. М. Михайлов утверждает, что трансформация кровной мести из утилитарного обычая в правовую норму императивного характера проистекает из факта ее закрепления в Русской Правде⁷⁹. В этой связи стоит отметить, что кровную месть необходимо отнести к разряду нормативного долженствования, адресованного мужской гендерной группе.

Так, если в период бытийности института кровной мести в нормах обычного права мы видим ярко выраженную принудительную направленность в виде морально-нравственной санкции для лица, не выполнившего обязанность отомстить обидчику своего рода, то во времена законодательной фиксации кровной мести можно констатировать государственное нормирование указанной обязанности.

Стоит отметить, что ни один из исследователей не рассматривал проблематику института кровной мести через призму обязанностей, которыми обременялась мужская гендерная группа. Но именно такая

---

⁷⁷ Хрестоматия по истории отечественного государства и права (X век–1917 год) / Составитель доктор юридических наук, профессор В. А. Томсинов. Москва: Издательство «Зерцало», 2000. С. 4–5.

⁷⁸ Там же. С. 10.

⁷⁹ Михайлов М. М. История русского права Санкт-Петербург: Тип. Департамента уделов, 1871. 182 с.

дискриминационная составляющая правовых норм, связанных с регламентацией кровной мести, ярко демонстрирует то, что патриархальный уклад социальных связей отечественного средневекового общества, наделяя мужскую гендерную группу спектром прав, существенным образом обременял правовое положение мужчин различного рода долженствованиями. В результате мужская гендерная группа испытывала не только различные тяготы, но и обязанности, выполнение которых было сопряжено с рисками, опасными для жизни и здоровья.

Несомненно, в средневековый период отечественная государственность наиболее ярко демонстрирует физиологическую направленность правового регулирования, которая зиждилась на биологических качествах субъекта правоотношений.

Вся характеристика правового положения субъектов отечественного средневекового общества, а также спектр их прав и обязанностей в древнейшие периоды развития русского права были поставлены в зависимость от физиологических свойств человеческого организма, его мускульной силы, половой принадлежности, психологических характеристик личности и т. п. Мало того, анализ древнейших памятников русского права демонстрирует тенденцию законодателя дискриминировать женщин, однако даже в этом аспекте можно усмотреть и признаки принципа положительной дискриминации, когда женщина, не обладая правами, не несла и бремени сопряженных с ними обязанностей.

Институт кровной мести в средневековой Руси, можно рассматривать не только как компенсаторный и правоприменительный инструмент, функционирующий в период зарождения древнерусской государственности, когда публичная власть не обладала полной монополией на применение агрессивного насилия, но и как императивную обязанность мужской гендерной группы древнерусского социума нести на себе бремя правоприменителя, которое нередко было сопряжено с опасностями для жизни и здоровья. Кроме того, можно отметить положительную динамику в появлении диспозитивных принципов в реализации института кровной мести после нормативной фиксации указанной нормы в Русской Правде.

Ведя речь о продаже, необходимо сказать, что этот институт выступал в образе денежного взыскания, которое должен был выплачивать виновный в преступлении. Важным здесь является то, что продажа назначалась за все правонарушения, кроме убийства. В этом было основное отличие продажи от виры. Объем денежного взыскания в рамках продажи был определен нормативно, градируясь в зависимости от тяжести правонарушения и степени виновности лица. Так, продажа могла составлять один, три, двенадцать и двадцать гривен. Телеологически продажа была расположена в плоскости компенсаторной функции правовой регуляции и служила инструментом возмещения ущерба, причиненного правонарушением. В связи с этим вполне логичным

выступало то, что продажа и так называемый «урок» существовали параллельно, при том, что последний являлся выплатой лицу, который непосредственно пострадал от преступления.

В целом урок выступал в качестве денежного возмещения за причиненный вред и устанавливался за большинство составов. Стоит отметить, что урок выплачивался в рамках материальных потерь потерпевшего от преступления собственника, чья вещь пострадала в результате противоправных действий. Примечательно, что за убийство лиц рабского статуса назначался не только урок, но и продажа, если виновное в преступлении лицо относилось к свободному сословию⁸⁰.

Нормативно урок подразделялся на три вида. Во-первых, урок в сорок гривен назначался за убийство, а также за такие увечья, которые вызывали потерю работоспособности, что, к слову, приравнивалось к убийству свободного человека. Во-вторых, урок назначался за различные телесные повреждения, вырывание бороды или усов, и иные подобные действия, составляя при этом двенадцать гривен. В-третьих, урок в размере трех гривен был связан с наказанием за причинение морального вреда и материального ущерба⁸¹.

Анализируя текст Русской Правды, можно увидеть, что в ст. 2 краткой редакции указанного правового памятника нормируется и обязанность ответчика уплатить услуги лекаря, которые он оказал потерпевшему от преступления лицу. По мнению О. И. Чистякова и В. Л. Янина, подобная норма выступала своего рода прецедентом, так как распространяла свое регулятивное воздействие во всех случаях, когда дело касалось телесных повреждений⁸².

Денежный штраф в сумме 12 гривен предусматривался в ст. 3 и 4 Русской Правды в краткой ее редакции за нанесение ударов различными предметами не военного назначения, а также тупой стороной острых орудий (например, рукояткой меча), которые не приводили к существенным телесным повреждениям⁸³. При этом в указанных статьях несложно увидеть достаточно высокий уровень штрафа за обычные телесные повреждения. Например, в ст. 6 Русской Правды краткой редакции за отсечение пальца предусматривалось лишь три гривны.

Такое явное несоответствие О. И. Чистяков и В. Л. Янин объясняли тем, что в ст. 3 и 4 указанного источника имеет место не столько причинение вреда здоровью, сколько действия оскорбительного характера,

---

⁸⁰ Мрочек-Дроздовский П. Указанное сочинение. С. 15–16.

⁸¹ Kaiser D. The Growth of the Law in Medieval Russia. Princeton Legacy Library, 2014. P. 107.

⁸² Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / отв. ред. А. Д. Горский. Москва: Юрид. лит., 1985. С. 52.

⁸³ Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 1: Законодательство Древней Руси / отв. ред. В. Л. Янин. Москва: Юрид. лит., 1984. С. 81.

которые наносили урон чести и достоинству личности. Как считают исследователи, значимым в этих составах выступали именно орудия преступления, сам факт нанесения побоев, которые указывали на оскорбительное отношение к мужчине, пятнавшее его мужественность⁸⁴. Безусловно, отсылка к оскорбительности характера нанесения побоев в качестве объяснения суровости санкции в некотором роде может объяснить такой высокий штраф, при том, что, по Краткой Правде, за оскорбительные действия (вырывание бороды) предусматривалась аналогичная санкция. По нашему мнению, первичным здесь может выступать не оскорбительность поступка, а его неожиданность. Так, орудия преступления здесь фигурируют в качестве не летальных средств поражения (например, жерди, охотничий рог и пр.). Даже если удар был нанесен «не рабочей» стороной боевого оружия (неострой стороной меча, его рукояткой), такие действия входили в указанную категорию. Думается, законодатель существенно повысил размер штрафа в ст. 3 и 4 Краткой Правды, не потому что эти действия оскорбляли человеческое достоинство, а в связи с возможностью нанести побои человеку тогда, когда он менее всего этого ожидал.

В целом урок, как инструмент, реализующий принудительную функцию права, обладал не только уголовно-правовыми качествами, но и правосстановительным характером, воплощая в рамках одного института и наказание, и способ возмещения ущерба, так как штраф выплачивался не в пользу публичной власти, а непосредственно потерпевшей стороне. Стоит отметить, что нормирование такого института как «урок» в Русской Правде, в рамках наказания за причинение вреда чести и достоинству личности, больше соответствует механизму реализации гражданско-правовых деликтных обязательств, если анализировать указанный институт с точки зрения современного понимания подобных правоотношений⁸⁵.

Кроме того, Русская Правда параллельно с нормированием широкой номенклатуры штрафов закрепляла также институт поединков между сторонами процесса как инструмента защиты чести и достоинства личности. Так называемое «поле» – место для поединка определялось окольным и надельщиком, которые входили в круг лиц, имевших право на взимание судебной пошлины. Вместе с указанными лицами пошлину за поединок получал сам судья, роль которого обычно выполнял боярин, а также писарь, в обязанность которого входило составление необходимых документов. Примечательно, что перед началом судебного поединка надельщик был обязан обнести веревкой выделенное для боя пространство, именно за это получая пошлину в четыре алтына. В случае, если причиной поединка выступал пожар, убийство близкого человека (не

---

⁸⁴ Российское законодательство X-XX веков. Т. 2. Указанное сочинение. С. 52.

⁸⁵ Курс советского уголовного права. Часть общая. Т. 2 / Отв. ред.: Н. А. Беляев, М. Д. Шаргородский. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1970. С. 2–4.

связанного с истцом кровнородственными отношениями), похищение человека, а также воровство, то истец мог получить то имущество ответчика, которое обвинитель изначально определит в качестве приза за победу в судебном поединке. Вместе с тем большая доля имущества в этом случае доставалась и судьям. Победленного в поединке подвергали также телесным наказаниям, в зависимости от тяжести совершенного деяния. Подобная ситуация была справедлива и в случае победы обвиняемого, который сам получал то вознаграждение, на которое рассчитывал вызвавший его в «поле»⁸⁶.

По сути, Русская Правда выступает здесь первым нормативным унификатором, опосредующим сферу защиты нематериальных благ потерпевшего.

Стоит отметить, что Пространна Правда в течение нескольких столетий играла роль общего правового регулятора, закреплявшего основные начала судебного процесса. Что характерно, в некоторых случаях судопроизводство XV и даже XVI столетия ниторативно ориентировалось на положения Русской Правды Пространной редакции, назначая штрафы, предусмотренные в указанном источнике. Кроме того, в указанный период суды могли назначить и такое древнее наказание, как «поток и разграбление», о котором было сказано в первом параграфе настоящей главы. В качестве примера можно привести Двинскую уставную грамоту 1398 г. где в номенклатуре наказаний фигурировали денежные штрафы, которые корреспондировались либо самому потерпевшему, либо его родственникам⁸⁷.

В целом анализ положений Русской Правды в рамках компенсаторной функции правового регулирования демонстрирует наличие широкой номенклатуры штрафов, а также некоторого гендерного дисбаланса, когда жизнь свободного мужчины оценивалась вдвое дороже, чем жизнь женщины. Тем не менее в указанном нормативном акте хоть и имела место правовая дискриминация, его нормы стремились реализовать принцип справедливости, предусматривая различные нюансы, касавшиеся средств и способов совершения того или иного преступления⁸⁸.

В русле нашего исследования также небезынтересен вопрос разграничения противоправных деяний, предусмотренных в Русской Правде, на преступления и гражданско-правовые деликты, так как это в некоторой степени будет способствовать осмыслению правового

---

⁸⁶ Бобровский П. С. Преступления против чести. Санкт-Петербург: тип. Деп. уделов, 1888. 153 с.

⁸⁷ Русская Правда. Пространная редакция // Рос. законодательство X–XX вв. Указанное сочинение. С. 181–182.

⁸⁸ Воробьев С. М. Русская Правда как один из первоисточников законодательного закрепления права потерпевшего на возмещение вреда / С.М. Воробьев // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2007. № 5. С. 25–27.

положения мужчин в рамках отечественного средневекового правопорядка.

Итак, отечественные исследователи как дореволюционного, так и советского периода в основном отстаивали тезис, который предусматривал отсутствие вышеуказанной градации противоправных деяний⁸⁹. Подобного популярного мнения придерживаются и современные ученые. Так, дореволюционный ученый В. И. Сергеевич отмечал, что в Русской Правде всякое противоправное деяние, от убийства, до неуплаты долга, носило наименование «обида»⁹⁰. В свою очередь, по мнению советского исследователя

И. И. Солодкина Русская Правда не знала градации правонарушений, которые выступали в качестве «обиды», под которой подразумевался моральный, материальный, либо физический вред, причиненный виновными действиями⁹¹. Как полагал Ю. Н. Андреев, древнерусское право не разделяло санкции на уголовные и гражданско-правовые, не разграничивая также гражданское и уголовное судопроизводство. Тем не менее автор убежден, что широкий спектр наказаний выступает предпосылкой будущей дифференциации мер уголовной и гражданско-правовой ответственности⁹².

По мнению В. З. Гущина, в период зарождения древнерусского права механизм правовых санкций носил гибридный характер, включая в свою структуру и уголовные, и гражданско-правовые наказания. Автор не без оснований полагал, что в процессе развития отечественного правового регулирования происходило постепенное разграничение юридической ответственности на гражданско-правовую и уголовную. При этом исследователь подчеркивал равную их обязательность и гарантированность со стороны институтов публичной власти. Кроме того, ученый выдвинул интересную гипотезу о том, что гражданско-правовая ответственность проистекала из необходимости реализации компенсаторной функции правового регулирования, связанной с возмещением материального и морального вреда⁹³. В русле обозначенной проблематики мнение А. Н. Федоровой интересует нас потому, что оно диаметрально противоположно вышеуказанным положениями. Так, автор полагает, что назначение уголовных наказаний за гражданско-правовые деликты не означает отсутствие градации уголовных и гражданско-правовых наказаний в Русской Правде. По сути, исследователь не признает

---

⁸⁹ Дедов Н. Н. Древнерусское государство и право / Н.Н. Дедов. Свердловск, 1958. С. 53.

⁹⁰ Сергеевич В.И. Указанное сочинение. С. 342.

⁹¹ Солодкин И. И. Очерки по истории русского уголовного права / И.И. Солодкин. Ленинград: Ленинградский Государственный Университет, 1961. 170 с.

⁹² Андреев Ю. Н. Собственность и право собственности: цивилистические аспекты: монография / Ю.Н. Андреев. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2013. С. 68-101.

⁹³ Гущин В. З. Гражданско-правовая ответственность / В.З. Гущин // Современное право. 2014. № 1. С. 52–57.

слияние двух видов юридической ответственности, так как противоправные деяния в рамках гражданско-правовых деликтов не обозначались как преступления. По мнению автора, сам термин «обида» не говорит о слиянии преступлений и гражданско-правовых деликтов, обозначая лишь сам факт причинения вреда. В итоге ученый обосновывает не слияние двух видов юридической ответственности, а параллельность их правового бытия в рамках отечественного средневекового правопорядка⁹⁴.

В качестве доказательства наличия двух видов юридической ответственности по Русской Правде можно сослаться на ст. 18 (Академического списка), которая регламентирует правоотношения в области истребления чужой собственности: «А иже изломить копье, любо шит, любо порт, а начнет хотети его дерьжати у себе, то приати скота у него; а иже есть изломил, аще ли начнет приметати, то скотом ему заплатити, сколько дал будеть на нем». По мнению Р. Л. Хачатурова, указанная норма опосредует гражданско-правовой деликт в сфере имущественных посягательств. Ученый считает, что государственный запрет фигурирует здесь в форме материальной ответственности. Так, в указанной статье имеет место не только изымание имущества из незаконного владения, но и компенсация за испорченную собственность в виде денежных выплат. В статье также есть положения, предусматривающие возмещение убытков. Иными словами, в тексте статьи не содержатся нормы, предусматривающие уголовную ответственность, несмотря на то что наличествующие в ней составы содержат факт причинения имущественного ущерба⁹⁵.

В рамках обозначенной проблематики небезынтересно также и мнение Д. Кайзера, который полагал, что правопорядок средневековой Руси долгое время не опосредовал уголовные правоотношения. Как считает исследователь, за любые правонарушения в указанный период, отечественный нормативный массив предусматривал наказание в виде возмещения ущерба. При этом автор указывает, что инициирование уголовных санкций со стороны публичной власти начинается лишь после XIII столетия, когда гражданско-правовые наказания по многим составам заменяет уголовная ответственность⁹⁶.

Наличие как уголовных правонарушений, так и гражданских деликтов обосновывает К. Г. Стефановский, опираясь на то, что, по своей сути, правонарушения разграничивались прежде всего по тяжести наказания. Так, за одни предусматривался штраф в пользу потерпевшего, а за другие – выдача князю, вира и продажа. Как считает автор, первые здесь выступают в качестве гражданско-правовых деликтов, а вторые

---

⁹⁴ Федорова А. Н. Указанное сочинение. С. 123.

⁹⁵ Хачатуров Р. Л. Генезис юридической ответственности. (Ч. 2. Окончание) / Р. Л. Хачатуров // Право и политика. 2006. № 9. С. 35–53.

⁹⁶ Kaiser D. The Growth of the Law in Medieval Russia. Princeton Legacy Library, 2014. 324 p.

позиционируются как преступления. Кроме того, Русской Правде известен не только институт злого умысла (воли), но и такие категории, как общественная нравственность и частный интерес в его материальной интерпретации⁹⁷.

В целом же оформление ретроспективной юридической ответственности в рамках уголовных и гражданско-правовых отношений обладают существенными отличиями. Так, природа уголовной ответственности расположена в плоскости наказания виновных лиц. В свою очередь имманентная сущность гражданско-правовой санкции соответствует стремлению компенсировать причиненный деликтом ущерб, возместить убытки. В этой связи совмещать две указанные отрасли крайне проблематично. Анализируя положения Русской Правды, не трудно увидеть, что за убийство она предписывает два вида юридической ответственности – уголовную (вира) и гражданско-правовую (головщина). Следовательно, здесь мы видим два вида юридических санкций, которые имеют место и в рамках современного российского правопорядка.

Думается, что в русле указанной проблематики мнение О. И. Чистякова является наиболее обоснованным. Так, ученый полагает, что Русская Правда нормирует сразу два вида юридической ответственности. Кроме того, автор подчеркивает гибридизацию санкционного механизма, когда законодатель может назначить за гражданско-правовой деликт наказание уголовного характера⁹⁸.

Любопытно, что в свое время К. Г. Стефановский классифицировал правонарушения, отгалкиваясь от системы наказаний⁹⁹. И действительно, в Русской Правде очень легко градировать деликты, исходя из тяжести наказаний. В источнике имеют место ряд составов (разбой, конокрадство и поджог), которые предусматривают максимально суровое наказание – «поток и разграбление». В свою очередь, указанный нормативный акт предусматривает вирные составы, в которых максимальный штраф мог составлять двойную виру, а минимальный равнялся ее половине. Предусматривала Русская Правда и такие составы, в которых фигурируют штрафы в двенадцать гривен. Ну и последняя группа правонарушений источника нормирует штрафы ниже двенадцати гривен.

В заключение параграфа необходимо отметить, что развитие Русской Правды в рамках естественной эволюции, которая связана с совершенствованием правовой культуры и идеологии средневекового русского социума, расположено в плоскости постепенного наращивания санкционной политики государства. Тенденции, которые можно охарактеризовать через призму четкой корреляции развития

---

⁹⁷ Стефановский К. Г. Разграничение гражданского и уголовного судопроизводства в истории русского права / К.Г. Стефановский. Санкт-Петербург: Типография В. С. Балашева, 1873. С. 16–17.

⁹⁸ Российское законодательство X-XX веков. Т. 2: Указанное сочинение. С. 22.

⁹⁹ Стефановский К.Г. Указанное сочинение. С. 16–17.

государственности и правового регулирования, показывают и важнейшие свойства правового положения мужской гендерной группы в средневековой Руси. Дрейф системы наказаний из плоскости частного права в сферу публичной регуляции очень показателен в аспекте осмысления важнейших свойств правового статуса личности в указанный период. Так, постепенная безграничность правомочий мужчины в брачно-семейной, социально-экономической и политико-правовой областях меняется в направлении купирования ряда важнейших прав. Сам феномен «обиды», который имел место в Русской Правде, демонстрирует частный характер существовавших в средневековом обществе правоотношений. Все это не могло не сказаться на большом объеме обязанностей мужской гендерной группы, который хорошо виден на примере института кровной мести и ряда других важнейших позиций средневекового отечественного механизма правовой регуляции. С другой стороны, крепнущая русская государственность постепенно берет на себя ряд функций, связанных с принуждением, что способствует выравниванию правового статуса индивида в аспект его гендерных характеристик.

Глава 2. НОРМИРОВАНИЕ ПРАВ И ОБЯЗАННОСТЕЙ ЛИЦ МУЖСКОГО ПОЛА В ПЕРИОД ПОЛИТИЧЕСКОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ РУСИ (XII–XIII вв.)

§ 1. Правовое положение мужчин: тестаментарная правовая регуляция периода феодальной раздробленности Руси

Осуществляя анализ правового положения мужчин в рамках правопорядка Руси феодальной раздробленности, нельзя обойти вниманием проблематику генезиса отечественного тестаментарного права. Институционально указанная подотрасль наследственного права нисходит в эпоху родоплеменных отношений к моменту зарождения государственности и появлению протогосударств с их «мужским правом», военной демократией, ярко выраженным вождизмом «чифдомом» (англ. *chiefdom*), когда принципы реципрокности и редистрибуции в сфере перераспределения материальных ценностей в обществе постепенно подменяются частнособственническими институтами, а отношения матриархального характера сменяются на патриархальные связи.

Тестаментарная правовая регуляция целиком расположена в русле субъективного права участника наследственных правоотношений. Но в чем же сущность субъективного права? Как можно понимать его правовую природу?

Субъективное право – это юридическая возможность субъекта права на осуществление определенных действий или требований от других участников правоотношений. Кроме того, можно отметить, что субъективное право вытекает либо из законодательства, либо из договорных отношений между субъектами права. В период зарождения государственности субъективное право базировалось на мононормах, обычаях, традициях и пр.

Понятие «субъективного права» является фундаментальным в правовой науке и законодательстве. Субъективное право – это право, которое закреплено в правовой норме и юридически оформляет интересы субъекта-обладателя. Это право даёт возможность обратиться в суд или иные органы государственной власти с требованием защиты своих прав и интересов¹⁰⁰.

Субъективное право выступает в роли как личной, так и имущественной институцией. Личное право, например, может закрепляться в отношении самого индивида, его здоровья и жизни и т. д. Имущественное право – это право на имущество и его наследование, использование интеллектуальной собственности и т. д.

---

¹⁰⁰ Васев И. Н. Субъективное и объективное право: единство терминологии // Современное право. 2020. № 1. С. 3.

Стоит отметить, что субъективное право не может противоречить общественным интересам и национальному правопорядку. Оно должно соответствовать правовым нормам и механизму правового регулирования, установленному публичной властью. Кроме того, субъективное право осуществляет свое юридическое бытие в связи с другими правами и обязанностями, как на субъекта, так и на иных участников правовых отношений¹⁰¹.

Субъективное право может быть удовлетворено в условиях договора, судебного решения, а также путем принудительного исполнения – через судебных приставов, органы внутренних дел и др. Но самый эффективный способ защиты субъективных прав – это активное соблюдение законодательства и динамичная работа с правозащитными организациями.

Если выразаться высокопарным слогом, то можно сказать, что без феномена субъективного права мир был бы лишен справедливости как таковой. Субъективные права дают возможность гражданам организовываться, защищать свои интересы и вносить свой вклад в формирование нормативной базы государства. Субъективные права являются ключевым элементом свободного и демократического общества.

В качестве субъективных прав можно привести следующее:

- право собственности на имущество;
- право на свободу выражения своих мыслей и убеждений;
- право на здоровье и безопасность при выполнении служебных и трудовых обязанностей;
- право на получение социальных выплат или пособий¹⁰².

Субъективное право может быть защищено в судебном порядке, если другой субъект права нарушает его. Например, если собственник имущества замечает, что его вещь была без разрешения использована другим лицом, он может обратиться в суд и требовать компенсации ущерба.

Субъективное право – это юридический термин, который означает полномочие, предоставленное определенному лицу в соответствии с законом или иным источником права. Такое право может быть использовано для удовлетворения своих интересов или защиты своих прав и свобод.

Проблематика применения субъективного права в юридической науке играет важную роль. В основу субъективного права ложится правовая стратегия, которая дает возможность каждому человеку

---

¹⁰¹ Карнаушенко Л. В. Легитимность права: объективные и субъективные аспекты / Л. В. Карнаушенко // Общество и право. 2022. № 4(82). С. 115.

¹⁰² Карнаушенко Л. В. Естественное и позитивное право: объективные и субъективные аспекты функционирования / Л. В. Карнаушенко // Общество и право. 2019.

№ 3(69). С. 140.

защищать свои интересы и свои права в суде. Эта степень защиты реализуется на основе субъективного права¹⁰³.

Субъективное право, по сути, феномен, позволяющий индивиду обратиться в судебные органы за защитой своих свобод и личностных прав. Однако стоит помнить, что субъективное право не является абсолютным. Оно всегда имеет пределы и может быть ограничено в соответствии с законом (например, в целях защиты общественных интересов, безопасности государства и т. д.).

Структура субъективного права – это основные элементы, которые образуют субъективное право, такие как субъект, объект, содержание и основание.

Субъект – это лицо, которое обладает субъективным правом. Субъектом могут быть как физические, так и юридические лица. Физические лица – это люди. Юридические лица – это организации, созданные в соответствии с законодательством. Следует отметить, что не все физические лица имеют субъективные права. Например, младенцы и душевнобольные, которые неспособны осознавать свои действия, могут обладать субъективными правами, но не способны их лично реализовывать.

Объект – это предмет, на который направлено субъективное право. Объектом могут быть различные вещи, события, отношения и пр. К примеру, правом собственности хозяйственные способности вещи являются ее объектом. Объектом права на авторские права является литературное, художественное или научное произведение¹⁰⁴.

Содержание – это сумма прав и обязанностей, которые возникают у субъекта в связи с обладанием субъективным правом. Например, субъект, обладающий правом собственности на недвижимость, может распоряжаться ею по своему усмотрению, но при этом он обязан выполнять ряд обязанностей, таких как уплата налогов и сборов, обеспечение сохранности и т.д.¹⁰⁵

Основание – это правовой факт, который является предпосылкой возникновения субъективного права. Например, правом собственности на недвижимость могут обладать лица, которые приобрели ее на основании договора купли-продажи, наследования, дарения и т. д.

Структура субъективного права включает в себя субъект, объект, содержание и основание. Понимание всех элементов структуры

---

¹⁰³ Гончаров А. И. Обеспечение регулирования и защиты субъективного права собственности нормами объективного права / А. И. Гончаров, А. Я. Рыженков, А. Е. Черноморец // Научный вестник. 2021. Т. 2, № 6. С. 5.

¹⁰⁴ Гонгало Б. М. Объективное и субъективное в праве и в правовой доктрине / Б. М. Гонгало // Шестой Пермский конгресс ученых-юристов: Избранные материалы. – Пермь: Статут, 2016. С. 13.

¹⁰⁵ Карнаушенко Л. В. Естественное и позитивное право. С. 140.

субъективного права помогает более полно понять само понятие субъективного права и его значение в жизни общества и государства.

Применение субъективного права является важным для обеспечения справедливости в национальной правовой системе. Если каждый человек может защитить свои интересы в суде, то это гарантирует равное право на судебную защиту для всех. В том числе и для тех, кто не имеет доступа к суду по денежным или иным причинам.

Субъективное право также играет большую роль в области бизнеса. Предприниматели могут защитить свои права и интересы в суде, если они столкнулись с некорректными действиями со стороны других предпринимателей или заказчиков. Без субъективного права, бизнесмены останутся без возможности защитить свои права и выступить против нарушений¹⁰⁶.

Принципы субъективного права являются основой любого правопорядка детерминируя права и обязанности субъектов права. Эти принципы развивались на протяжении всей истории человечества, и сегодня они составляют основу правовой науки.

Первый принцип субъективного права – это принцип свободы действий. Субъекты права могут свободно действовать в рамках закона. Это означает, что государство не может ограничивать права и свободы субъектов права без уважительных причин.

Второй принцип субъективного права – это принцип равенства перед законом. Каждый субъект права должен иметь равные права и возможности в силу своего положения перед законом. Законы должны быть применены одинаково ко всем субъектам права, независимо от их социального, политического, экономического или гендерного статуса.

Третий принцип субъективного права – это принцип правосудия. Субъекты права имеют право на справедливое решение суда во всех случаях, когда возникают споры в отношениях между ними. Судебные органы должны руководствоваться законом и принимать решения, основанные на нем.

Четвертый принцип субъективного права – это принцип охраны прав. Все субъекты права имеют право на охрану своих прав от любых нарушений со стороны других субъектов права. Защита прав осуществляется государством через суды, правоохранительные органы и другие компетентные органы.

Пятый принцип субъективного права – это принцип свободного выбора. Субъекты права имеют право на свободный выбор своих действий в рамках закона. Это означает, что каждый имеет право на свободу выбора

---

¹⁰⁶ Завьялов Ю. С. Об объективном и субъективном в праве в связи с критериями определения отрасли права / Ю. С. Завьялов // Государство и право. 2022. № 6. С. 112.

профессии, выбора места жительства и других действий, которые не нарушают закон.

Шестой принцип субъективного права – это принцип гражданской ответственности. Субъекты права несут ответственность за свои действия и решения, если они противоречат закону. Гражданская ответственность может включать возмещение убытков, которые были причинены другим субъектам права¹⁰⁷.

По сути, принципы субъективного права играют важную роль в правовой системе и определяют права и обязанности субъектов права. Эти принципы обеспечивают равноправие и свободу действий для всех субъектов правоотношений, а также гарантируют защиту и охрану их прав. Они являются основой для правового государства, которое действует на основе закона и обеспечивает права и свободы для всех.

В целом же применение субъективного права играет важную роль в механизме обеспечения справедливости в правовой системе и защиты прав и интересов граждан и бизнеса. Благодаря данному праву, любой человек может полагаться на защиту своих прав, что является необходимым условием нормального функционирования законодательной власти и юридической науки. Понимание субъективных прав является важным для понимания правовой системы и защиты своих прав и интересов в современном обществе.

Кратко затронув проблематику субъективного права, необходимо приступить к анализу тестаментарной регуляции, в целях осмыслить правовое положение мужчин в средневековой Руси.

Итак, первые упоминания о завещаниях в рамках отечественного правового регулирования мы можем увидеть в самых древних письменных источниках права Древнерусского государства, к числу которых, в частности, можно отнести договор Руси с Византией 911 года. В указанном источнике (ст. 13) имел место протокол в рамках наследования через «обряжение» – завещание. Еще одним источником древнерусского права, нормирующим отрасль наследственного права, выступала Русская Правда, содержательная сущность которой продемонстрировала два вида наследования – по закону и по завещанию. Так, ст. 87 указанного правового памятника содержала так называемый «ряд», который играл роль завещательного распоряжения.

В дальнейшем тестаментарное правовое регулирование получило свое развитие в период политической раздробленности Руси. В частности, о состоянии правопорядка удельных княжеств можно судить по таким источникам, как судные грамоты Новгорода и Пскова, а также по Белозерской и Двинской судной грамоте. Небезынтересным является то,

---

¹⁰⁷ Вельяминов Г. М. К вопросу о понятии состава права как сочетания объективного и субъективного права // Государство и право. 2019. № 2. С. 98.

что в указанный период параллельно действовали такие источники, как Русская Правда, Кормчая книга, Эклога, Прохирон и пр.

Стоит отметить, что Белозерская и Двинская уставные грамоты по своей сущности не имеют отношения к осмыслению правового положения мужчин в аспекте тестаментарной регуляции, так как их нормативные качества преимущественно затрагивали отношения между местной властью и населением. Вместе с тем, в качестве сборников местного права XV столетия можно указать Псковскую судную грамоту (далее ПСГ), так как указанный источник соответствует заявленной теме как в хронологическом, так и в содержательном аспектах¹⁰⁸.

Итак, ПСГ нормировала широкий спектр отношений в области наследования различая наследование как по закону, так и по завещанию. Исследователи по-разному оценивали соотношение указанных институтов в ПСГ. В частности, по мнению отечественного дореволюционного ученого И. Е. Энгельмана важную роль в осмыслении двух видов наследования играет их правовое значение в плане юридической силы. Автор подчеркивал приоритетность наследования по завещанию над наследованием по закону¹⁰⁹. В свою очередь М. Ф. Владимирский-Буданов, соотнося основания наследования по ПСГ и Русской Правде, указывал на тенденции взаимной связи между двумя указанными видами наследования¹¹⁰. В то же время ученый отмечал и фактическую близость наследования по закону и завещанию, так как воля наследодателя в завещании обычно не отклоняется от алгоритма, который предусмотрен в наследовании по закону¹¹¹. Исследователь подчеркивает постепенный дрейф в плоскость диспозитивности по вопросам наследования по завещанию. Так, автор пишет, что «субъективная воля завещателя получает уже большой простор; личность уже не так поглощается правами семейного союза и государства»¹¹². По нашему мнению, ослабление давления на завещателя со стороны общества и властных институтов создавало определенные предпосылки для реализации принципа гендерного равенства в отрасли наследственного права и соответственно перераспределения прав и обязанностей гендерных групп в средневековой Руси в некоторых кластерах частного права. Наличие подобных тенденций неумолимо сказывались и на завещательной свободе. К примеру, замужняя женщина могла составить завещание, не испрашивая разрешения своего

---

¹⁰⁸ Пахман С. В. История кодификации гражданского права / С.В. Пахман. Москва: Зерцало, 2004. С. 197.

¹⁰⁹ Энгельман И. Е. Систематическое изложение гражданских законов, содержащихся в Псковской судной грамоте. Санкт-Петербург: типография Эдуарда Веймара, 1855. С. 81.

¹¹⁰ Владимирский-Буданов М. Ф. Указанное сочинение. С. 472.

¹¹¹ Там же. С. 474.

¹¹² Там же. С. 473.

супруга: «у кого умрет жена без рукописания, а у ней останется вотчина, то муж владеет тою вотчиной до смерти» (ст. 88).

Нетрудно здесь увидеть то, что женатый мужчина мог и не получить собственность своей супруги в случае ее смерти, так как его жена была вольна в свободе завещания. Подобная ситуация демонстрирует то, что, как минимум, принцип равенства супругов в рамках наследственного права в средневековой Руси был успешно реализован. Сам факт свободы завещания женщин в феодальную эпоху нивелирует ряд стереотипов и прежде всего глобальность «кулачного» права, порабощенность замужних женщин, полное доминирование патриархата и пр. Конечно, можно рассматривать такую свободу и через призму поглощения субъектности женщины ее родом, кланом, тейпом. Тем не менее завещательная свобода женщины имела место как свершившийся факт, хотя и в рамках тесного круга индивидуальной семьи.

В рамках нашего исследования небезынтересен и терминологический аппарат, имевший место в тексте ПСГ в области тестаментарной регуляции. Так, наследование по завещанию в источнике называлось «приказным», так как считалось, что собственность передается в рамках приказа от одного лица (наследодателя) другому лицу (наследнику) (ст. 55). При этом наследники по завещанию носили наименование «приказчики» (ст. 14), что подчеркивало приказной характер завещания, его императивные качества. В свою очередь, завещание в ПСГ носило название «рукописание» (ст. 14), что наглядно демонстрирует отсутствие терминологической преемственности текстов ПСГ и Русской Правды, так как в последнем источнике завещательный акт обозначался лаконичным термином – «ряд».

Стоит отметить, что ПСГ нормировала не только институт наследования по завещанию, но регламентировала также и форму завещательного акта. Так, согласно ст. 14 указанного документа, завещание должно было иметь простую письменную форму и, что важно, сдано в так называемый Лар¹¹³. Тем не менее в указанный период нельзя говорить о недопустимости устных завещаний, которые имели место в качестве исключений, только подтверждающих правило. По мнению С. В. Пахмана, ПСГ допускала и устные завещания, которые должны были совершаться в присутствии свидетелей, либо наследника, а также священника, который выступал в качестве духовного отца. Важно то, что нередко во время устного завещания наследнику вручался сам предмет, значившийся в завещании, либо правоустанавливающие на него документы¹¹⁴. Подобная гипотеза в некотором роде подтверждается ПСГ, в которой говорится: «тому тем даньем и владеть, хотя бы и рукописанья не

---

¹¹³ Там же. С. 473.

¹¹⁴ Пахман С. В. Указанное сочинение. С. 200.

было»¹¹⁵. И действительно, подобная норма демонстрирует сам факт возможности существования устных завещательных актов, так как нельзя предполагать, что в средние века уровень грамотности населения Руси был настолько высок, что это способствовало бы императивности письменной форме завещаний¹¹⁶.

Некоторые авторы, в частности М. Ф. Владимирский-Буданов, полагают, что письменная форма завещания была необходима лишь тогда, когда имущество завещалось постороннему лицу, в разрез наследования по закону. При этом автор отмечает парадоксальный факт, что при наличии устной формы завещания наследники по закону сохраняют в отношении наследственной массы весь комплекс субъективных прав и юридических обязанностей¹¹⁷. В целом можно вести речь о значимости письменной формы завещания в аспекте корреляции с номенклатурой указанных в нем наследников. В свою очередь Лар являлся публичным архивом, целью которого выступало хранение документов. Все правовые акты, передаваемые в архив, играли роль неоспоримых доказательств в судебном процессе¹¹⁸. По сути Лар представлял собой не только инструментарий призванный сохранить документ, но и удостоверить волю наследодателя в судебной инстанции. По мнению М. Ф. Владимирского-Буданова и И. М. Радина, процедура помещения в Лар важнейших документов рассматривалась одновременно и как их скрепление, заверение, утверждение¹¹⁹.

При этом Л. И. Руднев полагал, что направление документов в публичный архив представляло собой «зарождение будущей явки»¹²⁰.

В итоге применительно к ПСГ в аспекте тестаментарного правового регулирования можно сказать, что форма завещания в документе упоминалась только письменная, при том что существовала необходимость передачи его в публичный архив.

Приступая к анализу Новгородской судной грамоты (далее НСГ) необходимо отметить, что она была составлена в августе 1471 года

---

¹¹⁵ Радин И. М. Учебник истории русского прав: Периоды древний, московский и императорский. 2-е изд. (перераб. и доп.). Петроград: типо-лит. К. Фельдман, 1915. С. 433.

¹¹⁶ Момотов В. В. Формирование наследования по завещанию в средневековой Руси / В. В. Момотов // Право и жизнь: Независимый правовой журнал. 2003. № 52 (9). С. 262.

¹¹⁷ Владимирский-Буданов М. Ф. Указанное сочинение. С. 474.

¹¹⁸ Самоквасов Д. Я. Курс истории русского права / Д. Я. Самоквасов. Москва: Типография Императорского Московского Университета, 1908. С. 247.

¹¹⁹ Владимирский-Буданов М. Ф. Указанное сочинение. С. 474; Радин И. М. Указанное сочинение. С. 433.

¹²⁰ Руднев Л. И. О духовных завещаниях по русскому гражданскому праву в историческом развитии / Л. И. Руднев. – Киев: Типография Университета св. Владимира, 1894. – С. 74.

выступая результатом вечевого собрания¹²¹. К сожалению, НСГ представляет в настоящее время лишь отрывок, который не дает полного представления об институте завещания. Тем не менее анализ завещаний на берестяных грамотах, имевших хождение в Великом Новгороде, дает возможность исследовать тестаментарное право этой феодальной республики в некоторых его аспектах.

Если рассматривать формальную сторону завещаний Новгорода, то следует отметить значимость письменной формы. Так, по мнению В. Л. Янина новгородские завещания имели силу лишь тогда, когда были написаны на пергаменте¹²². Кроме того, исследователи единодушны во мнении, что правопорядок новгородской республики в рамках институциональных особенностей завещаний предполагал наличие и так называемых «послухов» игравших роль свидетелей. Отмечая специфику тестаментарного права Новгородской земли, М. Ф. Владимирский-Буданов указывал на то, что функцию свидетеля мог играть и один послух, если он имел духовный сан¹²³. При этом К. А. Неволин отмечал и сугубо клерикальные свойства новгородских завещаний, когда в свидетели призывали самого Бога¹²⁴. Кроме того, автор указывал на необходимость процедуры подписания завещания со стороны послуха и дьяка, при этом оно должно было быть удостоверено необходимыми печатями¹²⁵. По поводу дополнительного заверения завещания печатями Т. Е. Новицкий утверждал, что печать должна принадлежать непременно наместнику новгородского владыки¹²⁶. В то же время В. Л. Янин полагал, что печать, которой должны были скрепить завещание, находилась в канцелярии наместника новгородского владыки и именно она придавала документу необходимую юридическую силу¹²⁷.

В целом имеют место данные о широком использовании печати в процессе оформления завещаний Новгородской земли и именно в этом заключается специфика тестаментарной правовой регуляции в этой феодальной республике.

Следует сказать, что в юридической литературе акцентировалось внимание на отсутствие признаков явки в завещаниях средневекового

---

¹²¹ Пахман С. В. Указанное сочинение. С. 201.

¹²² Янин В. Л. Берестяная почта столетий / В. Л. Янин. Москва: Педагогика, 1979. С. 126.

¹²³ Владимирский-Буданов М. Ф. Указанное сочинение. С. 474.

¹²⁴ Неволин К. А. Полное собрание сочинений. Том V. История российских гражданских законов / К.А. Неволин. Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук, 1858. С. 292.

¹²⁵ Там же. С. 292–293.

¹²⁶ История отечественного государства и права: учебник / под. ред. О. И. Чистякова. Ч.1. Москва: Юристъ, 2001. С. 96–97.

¹²⁷ Янин В.Л. Я послал тебе бересту / В.Л. Янин. Москва: Языки славянских культур, 1998. С. 245.

Новгорода¹²⁸. По всей видимости, исследователи имеют ввиду отсутствие явки в обычном для указанного периода ее проявлении, которое оформлялось в виде текста о допросе лиц, которые принимали участие в завещательном процессе. Думается, что явка могла сопровождаться не написанием текста, а приложением печати, о которой велась речь выше¹²⁹.

Анализируя специфику тестаментарного права в средневековых Новгороде и Пскове, можно выделить несколько важнейших позиций, которые охарактеризуют институт завещаний.

В качестве первого важнейшего направления фигурирует существенная клерикализация завещательного процесса. К примеру, практически любое завещание начиналось с текста святого писания, которое отображало признание христианского триединого Бога. Мало того, наследодатель практически всегда обозначал себя таким христианским термином, как «раб Божий», либо в качестве феминитива последнего. Вторая позиция особенностей тестаментарной регуляции по ПСГ и НСГ отражала ту близость завещания к наследованию по закону. Так, обычно в завещании фигурировал главный наследник – лицо, имевшее приоритет в наследовании по закону. В этой связи в номенклатуре наследников, присутствующих в завещании, можно было наблюдать субъектов нисходящей линии (обычно сыновей, редко дочерей). Были наследники и по восходящей (мать, отец) и боковой линиям (братья, сестры). Очень редко в качестве наследников по завещанию выступали племянники и свойственники. Небезынтересным является тот факт, что в рамках новгородского тестаментарного права имеет место «эксгерядация» – лишение наследства собственных детей.

Третьей характерной особенностью тестаментарной правовой регуляции средневековых Новгорода и Пскова выступает специфика содержательной части завещаний, когда наследодатель фиксировал юридические основания своих прав на имущество, фигурировавшее в завещательном процессе. В частности, в их номенклатуру входило получение имущества в порядке наследования по завещанию после смерти свекра, договоры займа, как основания возникновения права требования. При этом спектр видов имущества, фигурировавшего в качестве объекта наследования, был достаточно широк: земельные участки, право, проистекающее из долговых обязательств, денежные средства, сельскохозяйственные животные и пр. В завещаниях также встречались и распоряжения, затрагивающие личные неимущественные отношения. К примеру, в завещании можно было встретить требования осуществить помин усопшего за счет полученного наследства.

---

¹²⁸ Владимирский-Буданов М. Ф. Указанное сочинение. С. 476.

¹²⁹ Момотов В.В. Формирование русского средневекового права в IX–XIV вв. / В.В. Момотов. Москва: Зерцало-М, 2003. С. 217.

В качестве четвертой особенности института завещания Руси периода феодальной раздробленности можно назвать завещательные распоряжения, через которые реализовывался имущественный выдел. Обычно подобный инструментарий применялся в целях обеспечить супругу наследодателя и был, по нашему мнению, схож с институтом римского права, который носил наименование «*legatum*».

Пятой, весьма характерной особенностью тестаментарного права средневекового Пскова и Новгорода являлось то, что в завещании фигурировал душеприказчик – исполнитель наследодателя. По мнению В. В. Момотова, в тексте завещания всегда имел место душеприказчик, который контролировал тестаментарный процесс и был обязан отчитываться в рамках исполнения воли наследодателя¹³⁰. В рамках шестой особенности можно отметить так называемые «случайные», «не типичные» части завещания, которые мало относились к его содержанию. К подобным частям относились следующие институты: субституция и попечительство главного наследника в случае его малолетства.

Итак, анализ основных правовых источников феодальной Руси демонстрирует некоторое отличие их от Русской Правды в рамках формальной стороны завещательного процесса. По сути, период феодальной раздробленности формализует завещательный процесс. Так, завещания становятся письменными. Наследодатель обременяется обязанностью отдавать завещание на хранение в публичный архив, привлекаются свидетели, писцы, душеприказчики.

В результате анализа различных источников литературного и нормативного характера можно сделать вывод о том, что эволюция тестаментарной правовой регуляции осуществляла дрейф в сторону развития принципа свободы завещания. Существенно расширяется номенклатура субъектов, обладающих правом на получение наследства по завещанию. При этом в указанный спектр наследников нередко включаются и лица, не связанные с наследодателем кровнородственными узами. Кроме того, русский средневековый правопорядок демонстрирует многообразие завещательных распоряжений. Тем не менее в качестве базы здесь видится назначение наследника и лишь потом остальные завещательные распоряжения в виде лишения наследства собственных детей, выдел супруге завещателя, назначение душеприказчика и т. д.

В рамках осмысления правовой регуляции в аспекте правового положения различных гендерных групп в отрасли тестаментарного права, необходимо отметить, что женщины обычно наследства не получали, так как его роль играло приданое. В этой связи в рамках настоящего исследования нельзя обойти вниманием этот институт.

---

¹³⁰ Момотов В. В. Формирование русского средневекового права в IX–XIV вв. Указанное сочинение. С. 213.

Итак, правовой режим имущества, его сущностные характеристики и особенности обременительной практики во все периоды развития общества оставались темой злободневной и не лишенной актуальности в настоящее время. Приданое как особый вид собственности сыграло огромную роль в становлении принципа равенства супругов и укреплении имущественной независимости женщины, находящейся в браке.

Для уяснения правовой сущности института приданого имеет смысл, в первую очередь, обратиться к законодательству Византии, которое регулировало семейные отношения в допетровской России и несколько столетий после реформ Петра I.

Прохирон демонстрирует приданое в виде собственности, которую получает муж со стороны родственников жены для покрытия гипотетических издержек, которые влечет брачная жизнь. Что касается Эклоги, то тут прослеживается некая факультативность, необязательность приданого при заключении брака. В целом византийское семейное право видит приданое лишь в рамках брачных отношений и в случае прекращения брака собственность, имевшая статус приданого, теряет его.

По византийскому праву приданое могло исходить из обязательств или личного желания домохозяина. В некоторых случаях византийское законодательство обязывало давать приданое. К примеру, домохозяин был обязан выделить приданое дочери или внучке, выдавая ее замуж. На обязательность приданого могли повлиять и религиозные аспекты.

Так, родители, отвергающие официальную религию империи, были обязаны дать приданое дочерям, которые приняли христианство византийского толка. В большинстве же случаев, по византийскому праву, приданое не являлось чем-то обязательным.

Византийское законодательство допускало включение в приданое как движимого, так и недвижимого имущества. Приданое могло выступать также в виде различного вида требований, по которым супруг имел права получить денежные средства. Освобождение от обязанностей, в частности финансовых, также могло выступать в виде приданого.

Характерно, что, следуя древнеримской традиции, византийское право не требовало обязательного письменного оформления при процедуре назначения приданого, а само исполнение могло или совпадать с назначением приданого, либо следовать позднее.

Византийское семейное право предусматривало то, что супруг, получивший приданое, обладал полными правами владеть, пользоваться и распоряжаться приданным. Исключения однако имели место, так как для залога и продажи земельной собственности, выступавшей в виде приданого, мужу требовалось получить разрешение от жены. Мало того, муж обладал правом отыскивать приданое в чужих владениях, как его полноправный собственник.

При необходимости определения прав супруга на приданое в его приращениях, законодательство Византии различало приращения по случаю и плоды. Законодательство предусматривало норму о том, что плоды (доходы), кроме приплода от рабынь, принадлежат мужу. Случайные приращения также находились в пользовании мужа. Несмотря на то, что приращениями приданого муж пользовался как полноправный собственник, в момент выдачи приданого в его первоначальном виде, если наступала такая необходимость, все приращения разделяли судьбу приданого¹³¹.

По греко-римскому законодательству женщина, находившаяся в браке, была вправе требовать выдачу приданого только в исключительных случаях, в частности, если ей требовалось содержание, было необходимо обеспечивать своего отца, находящегося в ссылке, либо содержать иных своих родственников.

Византийское семейное законодательство предусматривало окончательное решение юридической судьбы приданого в момент прекращения брачных отношений. Если после прекращения брака жена оставалась в живых, то приданое со всеми приращениями отходило в ее собственность, в ином же случае приданое переходило ее наследникам. Если после прекращения брака жена находилась во власти отца, то право требовать возврата приданого появлялось и у него.

Супруг, не имевший возможности полностью вернуть приданое, оставался обязанным лицом и осуществлял выплаты долга по мере своих финансовых возможностей. Жена, в целях вернуть приданое, наделялась разнообразными правами, в частности правом истребования своего имущества из чужого владения, если приданое было в натуре. Примечательно, что указанные нормы византийского брачно-семейного законодательства по вопросам правового режима приданого могли быть изменены брачным контрактом¹³².

Правовую сущность приданого можно уяснить также через призму брачного договора, который известен на протяжении многих веков, продолжая существовать и в настоящее время.

Если обратиться к древнеримской истории, то можно увидеть, что предбрачные соглашения там были достаточно распространенным явлением. Стоит отметить, что имущественные отношения мужа и жены определялись римским правом не фиксацией брака, а фактом перехода женщины под власть своего супруга¹³³. Постепенно брачно-семейные отношения в Древнем Риме эволюционируют и единственным видом брака

---

¹³¹ Неволин К. А. История российских гражданских законов. Ч. I: Введение и книга первая о союзах семейственных / К. А. Неволин. Москва: Статут, 2005. С. 261.

¹³² Там же. С. 262–263.

¹³³ Дождев Д.В. Римское частное право: Учебник для вузов / Д. В. Дождев; под общ. ред. В.С. Нерсесянца. Москва: Норма, 2005. С. 295.

становится *sinemanu*, когда супруги юридически независимы друг от друга как в личном, так и имущественном плане. Имущественные отношения супругов в браке *sinemanu* постепенно стали основываться на принципе раздельности имущества супругов, когда даже управлять имуществом жены муж был не вправе, если не был заключен договор поручения. Мало того, указанная форма брака допускала заключение между супругами сделок имущественного характера, лишь договор дарения супруги заключить не могли ни при каких обстоятельствах.

Для сглаживания сложившейся системы раздельного режима супружеского имущества в римском праве существовал институт приданого (*dos*), который был призван решить проблему расходов, которые мог понести муж в период брачной жизни. Примечательно, что для того, чтобы имущество приобрело статус приданого (*dos*), оно должно было выступить предметом особой сделки, дабы отграничить его от иного имущества жены, называвшегося *parapherha*, которое управлялось мужем по договору поручения.

В римском праве было три способа установления приданого:

1. Через обещание приданого (*promissio dotis*), которое выступало в виде стипуляции – формальной сделки.
2. Посредством вербального акта назначения приданого (*dictio dotis*).
3. Подписания акта-передачи приданого в собственность мужа (*datio dotis*)¹³⁴.

По общему правилу считалось, что приданое следует за женщиной и упрочивает ее положение в новой семье, а в случае развода по инициативе супруга женщина уходила от мужчины, забрав свое приданое. По сути, институт приданого в римском праве можно рассматривать как некую гарантию для супруга в случае развода по вине супруги, так как *dos* в такой ситуации муж был вправе оставить себе¹³⁵.

К концу республиканского периода римской истории, с ростом числа разводов, выросло и количество злоупотреблений, связанных с присвоением *dos*. Нередко муж, не успев вступить в брак, требовал развода, обвиняя супругу в различных проступках. В связи с этим появился правовой механизм *cautio rei uxoriae* – письменный акт, который обеспечивал целевое назначение *dos* и его возврат жене¹³⁶.

В некоторых случаях для защиты имущественных интересов жены прибегали к *dos venditionis causa aestimata* – денежной оценке *dos* и

---

¹³⁴ Там же. С. 295.

¹³⁵ Костогрызова Л.Ю. Эволюция семейного права в Византии в VI–XV веках / Л.Ю. Костогрызова // Российский юридический журнал. 2014. № 2 (95). С. 172.

¹³⁶ Римское частное право. Учебник / Краснокутский В.А., Новицкий И.Б., Перетерский И.С., Розенталь И.С., и др.; Науч. ред.: Новицкий И.Б., Перетерский И.С. Москва: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. С. 167.

закреплению за мужем обязательства по возврату этих средств в соответствующих случаях¹³⁷.

В имперский период римской истории постепенно получает распространение обоюдный вклад супругов в семейное имущество. Муж, получая приданное, сам, в свою очередь, делал подарок (*donatio ante nuptias*) будущей супруге. Стоимость такого подарка со стороны будущего мужа обычно равнялась стоимости *dos*. Необходимо отметить, что *donatio* юридически не был обязательным. Во времена Юстиниана указанное дарение можно было осуществить и после заключения брака. Такой подарок получил название *donatio propter nuptias*¹³⁸. В итоге обоюдные подарки стали своеобразной гарантией подобающего поведения супругов в браке, так как провинившийся супруг терял на них имущественные права.

Что касается статуса приданого, то римское право стремилось достаточно детально регламентировать его статус. Все это необходимо было для того, чтобы защитить имущественные интересы женщины и позволить ей после развода не остаться без средств к существованию¹³⁹.

Кратко рассмотрев византийские и римские нормы, относящиеся к институту приданого, необходимо перейти к российскому праву, регулирующему институт приданого до реформ Петра I.

По древнерусским обычаям лица женского пола не могли наследовать, так как после замужества уходили к мужу в другую семью. В связи с этим на главу семьи невесты или князя возлагалась обязанность обеспечить выдаваемую замуж женщину приданым.

Данные принципы, выраженные в Русской Правде, были признаны и постановлениями Ивана Грозного. По его указу в 1562 г. старинные вотчины служилого князя, не оставившего после себя мужского потомства, наследовались государем, а дочерям и сестрам умершего назначалось приданое из движимой собственности. В случае недостаточности движимого имущества из казны добавлялись средства для увеличения недостаточного приданого. По данному указу, «если государь стариною вотчиной умершего пожаловал брата его, или племянника или другого родственника, по завещанию или без него, то новоиспеченный наследник был обязан оставшимся после умершего дочерям или племянницам дать с той вотчины своего брата или дяди приданое, сообразно человеку и вотчине»¹⁴⁰. Грамоты времен Ивана Грозного демонстрируют то, что даже сыновья, получившие поместье умершего отца, обязаны были отдать своих сестер замуж, обеспечив приданым. В позднейших постановлениях

---

¹³⁷ Там же. С. 136.

¹³⁸ Новицкий И.Б. Римское право / И.Б. Новицкий. 6-е изд., стереотип. Москва: Ассоциация «Гуманитарное знание», 1994. С. 67.

¹³⁹ Хвостов В.М. Система римского права: Учебник / В. М. Хвостов. Москва: Издательство Юрайт, 2019. 540 с.

¹⁴⁰ Неволин К.А. Указанное сочинение. С. 261.

Алексея Михайловича и Соборном Уложении уже ничего не говорится об обязанностях родственников или государя давать лицам женского пола при выдаче их замуж приданое, так как женщинам к тому времени было даровано обширное право наследования.

Следует подчеркнуть, что отечественное дореволюционное законодательство понимало под приданым, прежде всего, имущественный выдел. В этом заключается отличительная черта приданого в отечественной правовой традиции, так как получившая приданое женщина уже не могла рассчитывать на наследство¹⁴¹. Примечательно, что в приданое могло входить любое имущество, кроме старинной княжеской вотчины¹⁴².

С началом петровских преобразований усилились тенденции ограничения произвола родителей в отношении имущественных интересов детей, в частности в вопросе о приданом. Закон о единонаследии разрешал наследование недвижимого имущества лишь одному, старшему, сыну тем самым ограничив право родителей единолично определять судьбу наследуемого имущества в целом, и приданого в частности. Впоследствии, с отменой указанной нормы государство перестало вмешиваться в вопросы семейного наследования и приданого. Мало того, в указанный период вместо вотчин и поместий появляется общая категория – «недвижимое имение», которое теоретически было возможно давать в качестве приданого. До этого момента существовал особый правовой режим распоряжения вотчиной жены, заключающийся в возврате вотчины мужем после смерти супруги.

Необходимо отметить, что с 1714 г. приданое становится личной собственностью жены, которое она вправе использовать без участия супруга. Такая ситуация делала супруга слабо заинтересованным в размере приданого супруги, а сами дочери не могли оспорить его размер даже после смерти отца¹⁴³.

В среде крестьян приданое относилось категория личной собственности, с помощью которой женщина вносила свой имущественный вклад в хозяйство своей новой семьи. При определенных условиях кровные родственники женщины могли истребовать приданное

---

¹⁴¹ Учебник русского гражданского права в 2 т. Том 1. Общая часть / Г. Ф. Шершеневич. Москва: Издательство Юрайт, 2020. С. 302–303.

¹⁴² Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года / Под ред. К. А. Софроненко. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957. С. 49.

¹⁴³ Кубанин М. И. Классовая сущность процесса дробления крестьянских хозяйств (экономические исследования) / М.И. Кубанин // На аграрном фронте. 1927. № 4. С. 80.

после ее смерти, но на практике это обычно осуществлялось крайне редко¹⁴⁴.

В целом, исторически в России приданое, обладало некоторыми свойствами имущественного выдела, выступая юридическим инструментом защиты имущественных прав женщин, выходявших замуж. Напротив, в странах Западной Европы факт получения приданого не являлся препятствием к наследованию, но, в свою очередь, не был и обязательным условием при вступлении в брак. В целом можно отметить, что приданое – это один из первых юридических механизмов защиты имущественных и личных неимущественных интересов женщины, находящейся под властью мужа, способствующий достижению принципа равенства супругов.

В заключение параграфа необходимо отметить, что в рамках тестаментарной правовой регуляции можно проследить строгость патриархальных институтов и «мужского» права. На фоне формализации завещаний проявляется клерикальность тестаментарного права, указывающая на тенденцию воцерковления завещания, как юридического феномена. При этом женщины в основном не фигурировали в качестве получателей наследства, так как в основном реализовали свои имущественные права в рамках завещательных распоряжений. Кроме того, гендерная дискриминированность женщин в плоскости тестаментарной правовой регуляции в некоторой степени сглаживалась институтом приданого, который способствовал имплементации имущественных прав женской гендерной группы.

§ 2. Правовое положение мужской гендерной группы: правонарушения, предусмотренные нормативными договорами Русского государства X–XV столетия

Полноценный анализ правового статуса мужчин в средневековой Руси невозможен без осмысления проблематики источников права. Безусловно, в рамках исследования нормативной базы Русского государства в средние века имеет место внушительное количество различной научной и учебной литературы¹⁴⁵. Тем не менее сама суть

---

¹⁴⁴ Александров В. А. Обычное право крепостной деревни России XVIII – начало XIX в. / В. А. Александров. Москва: Наука. 1984. С. 223–224.

¹⁴⁵ Александров Н. Г. К вопросу о роли договора в правовом регулировании общественных отношений / Н. Г. Александров // Учен. зап. ВИЮН. Москва: Юрид. изд-во М-ва юстиции СССР, 1946. Вып. VI. С. 60–83; Вопленко Н. Н. Источники и формы права: учеб. пособ. / Н. Н. Вопленко. Волгоград: Изд-в ВолГУ, 2004. 102 с.; Зивс С. Л. Источники права / С. Л. Зивс. Москва: Изд-во «Наука», 1981. 241 с.; Иванов В. В. Общие вопросы теории договора / В. В. Иванов. Москва: Эдиториал УРСС, 2000. – 160

анализа источников права как правового феномена в контексте историко-правовых изысканий представлена в амбивалентной плоскости и уже тем более данный вопрос поднимается без корреляции с правовым статусом личности. Так, нередко исследование нормативной базы через историко-правовую литературу показывает оторванность научного поиска от общего массива источников, когда аналитическая акцентуация сосредотачивается в основном на нормативно-правовых актах, которые не являлись единственными источниками права средневековой Руси. В частности, исследователи подробнейшим образом анализируют нормы Русской Правды и Псковской судной грамоты, а также статьи Судебников и Соборного Уложения. Однако все указанные источники входят в категорию нормативно-правовых актов. При этом нормативный договор в механизме правового регулирования средневековой Руси имеет место в период зарождения русского правопорядка, который синтезировал в себе как национальные аспекты правового регулирования, так и вкрапления византийского права в связи с запущенной христианизацией древнерусского общества. Иными словами, нормативный договор подвергается исследованию лишь в рамках русско-византийских сношений.

В этой связи стоит отметить, что нормативный договор, как источник права, играл важную роль на каждом этапе развития русской государственности. Кроме того, нормативный договор, как значимый источник права, способен продемонстрировать и эволюцию правового положения гендерных групп, так как он обладает свойствами некоторой избирательности в рамках правового регулирования, демонстрируя нам те социальные процессы, которые нуждались в регуляции в первую очередь.

В аспекте заявленной проблематики важное значение нормативный договор приобретает и как регулятивный инструмент в определенный отрезок времени.

Необходимо отметить, что на каждом этапе развития национальной правовой системы формируется своя иерархия источников права, вместе с алгоритмом их взаимодействия, которые включают не только ниторативные характеристики нормативного материала, но и правила возникновения новых правовых форм, отчасти купированных их примитивностью и низкой правовой культурой средневекового социума. В этой связи, нормативный договор нередко выступал в образе ведущей формы права в период политической раздробленности Руси.

Вместе с тем нормативный договор важен еще и потому, что он не только выступает регулятивным инструментом внешней политики, но и важнейшей формой права в пределах отечественного правопорядка. При

том, что исследования, поднимающие вопрос юридической ответственности через нормативный договор, встречаются крайне редко, как и анализ источников права в аспектах правового положения личности.

Стоит отметить, что феномен правонарушений и противоправного поведения расположен не в диспозитивной, а в императивной плоскости правового регулирования. Тем не менее, даже исходя из этого бесспорного факта такой источник права как нормативный договор будет небезынтересен в аспекте заявленной проблемы.

Учитывая все вышесказанное в настоящем параграфе, будет предпринята попытка детерминировать феномен нормативного договора в рамках юридической ответственности, параллельно осмысляя правовой статус мужчин средневековой Руси.

Прежде чем приступить к историко-правовому исследованию, необходимо определить имманентную сущность и важнейшие свойства нормативного договора.

Итак, нормативный договор, который нередко именуется и как договор нормативно-правовой, предстает в образе соглашения свободных и равных в своем статусе субъектов. В указанном соглашении отображается акт согласования их волеизъявлений, а сам нормативный договор формируется в рамках диспозитивного, договорного нормотворчества. Важно понимать, что телеологические характеристики нормативного договора расположены в русле установления, изменения или отмены норм права, являющихся общеобязательными для сторон его заключивших.

Нормативный договор, как форма права, имеет давнюю историю. Нередко нормативный договор фигурирует в такой период развития государственности, когда еще не были сформированы централизованные властные институты, а в качестве правового регулятора выступали замкнутые правовые системы в пределах протогосударственных образований. В этой связи, в рамках межобщинных связей правовое регулирование обычно осуществлялось через нормативный договор. Стоит отметить, что часто нормативный договор выступал своеобразным «переходником», через который право отдельной общины распространяло свое регулятивное воздействие за ее границы, опосредуя отношения между различными субъектами иных союзов и родов¹⁴⁶.

По сути, нормативный договор с древнейших времен возникал как результат переговоров и перемирий между племенами. Тем не менее постепенно, в результате естественных эволюционных процессов, нормативный договор вышел из тесных рамок соглашений о мире между племенами, применяясь по аналогии к иным общественным отношениям

---

¹⁴⁶ Тарановский Ф. В. Энциклопедия права: учеб. пособ. для студ. вузов, обучающихся по юрид. специальностям / Ф. В. Тарановский. 3-е изд. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2001. С. 189.

схожего характера. Сам факт зарождения нормативного договора из сферы общественных отношений, связанных с войной и миром, демонстрирует тесную его связь с институтами военной демократии, «мужским» правом и классическими патриархальными отношениями, отягощенными гендерной дискриминацией в пользу мужчин.

Примечательно, что нормативный договор, как источник права, обладает рядом характерных свойств, которые не зависят от исторического периода. Нормативный договор выступает обычно в качестве письменного документа, но и как устный носитель юридической информации он тоже фигурирует, но значительно реже.

Современный правопорядок допускает как письменную, так и устную форму нормативного договора. Так, международное право устанавливает то, что нормативный договор может быть устным. В частности, согласно Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года форма договора не влияет на его юридическую силу. Тем не менее, типичная форма нормативного договора – письменный документ. В целом в контексте историко-правового анализа можно вести речь о наличии устных и письменных нормативных договоров, которые по своей юридической силе не уступают друг другу.

Ведя речь о давней истории нормативного договора как юридического феномена, необходимо отметить, что самым древним договором, который дошел до нас, выступает письменный договор о призвании на княжение в Новгородскую землю князя Ярослава Ярославовича. Указанный документ датируется второй половиной XIII в. (1264–1265). Важно здесь то, что в самом тексте договора имеет место крайне характерная фраза: «На сем, княже, целуй хрест к всему Новугороду, на чем то целовали дед и отец твои Ярослав»¹⁴⁷. Как считает В. Водов, подобная формулировка указывает о существовании более древних нормативных договоров, имевших письменную форму¹⁴⁸. Тем не менее, «Ярославли грамоты», на существование которых ссылается автор, более схожи с нормативными актами, так как они представляют собой односторонние акты Ярослава. По сути, можно предположить, что контекст анализируемой фразы отсылает нас к более ранним нормативным договорам, которые имели устную форму и гарантировались лишь христианской клятвой.

---

¹⁴⁷ См.: Тексты договоров даны по изд.: Памятники русского права. Вып. 1: Памятники права Киевского государства X–XII вв. / под ред. С. В. Юшкова; сост. А. А. Зимин. Москва: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1952. 287 с.

¹⁴⁸ Водов В. К истории оформления докончаний Новгорода с князьями в XIII в. (наблюдения над политической лексикой) / В. Водов // История и культура древнерусского города: сб. ст. к 60-летию В. Л. Янина. Москва: Изд-во МГУ, 1989. С. 53–58.

Содержательная часть нормативного договора состоит из норм права, которые либо создаются, либо меняются, либо прекращаются согласно тексту соглашения. Сами нормы договора могут определять субъективные права, устанавливать должностования сторон, закреплять юридические запреты общеобязательного, для участников договора, характера.

По сути, нормативный договор выступает в образе соглашения и тесно связан с правотворческими характеристиками субъектов, его заключивших. В качестве базового требования, характеризующего указанный источник права, можно назвать то, что субъектов, его заключивших, должно быть не менее двух, так как заключение соглашения с самим собой ничтожно с юридической точки зрения. При этом в рамках нормативного договора хотя бы один из субъектов, в нем фигурирующих, должен обладать публичным статусом, то есть воплощать в себе некую группу лиц, которая индивидуально не определена. В качестве подобного субъекта может быть государство в целом, какой-либо регион страны, муниципалитет и пр. В этой связи именно публичного субъекта, заключающего нормативный договор, порождает правило поведения, которое обладает свойством нормативности, то есть носит общий характер. Для реализации подобной регулятивной схемы субъект, заключивший нормативный договор, должен обладать определенными полномочиями, быть властным актором, иметь строгую правосубъектность в русле указанного нормативного соглашения.

Ведя речь о нормативном договоре нельзя не затронуть и процедурный аспект, так как договорное правотворчество обладает спектром важнейших характеристик. Так, договорное нормотворчество носит согласительный характер, а его телеологическая направленность реализуется в переговорах и различного рода обсуждениях, в процессе которых вносятся предложения и замечания в проект нормативного соглашения. Нередко содержательная часть предписаний нормативного договора выступает итогом длительных обсуждений и многократной корректировки. Тем не менее диспозитивность процедуры создания нормативного договора не влияет на наличие свойств общеобязательности правил, закрепленных в нем, что гарантируется мерами государственного принуждения.

Нормативный договор в качестве формы права обладает свойствами плюрализма в рамках своей регулятивной функции, имея широкое хождение как в области межгосударственных сношений, так и сугубо в рамках национального правопорядка. Указанный источник права нормирует поведение разнородных субъектов, правовое положение которых может кардинально отличаться. При этом один из субъектов может находиться в подчиненном положении от другого.

Затрагивая период зарождения и развития древнерусской государственности, необходимо отметить значимость нормативных договоров, которые играли важную роль в механизме правового регулирования. Патриархальность парадигмы устройства социокультурной среды восточных славян на первый взгляд выступала препятствием для развития правового регулирования на основе нормативных договоров. С X столетия восточнославянская общность вовлекается в сношения с Византией и государствами Западной Европы. В результате появляется обширный спектр нормативных договоров в рамках межгосударственных отношений, в которых в качестве одной стороны выступают русские князья, а другой – императоры Византии.

При возникновении дискуссии о генезисе правового статуса мужчин особый интерес вызывает правовое регулирование некоторых общественных отношений в средневековой Руси. Актуальность указанной проблематики тесно коррелируется с особенностями сложившейся системы правовой регуляции в указанный период отечественной истории.

В научной среде достаточно распространено мнение о том, что, если в архаический период правового развития женщина была дискриминирована по признаку пола, то и аспект прав и обязанностей мужчин исследовать считается излишним, т. к. правовое положение мужской гендерной группы прямо коррелируется с правовым статусом личности.

Однако, думается, уже в древнейший период существования отечественного права и государства правовой статус мужчин не являлся тождественным правовому положению личности, т. к. правовая регуляция в средневековой Руси уже тогда четко разграничивала два субъекта правоотношений – мужчину и женщину, наделяя их правовой статус различным объемом прав и обязанностей, при этом в некоторых гражданско-правовых вопросах женщина обладала даже некоторым приоритетом перед мужчиной. Указанная разница правового положения гендерных групп в древнейший период истории России проявлялась прежде всего в политико-правовой области и в некоторых нюансах брачно-семейных отношений, параллельно с некоторыми отличиями в уголовно-исполнительной сфере.

Право и государство Древней Руси, как известно, сформировалось на территории Восточной Европы и с одной стороны обладало особыми специфическими свойствами, но с другой – подвергалось серьезному воздействию церковного права Византии. Мало того, на правовую систему русского государства серьезное влияние оказывали и экономико-политические факторы, в частности, торговые пути «из варяг в греки» и «из варяг в хазары», которые значительным образом трансформировали не только внешнюю политику государства, но и правовой статус купечества, а также лиц, задействованных в обеспечении торговых функций Древней Руси.

Самым первым писанным правовым регулятором, продемонстрировавшим специфику правового статуса мужчин и женщин в Древней Руси, являются договоры Руси с Византией, которые были заключены в 907 (факт заключения договора подвергается сомнению), 911, 944 гг.

Русско-византийский договор 907 г., если, конечно, считать его подлинным, не содержит специфических норм, затрагивающих статус мужчин, однако из контекста этого памятника права можно увидеть, что купеческое ремесло на Руси всецело являлось прерогативой лиц мужского пола. Мало того, указания на вооружение купцов говорили о том, что эта экономическая сфера была крайне опасной, и дискриминация женщин в купеческой отрасли проистекала из физической невозможности для женщин заниматься указанным бизнесом¹⁴⁹.

Договор Руси с Византией 911 г., провозглашая мирное сосуществование Византии и Руси, регулировал:

- процедуру выкупа военнопленных; порядок уголовных наказаний за преступления, совершенные ромейскими и русскими купцами на территории Византии;
- упорядочивал судебный процесс;
- регламентировал процедуру наследования;
- существенным образом изменил береговое право в сторону его гуманизации.

Правовой статус мужчин указанный международный договор затрагивает в аспекте защиты прав и свобод личности, однако гендерный аспект здесь подчеркивается исключительно через доминирование мужчин в политико-правовом поле, так как подписали его с русской стороны исключительно лица мужского пола: Карлы, Инегелдь, Фарлофь, Веремудь, Рулавь, Гуды, Руалдь, Карнь, Фрелавь, Рюарь, Актеву, Труань, Лидуль, Фость, Стемирь¹⁵⁰.

Можно предположить, что внешнеполитические функции Руси в исследуемый период осуществляли исключительно мужчины, по причине сопряжения направлений государственного воздействия с военной службой и укоренившейся традицией престолонаследования.

Следующий договор Руси с Византией, заключенный в 944 г., ввел некоторые новации в договор 911 г., стоит заметить, что не в пользу Руси, и, что примечательно, подписывался с русской стороны уже частично и представителями от женской правящей элиты, в частности княгини Ольги, влиятельной в политическом плане фигурой и крайне состоятельным в

---

¹⁴⁹ Успенский Ф. История Византийской империи XI–XV вв. Восточный вопрос / Ф. Успенский. Москва: Мысль, 1997. 804 с.; Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Я. Н. Щапов. Москва: Наука, 1976. 240 с.

¹⁵⁰ Кильдюшева А. А. Статус женщины в экономической сфере древних обществ / А. А. Кильдюшева // ОНВ. 2006. № 8 (44). С. 22–25.

финансовом аспекте субъектом (по некоторым данным, у нее в собственности находился целый город). Мало того, указанный договор утвердил право женщины оставить себе часть совместного с мужем имущества даже тогда, когда он совершил убийство и должен понести имущественную ответственность перед законом¹⁵¹.

Стоит отметить, что древнерусское право в некоторых аспектах отдавало приоритет мужчинам, т. к. любое субъективное право в архаический период своего развития базировалось на высокой степени личной ответственности и императивных обязанностях субъекта. Ряд субъективных прав женщина не всегда могла использовать, по причине особенностей своей физиологии. Простыми словами, древнерусский законодатель возлагал ряд обязанностей на субъекта правоотношений, которые тесно коррелировались с физической силой. В качестве примера можно привести тот факт, что до эпохи христианизации любое поведение человека, которое несло вред социальным связям, рассматривалось исключительно с точки зрения частного права. Эта тенденция проявлялась в том, что обязанность покарать правонарушителя лежала не на государстве, а на члене пострадавшего родового коллектива. Именно из этих предпосылок и складывалась некоторая правовая дискриминация женщин в Древней Руси, поскольку любое субъективное право было сопряжено с обязанностью, которую по причине технологической отсталости общества женщина в полной мере нести не могла. В частности, обычай кровной мести предполагал безусловное долженствование лица отомстить субъекту, причинившему смерть его кровному родственнику. Обязанным лицом здесь выступал именно мужчина, но, что характерно, кровную месть могла осуществить и женщина, однако это было не ее обязанностью, а правом¹⁵².

Ведя речь о содержательной части трех последних русско-византийских соглашений, необходимо сказать, что их текст сохранился, хотя реальное существование договора, датированного 907 г., исследователи ставят под сомнение. Так, одни ученые полагают его литературным вымыслом, другие считают его соглашением предварительного характера. Тем не менее есть и такие авторы, которые видят в нем реально заключенный договор, который обладал общеобязательным характером для заключивших его сторон.

Русско-византийские соглашения выступали не просто формой права, а письменными источниками, которые оказывали регулятивное воздействие на разнообразные общественные отношения. При этом указанные договоры нормировали и сферу юридической ответственности,

---

¹⁵¹ Повесть временных лет. Указанное сочинение. С. 34–39; С. 231–236.

¹⁵² Рахманин А. И. Правовые нормы древней Руси IX–XIII вв. // Аналитика культуры. 2008. № 3 (12). С. 141.

а также вопросы преступлений и наказаний. В частности, русско-византийское соглашение от 907 г. регулировало общественные отношения в области противоправных посягательств со стороны русских подданных в пределах византийской империи. В тексте соглашения прямо запрещалось русским совершать преступления и гарантировать это был обязан сам русский князь.

Анализируя договор 911 г., можно увидеть концептуальную пролонгацию идеи нормирования юридической ответственности. В частности, ст. 3 указанного соглашения, регламентируя процедуру доказывания, параллельно закрепило и важнейший принцип уголовного права о соответствии наказания тяжести совершенного преступления. В ст. 4 русско-византийского соглашения 911 г. был урегулирован вопрос о наказаниях за убийство, когда преступник и потерпевший обладали разным подданством. Текст статьи указывал на возможность наказания смертью преступника на месте совершения убийства. Если убийце удавалось скрыться с места совершения преступления, то в случае возможности применения к преступнику штрафа, такая мера считалась возможной и предпочтительной. Что характерно, в рамках указанной статьи предусматривалась и защита имущественных интересов супруги преступника. Примечательно, что в тексте этого соглашения не рассматривалась возможность того, что убийцей может выступать женщина. По сути, имущественные интересы мужчины, который мог быть супругом женщины, совершившей убийство, защищены не были. В области нормирования убийства по русско-византийскому соглашению 911 г. четка видна нормативная тенденция, которая не допускает даже возможности наличия субъектности женщины в подобном преступлении. По всей видимости, за преступление женщины, если она убила человека, отвечал ее муж, то есть в аспекте уголовного права женская правосубъектность поглощалась правосубъектностью мужчины – мужа и отца.

В то же время небезынтересна концепция наказания за убийство по Русской Правде, согласно которой за убийство предполагалось лишь имущественное наказание – штраф в казну и компенсация семье убитого. Сам факт сугубо имущественной ответственности за убийство несколько сглаживал гендерную диспропорцию отечественного средневекового правового регулирования. При этом, как ни трудно увидеть, нормы международного договора здесь противоречат русскому законодательству.

Изучая нормативный материал русско-византийского договора 911 г., можно отметить строгое наказание за нанесение телесных повреждений, которое хоть и носило ярко выраженный имущественный характер, но одновременно выступало крайне суровым в своей взыскательности. Так, в ст. 5 указанного соглашения ведется речь о полной выплате штрафа за нанесения телесных повреждений, вплоть до снятия последней одежды с

тела преступника. Тем не менее, после максимального имущественного удовлетворения взыскание не обращалось на личность преступника, если штраф был выплачен не полностью. При этом, сравнивая аналогичные нормы в тексте Русской Правды, можно видеть их нормативное сходство, за исключением некоторых характеристик, относящихся к метрическим характеристикам суммы штрафа.

В аспекте указанной проблематики текст соглашения 911 г. нормирует и такие составы, как открытое и тайное хищение чужого имущества. В указанном нормативном договоре учитывается и возможность сопротивления преступника, пойманного на месте преступления. Так, в случае оказания сопротивления пойманный на месте преступник может быть наказан смертью. С другой стороны, если преступник не оказывает сопротивления, то договор регламентирует штраф в размере тройной стоимости похищенного имущества. В этой связи, если сопоставить нормы указанного договора и положения Русской Правды, можно увидеть некоторое концептуальное сходство этих источников в регламентировании проблематики тайных и открытых хищений. По сути, Русская Правда не запрещала убийство пойманного на месте преступления вора, если он оказывал сопротивление или деяние совершалось ночью. При этом, Русская Правда также запрещала убивать связанного злоумышленника, считая это деяние преступлением и предусматривая обычное для «душегубства» наказание.

Необходимо отметить, что нормативный договор выступал важнейшим инструментарием, регулирующим юридическую ответственность за разбойные нападения. Так, древнерусскому праву указанный состав известен не был. При том что ст. 7 договора Руси с греками 911 г. предусматривала наказание за разбой, который понимался в указанный период практически также, как и в настоящее время. Сама конструкция нормы, предусматривающей санкцию за разбой, существенно опережала нормативный массив отечественного правопорядка: «если кто-либо – русский у христианина или христианин у русского, – причиняя страдания и явно творя насилие, возьмет что-нибудь принадлежащее другому, пусть возместит убытки в тройном размере». Подобная норма демонстрирует не просто высокий уровень византийской правовой культуры, на фоне которой принимался текст соглашения, а прежде всего природу самого нормативного договора, который качественно опережал древнерусское обычное право.

Ведя речь о русско-византийском соглашении 945 г., стоит отметить практически неизменный вид норм, регламентирующих юридическую ответственность за убийства и нанесение телесных повреждений. Тем не менее были в указанном договоре и некоторые новации. В частности, в ст. 6 соглашения юридическая ответственность за тайное хищение чужого имущества обладала свойствами некоторого плюрализма во внешнем ее

выражении. Подобное построение структуры санкции за кражу выражалось в обязанности возврата похищенной вещи, и штрафа, который носил не только компенсаторный, но и сугубо наказательный характер. То есть в рамках русско-византийского соглашения 945 г. за кражу предусматривалось и возмещение ущерба, и штраф, сумма которого была привязана к стоимости украденного имущества.

Аналогичной выглядит норма, предусмотренная ст. 13 Русской Правды краткой редакции, которая устанавливает обязанность возврата похищенной вещи, и уплаты штрафа, который соответствовал сумме украденной собственности. Формулировка второй части статьи соглашения 945 г. нормирует ситуацию, когда имеет место сбыт краденой вещи, и она концептуально не повторяет указанную статью Краткой Правды. Так, статья закрепляет нормативный дуализм, когда применяются нормы византийского и русского обычного права. То есть виновному в хищении и сбыте имущества грозил не только двойной штраф, но и санкции, которые предусматривались и византийским законодательством, и русскими обычаями. Можно предположить, что все же последняя санкция не выступала самостоятельным наказанием, а была лишь указанием на двойной размер штрафа. Важно здесь то, что за хищение чужого имущества смертная казнь уже не предполагалась.

Стоит отметить, что XII столетие ознаменовалось распадом некогда единого русского государства на ряд самостоятельных уделов, каждый из которых обладал и территориями, и собственным суверенитетом. При этом наблюдалось и нормативное обособление русских земель на фоне феодальной раздробленности. Формировалось также удельное, самобытное право, порождавшее своеобразие правовых институтов, что, в свою очередь, давало импульс развитию нормативного договора как важного правового регулятора и ведущего источника права средневековой Руси.

В целом период политической раздробленности единого Русского государства ознаменовался возрастанием роли нормативного договора как универсального правового регулятора. Подобная тенденция была инициирована появлением значительного числа субъектов, которые были вправе выступать стороной нормативного договора. Так, большое количество новых, политически независимых уделов стали активно вступать друг с другом в различные соглашения, нормативно их опосредуя. В итоге, большая масса договоров международного уровня была дополнена соглашениями междудельного характера, которые в полной мере нельзя было отнести к межгосударственным.

В рамках международных соглашений, которые обладали правообразовательными характеристиками, были заключены договоры с западными соседями. Новгород (договоры 1195 и 1270 гг.), Смоленск (договоры 1229–1230, 1240 гг.), Полоцк (договоры 1264 и 1265 гг.) заключали международные соглашения с городами Ганзейского торгового

союза, Готландом, Швецией, Тевтонским орденом и Ригой. Базовые проблемы, которые пытались урегулировать через международный договорной инструментарий, были расположены в русле безопасной торговли и ее упорядоченности. Особенную значимость подобным соглашениям придавали представители Ганзейской торговой конфедерации, которые стремились урегулировать вопросы безопасности купцов, разрешения споров о праве, возмещения вреда и пр. Кроме того, тематика международных соглашений располагалась в плоскости уголовного права. В этой связи небезынтересна Договорная грамота о мире, о посольских и торговых отношениях и о суде, датируемая 1189–1199 гг., которую заключил Новгород с Готским берегом и немецкими городами¹⁵³. В указанном соглашении, как и в Русской Правде, были отражены санкции в виде штрафов, которые градировались не только по основаниям тяжести совершенного преступления, но и зависели от социального статуса потерпевшего, в том числе и его гендерных характеристик. В частности, в соглашении имеют место ряд положений, которые нормируют юридическую ответственность за убийство. При этом жизнь обычного купца, будь то немец или новгородец, оценивалась в 10 гривен серебра. В свою очередь жизнь человека, обладавшего дипломатическим статусом, либо имевшего духовный сан, ценилась вдвое больше. В рамках гендерного статуса указанное соглашение делало ряд исключений, предполагая некоторое неравенство между мужчиной и женщиной в плоскости указанных правоотношений, так как честь и телесная неприкосновенность женщины охранялись строже, чем мужская.

Характерно то, что отечественная нормативная база средневекового Русского государства была очень созвучна с положением Договорной грамоты. Так, в ней предусматривалась юридическая ответственность в виде штрафа в от 3 до 12 гривен за избиение и оскорбление действием.

В плоскости анализа правового положения гендерных групп можно отметить предусмотренные соглашением преступные деяния против женщин в рамках их чести и телесной неприкосновенности, которые ценились очень высоко. Так, за побои, нанесенные свободной женщине, назначался штраф в 80 гривен, из которых половина шла князю, а другая половина непосредственно потерпевшей женщине. В свою очередь, за оскорбление действием женщины свободного состояния полагался штраф в 6 гривен. Минимальный штраф за оскорбление свободной женщины предполагался в одну гривну.

Исходя из анализа указанного соглашения можно сделать вывод о том, что хотя женщина и не являлась значимым актором в русле торговых сношений международного характера, ее честь и телесная

---

¹⁵³ Тексты договоров даны по изданию: Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. Ч. 1. Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1949. 407 с.

неприкосновенность находились под строгой охраной, защищаясь серьезными штрафами. Содержательная часть указанных предписаний в Русской Правде не фигурировала, однако их регулятивный потенциал был в полной мере реализован через принятие уставных княжеских актов.

Можно согласиться с мнением М. Ф. Владимирского-Буданова, отмечавшего тождественность положений международных договоров нормам отечественного права, при том что в случае коллизии немецких и русских норм применялись нормы русского права¹⁵⁴. Схожие нормативные положения, и прежде всего в сфере юридической ответственности за убийства, имели место и в более поздних международных соглашениях. В частности, проект договорной грамоты Новгорода с Любеком и Готским берегом о торговле и суде, датированный 1269 г., содержал нормы о штрафе за убийство лиц дипломатического статуса. Разница была лишь в определении сумм, которые там фигурировали в немецких марках, а не в гривнах. Кроме того, проектом вносилась корректировка относительно наказаний за преступления против чести и здоровья, которые выражались в штрафах и определялись также немецкими марками.

Как говорилось выше, договор нормативного характера получил существенный импульс не только в рамках внешнеполитических сношений, но и сугубо во внутригосударственной регулятивной сфере.

В течение длительного времени нормативные соглашения между уделами Русского государства выступали крайне удобным и эффективным регулятором налаживания взаимоотношений между удельными князьями. Они были тем более оптимальны как источники права в связи с тем, что князья обладали специфическим правовым статусом, и за каждым из них стоял свой род, формировавший особые правила, привычки, удельный правопорядок в целом. Удельными нормативными договорами регулировались различные направления жизни русского общества и прежде всего вопросы войны и мира, престолонаследия, а также весь спектр проблем, затрагивающих быт русской элиты в период политической раздробленности. Так, именно нормативные договоры выступили правовой базой «сместных» или «вобчих» судов, посредством которых разрешались споры о праве между удельными князьями, а также князьями и собственниками вотчин, имевших право на обращение в суд. Именно в этих судах могли судиться бояре и клерикальные структуры, а вотчинники могли мирно урегулировать любую конфликтную ситуацию.

Стоит отметить, что проблематика преступлений и наказаний в содержательной части договоров междудельного характера поднималась не часто. В качестве постоянного спутника любого нормативного соглашения можно назвать запрет на объективное вменение в рамках юридической ответственности. При этом основной упор делался на недопустимости

---

¹⁵⁴ Владимирский-Буданов М. Ф. Указанное сочинение. С. 114.

произвольного лишения собственников вотчинного имущества. Кроме того, Договорная грамота тверского великого князя Михаила Александровича с Новгородом о мире, датированная 1375 г., затрагивала проблематику юридической ответственности за речные грабежи, которые фиксировались на Волге и иных крупных водных артериях Русского государства.

Примечательно, что зарождение Московии также не миновало процесс масштабной реализации регулятивных качеств нормативного договора. Так, по мнению Н. Дювернуа, именно нормативные соглашения в период политической раздробленности Руси обладали наибольшей полнотой регулятивного материала. В частности, договорные княжеские грамоты несли в себе столь необходимый в эпоху феодальной раздробленности компромисс, который нередко сглаживал тенденции кровавых междоусобиц. Ученый подчеркивал значимость сглаживания нормативных характеристик феодального правопорядка, отмечая, что «в договорах князей первым условием компромисса становится, как правило, тот момент, что в случае спора по делам разных княжений, князья высылают с каждой стороны своих бояр. Эти бояре могут уговориться между собой, и если они достигнут соглашения, то на этом должны стать их князья»¹⁵⁵.

Можно сказать, что через регулятивные свойства нормативного договора в период политической раздробленности Русского государства формировалась система третейского суда, которая получила наибольший импульс в рамках сношений северных русских земель с государствами Западной Европы.

Примечательно, что практики, наработанные в процессе сношений Новгорода и Ганзейской торговой конфедерации, после присоединения новгородских территорий к Московии, перешли в зону ответственности Ивана III, попав в регулятивную плоскость нормативного соглашения 1487 г. Указанный договор выступил результатом переговоров Москвы с послами Ганзы и включал в себя нормы, имевшие место в более ранних договорных грамотах. В качестве таковых выступал широкий спектр гарантий, которые благоприятствовали торговым сношениям, обеспечивали безопасность купцов и в целом делали русско-ганзейскую торговлю бесперебойной и взаимовыгодной¹⁵⁶.

В качестве нормативных новаций договоров Москвы с Ганзейским союзом фигурировали нормы по вопросам юридической ответственности

---

¹⁵⁵ Дювернуа Н. Источники права и суд в Древней России: опыты по истории русского гражданского права / Н. Дювернуа. Санкт-Петербург: Юрид. центр «Пресс», 2004. С. 325.

¹⁵⁶ Казакова Н. А. Русско-ганзейский договор 1487 г. / Н. А. Казакова // Новгородский исторический сборник. Новгород: Новгородская правда, 1961. Вып. 10. С. 217–226.

представителей Ганзы за морской разбой. При этом Ганзейская торговая конфедерация была обязана возместить ущерб русским купцам за действия морских пиратов. В рамках указанного должествования фигурировали две позиции. Во-первых, Ганза была обязана вернуть русским купцам товар и казнить виновных в морском разбое в случае, если пираты были жителями ее территорий. Во-вторых, если русские купцы пострадали от пиратов, которые не проживали в ее городах, то Ганза была обязана реализовать весь спектр мер по возврату товаров пострадавшим и задержанию пиратов. По сути, подобные обязательства брали на себя все участники соглашения.

Ведя речь о регулятивных тенденциях нормативных соглашений, нельзя обойти вниманием и то, что по мере централизации Русского государства данный источник права перестал играть ведущую роль в аспекте внутреннего правопорядка, оставаясь между тем важнейшим регулятивным инструментарием в области межгосударственных сношений.

В заключение параграфа необходимо отметить, что правопорядок Руси в период политической раздробленности характеризовался высокой значимостью нормативного договора. Указанные соглашения обладали свойством субъектного разнообразия, плюрализма содержательной части. Характерно то, что нормативные договоры нередко фиксировали гендерную диспропорцию правового материала. Подобная регулятивная схема нередко лишала субъектности женщин в рамках опосредования внешнеторговых сношений, параллельно обеспечивая большую гарантированность их чести и достоинству в сравнении с аналогичными составами, где в качестве потерпевшего фигурировал мужчина свободного правового статуса.

§ 3. Брачно-семейный статус мужчин в средневековой Руси на основе канонического права

Анализируя правовое положение мужской гендерной группы в средневековой Руси, нельзя не отметить, что в рамках брачно-семейных отношений закреплялось верховенство мужчин посредством санкционирования этой тенденции через государственно-идеологический и церковно-этический инструментарий¹⁵⁷.

Клерикальные институты противопоставляли постулаты христианской теологии языческим воззрениям на брачно-семейные связи, требуя взаимного уважения супругов, проявлявшегося прежде всего в

---

¹⁵⁷ История государства и права России: учебник / Отв. ред. С. А. Чибиряев. Москва: Былина, 1998. С. 90.

принципах единобрачия. Сам институт брака в рамках христианского мировоззрения рассматривался как компромисс между человеческой природой и божьим замыслом, закрепляя женское целомудрие как основу брачно-семейных связей истинных христиан. Тем не менее проблематика женского промискуитета и конкубината в средневековой Руси вызвана упадком нравов Руси языческой, а общей тенденцией дискриминации женщин в эпоху средневековья. Мало того, иностранные авторы, занимавшиеся исследованием быта и нравственного состояния славян, отмечали более чем удовлетворительное состояние общественной нравственности, в том числе и в рамках брачно-семейных связей¹⁵⁸.

Жесткая регламентация отношений семьи и брака в средневековой Руси отображалась не только в жестком преследовании супружеской (особенно женской) неверности, но и случае брачного рецидива, строго порицая второй и последующий браки, даже в случае вдовства одного из супругов¹⁵⁹. Тем не менее и здесь нельзя увидеть что-то экстраординарное для восточных славян, так как в Древней Руси также существовала традиция единственности брака, но только лишь для женщины, в рамках института добровольного ухода из жизни овдовевшей супруги. И действительно, в исторической литературе нередко встречается обычай сожжения вдов при смерти мужа, которая так похожа на сати – похоронную ритуальную традицию в индуизме¹⁶⁰. Существование подобного, можно сказать, крайне жестокого обряда демонстрирует доминирование мужчины в рамках брачно-семейных отношений Руси дохристианского периода. При этом с наступлением христианской эпохи многоженство исчезло не сразу, да и практика разводов была достаточно распространенным явлением. Так, в 1427 г. в Пскове церковные иерархи запрещали избирать в церковные старосты тех мужчин, которые вступали в брак более двух раз. Примечательно, что еще в середине XV столетия митрополит Иона в своем послании к вятскому духовенству подчеркивал необходимость бороться с многоженством, которое было распространено у вятичей¹⁶¹. Анализ источников показывает, что христианство пыталось искоренить прежде всего многоженство, при том что институт многожества в брачно-семейной культуре Руси был неизвестен вовсе. Сам факт того, что средневековая Русь пестрела случаями, когда мужчина мог иметь и шесть, и семь жен, демонстрирует, что практика единобрачия с трудом воспринималась мужской гендерной группой, особенно из

---

¹⁵⁸ Макушев В.В. Сказания иностранцев о быте и нравах славян: Рассуждение Викентия Макушева / В.В. Макушев. Санкт-Петербург: тип. Эдуарда Веймара, 1861. С. 140.

¹⁵⁹ Пушкарева Н. Л. Женщины древней Руси. Москва: Мысль, 1989. С. 153.

¹⁶⁰ Момотов В.В. Указанное сочинение. С. 45.

¹⁶¹ Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси / Н.М. Гальковский. Т. 1. Харьков: Епархиальная тип., 1916. С. 145.

воинского сословия. Так, летописец, повествуя о ратных делах русских воинов и их походах на половцев, упоминает прежде всего пленных половецких женщин¹⁶², и лишь потом ведет речь об иной добыче. По сути, изучая летописные источники можно увидеть, что княжеское сословие тяготело к многоженству. В частности, таковым являлся и креститель Руси князь Владимир, имевший нескольких жен и многие сотни наложниц¹⁶³.

Институт наложниц неуклонно транслировался из Руси языческой в Русь христианскую именно через социокультурную среду привилегированных сословий. В этой связи В. Ю. Лещенко подчеркивает, что восточные славяне являлись полигамическими общностями, где институт многоженства был свойственен только элитарным сословиям¹⁶⁴. Наложничество, как правовой феномен, пустил глубокие корни в социум средневековой Руси, и о нем упоминается в Русской Правде (ст. 110)¹⁶⁵. Нередко наложницы играли видную роль в знатных семьях¹⁶⁶. В Новгороде еще в XII в. имели место случаи, когда сами священнослужители имели наложниц¹⁶⁷.

Конкубинат еще долгое время имел место в уже глубоко христианской Руси, при этом повторяя правопорядок западноевропейских государств. В частности, в некоторых германских государствах сожителство мужчины и женщины допускалось еще в XVI–XVII столетиях, при том что сам нормативный запрет внебрачной связи стал появляться лишь в первой половине XVI в.¹⁶⁸

Проблематика внебрачных половых связей средневековой Руси затрагивает прежде всего вопрос женского промискуитета. Так, в качестве наиболее ранних источников, закрепляющих юридическую ответственность за прелюбодеяния, выступает соглашение 1229 г., которое заключил Смоленский князь Мстислав Давидович с Ригию, Готландом и Немецкими городами, предусматривающее имущественную ответственность мужчины, виновного в прелюбодеянии¹⁶⁹. Постепенно,

---

¹⁶² Слово о полку Игореве. Москва: Московский рабочий, 1975. С. 56.

¹⁶³ Повесть временных лет // Древнерусская литература / Пер. Д. Лихачева. Санкт-Петербург: Азбука, 1997. С. 125.

¹⁶⁴ Лещенко В.Ю. Семья и русское православие (XI–XIX вв.) / В. Ю. Лещенко. Санкт-Петербург: изд. Фролова, 1999. С. 38.

¹⁶⁵ Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. / Под ред. О. М. Чистякова. Москва: Юридическая литература, 1984. С. 72.

¹⁶⁶ Соловьев С. М. Сочинения: В 18 кн. Кн.1: История России с древнейших времен / С. М. Соловьев. Т.1–2. Москва: Голос, 1993. С. 378.

¹⁶⁷ Щепкина, Е. Н. Из истории женской личности в России. Лекции и статьи / Е. Щепкина. Санкт-Петербург: тип. Б.М. Вольфа, 1914. С. 17.

¹⁶⁸ Брак у народов Западной и Южной Европы / Отв. ред. Ю. В. Иванова. Москва: Наука, 1989. С. 7.

¹⁶⁹ Абрашкевич М. М. Прелюбодеяние с точки зрения уголовного права / М. М. Абрашкевич. Одесса, 1904. С. 480.

гражданско-правовая ответственность за прелюбодеяние трансформируется в уголовную, при этом меняется и статус мужчины – субъекта преступления. Так, уже Эклога закрепляет жестокое наказание за прелюбодеяние для виновных мужчины и женщины – отрезание носа¹⁷⁰.

Тем не менее ущемление брачно-семейных прав мужчин в области многоженства и наложничества в средневековой Руси характеризуется и некоторыми амбивалентными явлениями, которые были расположены в русле дискриминации женщин, находящихся в статусе супруги. Так, церковь с помощью всего своего пропагандистского аппарата насаждала идею нераздельной власти мужа над женой во всех сферах семейного быта¹⁷¹. Супруг, по замыслу церковных идеологов, был обязан выступать в образе наставника своей супруги и полновластного обладателя власти в семье. В то же время фактическое положение дел нередко обстояло иначе и женщины привилегированного сословия оказывали существенное влияние на решения своих мужей, в том числе в сфере княжеских полномочий¹⁷².

В средневековой Руси подверглись и такие права супруга как физическая власть над супругой. Церковь воспрещала рассматривать жену, как имущество мужа и замужняя женщина рассматривалась как самостоятельный субъект правоотношений. Отныне брак не давал возможности мужчине распоряжаться жизнью и свободой своей супруги. Тем не менее, указанный период характеризуется тем, что нередко наблюдается закабаление целых семей, где муж, как глава семьи, единолично решает судьбу своих домочадцев¹⁷³.

По нашему мнению, существенно повлияло на брачно-семейный статус мужчин обязанность супругов по взаимному содержанию, положив начало реализации современных принципов семейного права¹⁷⁴. Что характерно, указанное долженствование супругов нашло свое подтверждение в Уставе князя Ярослава¹⁷⁵. Все это, по-видимому, демонстрирует влияние христианства на средневековую Русь. При этом можно увидеть и существенную несимметричность взаимных обязанностей и прав супругов, так как именно мужчина выступал главой

---

¹⁷⁰ Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран / Под ред. З. М. Черниловского. Москва: Юридическая литература, 1984. С. 240.

¹⁷¹ Древнерусская литература / редкол. М. Л. Гаспаров и др. Москва: ин-т «Открытое общество», 2001. С. 368.

¹⁷² Соловьев С. М. Указанное сочинение. С. 419.

¹⁷³ Шпилевский С. Семейные власти у древних славян и германцев / С. Шпилевский. Казань: Унив. тип., 1869. С. 66.

¹⁷⁴ Щапов Я. Н. Брак и семья в Древней Руси / Я. Н. Щапов. // Вопросы истории. 1970. № 10. С. 218.

¹⁷⁵ Российское законодательство X–XX веков. В девяти томах. Под общей редакцией О.И. Чистякова. Т. 1. Законодательство Древней Руси. Москва: Юрид. лит., 1984. С. 138.

семьи¹⁷⁶. Право домовладыки здесь существенно ограничивалось в рамках средств и способов управления семьей. Мужчине была запрещена жестокость в отношении своей супруги. Семейная юстиция приобретала замысловатые формы. Так, только муж был вправе наказывать жену за кражу его имущества, а также за совершение супругой некоторых аморальных поступков.

В заключение параграфа необходимо отметить, что брачно-семейный статус мужчин средневековой Руси через призму канонического права характеризовался некоторой нормативной амбивалентностью. С одной стороны, правовое положение мужчин было существенно урезано в аспекте реализации институтов конкубината и наложничества, с другой же – мужчина приобрел право быть самостоятельным и едино начальным главой семьи. При этом подобная тенденция было идеологически выстроена в рамках христианской теологии и государственной политики. В этот период можно наблюдать зарождение демократических принципов, которые в настоящее время реализованы в рамках семейных правоотношений – взаимное содержание супругов. В то же время брачно-семейные связи в средневековой Руси характеризуются трансформированием правового положения мужчины, который хоть и выступает главой своей семьи, но приобретает обязанность заботиться о своей супруге. В аспекте правового статуса мужчин здесь необходимо отметить некоторую двойственность. Так, мужчина потерял возможность реализовывать право сожителствовать с женщиной и держать наложниц, однако сам факт вытеснения женщин из публичных областей жизни закладывал основание для их дискриминации в последующем.

---

¹⁷⁶ Цыпин В. А. Церковное право. Курс лекций / В. А. Цыпин. Москва: Наука, 1995. С. 138.

Глава 3.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ: ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ МУЖЧИН В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ

§ 1. Социально-экономический статус мужчин в Золотой Орде в XIII–XIV вв.

Анализ проблематики правового положения мужской гендерной группы в средневековой Руси не представляется возможным без осмысления прав и обязанностей мужчин в Золотой Орде по причине того, что монгольская и в целом кочевая культура оказала существенное влияние на отечественный средневековый правопорядок. Бесспорно, что культура кочевников, их быт и социально-экономические привычки так или иначе трансформировали Русь в рамках ее экономического, политического и правового развития.

В рамках темы параграфа, по нашему мнению, необходимо рассмотреть общие закономерности возникновения государства.

Итак, смена первобытного равноправного родоплеменного строя на государственность происходит в результате того, что первобытное равенство и исторические формы общественной собственности перестают соответствовать потребностям общества. При отсутствии специального аппарата для принудительного воздействия общественная власть и социальные нормы регулировали поведение людей в рамках рода, а вопросы разрешались на общем собрании рода. Однако с течением времени производительность труда начала расти, что привело к возможности содержания группы людей, специализирующихся на выполнении общественно значимых функций, не принимающих непосредственного участия в материальном производстве. Таким образом, первобытные коллективистские производственные отношения изменились и разрушились, что создало условия для возникновения государства.

Прогрессирующее общественное разделение труда изменяет содержание и формы организации общественной жизни в семейных и родовых общинах, во фратриях, куриях и племенах. Родоплеменная структура усложняется, постепенно начинает развиваться разделение социальных функций.

С развитием общественного разделения труда происходят существенные изменения в организации жизни семей, родовых общин, фратрий, курий и племен. Родоплеменная структура усложняется и возникает разделение социальных функций, что приводит к удалению от первоначального равенства. В дополнение к этому, появление узкого слоя привилегированных и накопление богатства стимулируют развитие частной

собственности (в Западной культуре) или «власти-собственности» (в Восточной культуре), которая становится основой эксплуатации человека человеком.

Существуют общие закономерности, определяющие возникновение государства и его развитие, среди которых экономические условия играют ключевую роль. Когда общество переходит от первобытной экономики к товарно-денежным отношениям, появляются новые социальные группы, которые могут стать потенциальными носителями власти. Развитие ремесла и торговли ведет к накоплению капитала и появлению класса купцов, которые финансируют войны и создание централизованной административной системы. Контроль над земельными ресурсами также может использоваться для укрепления государственной власти и формирования государственных институтов.

Другим важным фактором, способствующим возникновению государства, является социальная организация общества. С ростом численности населения и увеличением сложности социальных отношений возникает необходимость в управлении и координации действий. Появляются лидеры, которые способны объединить людей вокруг себя и обеспечить стабильность в обществе. Это может привести к появлению государственных институтов и формированию государственной власти.

Еще одним фактором, который способствует возникновению государства, является внешняя угроза. Необходимость защиты от нападения внешних противников может привести к созданию специализированных военных органов и формированию централизованной армии. Кроме того, угроза со стороны других государств может привести к необходимости заключения договоров и созданию международных организаций, которые также могут входить в систему государственной власти.

В целом, процесс возникновения государства является многомерным и зависит от многих факторов. Однако, понимание этих закономерностей может помочь нам лучше понять, как функционирует государство в настоящее время и как оно может развиваться в будущем.

Еще одной общей закономерностью, лежащей в основе возникновения государства, является необходимость защиты общества от внешних и внутренних угроз. В условиях, когда общество сталкивается с угрозами со стороны других групп или народов, появляется потребность в объединении и формировании общей обороны. Это может приводить к созданию централизованной власти и появлению государственных институтов, ответственных за безопасность и оборону.

Еще одной причиной возникновения государства является необходимость регулирования общественных отношений и установления правил поведения. В условиях разнообразия интересов и потребностей различных социальных групп может возникать конфликт, который требует урегулирования. Государство может выступать в роли посредника в

разрешении конфликтов, создавая законы и институты, которые регулируют поведение членов общества.

Наконец, еще одной общей закономерностью, лежащей в основе возникновения государства, является культурно-исторический контекст. В различных культурах существуют традиции и обычаи, которые формируют специфические представления о власти и ее роли в обществе. Культурно-исторические особенности могут повлиять на формирование государственных институтов и на то, как они функционируют в различных обществах.

Политическая централизация является одним из ключевых факторов, влияющих на возникновение государства. Этот процесс предполагает укрепление власти в руках центрального правительства и ослабление власти местных властей.

Политическая централизация может быть вызвана различными причинами, включая угрозу со стороны внешних врагов, необходимость более эффективного управления территориями, на которых поселяются различные народы и культуры, а также необходимость управления распределением ресурсов в рамках государства.

Политическая централизация может привести к созданию государственной системы, в которой центральное правительство имеет основную власть и контролирует все аспекты жизни общества. В таких государствах часто существует четкая иерархия власти, где высшие должности занимают люди, назначаемые центральным правительством. Это позволяет обеспечить более эффективное управление территориями и ресурсами, а также создать сильную армию для защиты государственных интересов.

Однако политическая централизация также может стать причиной конфликтов и разрывов внутри общества, особенно если правительство неспособно обеспечить равные условия для всех его членов. Кроме того, слишком сильное централизованное правительство может привести к нарушению прав и свобод граждан. Поэтому политическая централизация должна быть балансирована с учетом интересов всего общества.

Социальные идеи также могут играть важную роль в возникновении государства. Они могут влиять на формирование взглядов людей на общественные отношения, их права и обязанности, а также на роль государства в этих отношениях.

Например, идеи о социальной справедливости и равенстве могут способствовать созданию государства, которое будет защищать права и интересы всех его граждан. Эти идеи могут стать основой для разработки конституционных документов и законов, которые будут регулировать отношения между людьми и государством.

С другой стороны, социальные идеи также могут противодействовать возникновению государства, если они призывают к отказу от

централизованной власти и поддерживают идею децентрализации власти и самоуправления.

В общем социальные идеи могут оказывать влияние на формирование государства и его функций, а также на отношения между государством и обществом. Они могут как способствовать, так и противодействовать развитию государства, в зависимости от конкретной ситуации и социальных условий.

Культурные факторы также играют важную роль в возникновении государства. Культурные нормы, ценности, традиции и обычаи могут влиять на то, как люди видят свою роль в обществе и какие они ожидают функции от государства.

Например, в традиционных обществах, где семья и родственные связи играют важную роль, может возникнуть потребность в создании централизованной власти, которая будет регулировать отношения между различными родами и защищать их от внешних угроз. В таких обществах государство может восприниматься как своего рода «родитель», который заботится о благополучии и защите всех своих «детей».

С другой стороны, в обществах, где уважение к индивидуальным правам и свободам является ценностью, государство может восприниматься как инструмент, который должен обеспечивать защиту этих прав и свобод.

Культурные факторы также могут влиять на то, какие политические идеи и концепции будут приняты в обществе и как они будут интерпретироваться. Например, в некоторых культурах может быть больше склонности к традиционным формам правления, таким как монархия или диктатура, в то время как в других культурах может быть больше склонности к демократическим формам правления.

Таким образом, культурные факторы могут влиять на то, как общество воспринимает государство и какие функции ему отводит. Они могут быть как фактором, способствующим возникновению государства, так и препятствием для его развития.

Все эти факторы сыграли свою роль в процессе становления и развития государства, и только их взаимодействие могло привести к возникновению и консолидации государственной власти. Однако следует отметить, что каждый конкретный случай возникновения государства уникален и имеет свои особенности, которые определяются многими факторами. Так, в свое время в 1246 году Плано Карпини отмечал высокий уровень достатка жителей Дешт-и-Кыпчак, что косвенно характеризует особенности социокультурной среды не только кыпчаков, но и татаро-монголов¹⁷⁷. Применительно к Золотой Орде необходимо отметить, что это государство

---

¹⁷⁷ Иоанн де Плано Карпини. История монголов. Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Санкт-Петербург: Издание А. С. Суворина, 1911. С. 7–8.

выступало улусом дома Джучи. При этом население страны, неважно, кочевые племена, сельские жители или горожане, рассматривались как подданные дома Джучи, во главе которого стоял хан. Сам улус был поделен на части, во главе которых находились «царевичи» ханского дома и крупные кыпчакско-татарские феодалы – нойоны. Указанные правители территорий параллельно занимали важные военные должности, выступая темниками и тысячниками. В некоторых случаях они могли занимать и высокий гражданский пост. В рамках нашего исследования важно то, что занятие военных и гражданских должностей в Золотой Орде выступало исключительной прерогативой мужчин. По нашему мнению, подобная ситуация являлась следствием феодальных правоотношений, базируясь на мужском праве, когда на вершине властной иерархии находился хан, воплощавший в своей персоне власть военного вождя, которая была так характерна для военной демократии, где мужчина выступал по умолчанию воином и защитником отечества.

Подобная властная вертикаль Золотой Орды отсылает нас к такому социально-правовому феномену, как «аил» – первичная тягловая единица кочевого хозяйствования. Именно на аиле зиждился феодальный строй Золотой Орды. При этом аил постоянно кочевал на тех территориях, которые отводил ему сюзерен, выступающий в роли хана, царевича, нойона, бека, богатура, темника, тысячника, сотника и т. д. В свою очередь сам аил был обязан нести в пользу своего сюзерена различные повинности, которые включали в себя обычные для феодализма обременения в виде натуральной и отработочной ренты, которая все же не исключала аил из местного товарооборота как свободного субъекта социально-экономических правоотношений, реализуемых обычно в рамках городских общественных связей. Примечательно, что со слов В. Рубрука в плоскости кочевого хозяйствования в Золотой Орде мужчина выступал важнейшей производительной единицей. Так, мужчины занимались производством оружия и снаряжения, строили дома и повозки, караулили лошадей, делали кумыс и пр. В свою очередь о роли женщин в золотоордынском быту исследователи пишут следующее: «Обязанность женщины состоит в том, чтобы править повозками, ставить в них жилища и снимать их, доить коров, делать масло, выделывать шкуры и сшивать их, и сшивают их они ниткой из жил. Именно они разделяют жилы на тонкие нитки и после сплетают их в одну длинную нить. Они шьют также сандалии (*sotulares*), башмаки и другое платье»¹⁷⁸.

Социально-экономический статус мужчин в Золотой Орде зависел от многих факторов. В качестве одного из них выступала обязанность участвовать в облавных охотах, которые могли иметь продолжительность до

---

¹⁷⁸ Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов: монгольский кочевой феодализм. Ленинград: Издательство академии наук СССР, 1934. С. 112.

трех месяцев. При этом охота у татар Золотой Орды выступала достаточно значимой отраслью экономики кочевого хозяйствования¹⁷⁹.

Правовое положение представителей мужской гендерной группы Золотоордынского государства также зависело и от племенной принадлежности. Так, татары составляли здесь привилегированное меньшинство, при этом основная масса кочевого населения указанного государства состояла из половцев. Именно прямые потомки тех четырех тысяч воинов, которых направил к Джучи Чингисхан сформировали три племени – сайджиут, кинкит и хушин, мужчины которых и составили стержень золотоордынского войска в период с 1290 по 1312 гг.¹⁸⁰ Из этого следует, что обременениями военной службы в основном подвергались именно татарские мужчины, привилегированное положение которых четко коррелировалось с воинской повинностью, которую они обязаны были нести.

Вопрос о соотношении кочевого и оседлого населения Золотой Орды в настоящее время остается открытым. По всей видимости, золотоордынские кочевники составляли меньшинство, так как в состав Золотой Орды входило множество территорий с многочисленным оседлым населением. Так, в золотоордынскими были Булгар, Крым, Северный Кавказ, Хорезм, Нижнее Поволжье. Тем не менее в рамках заявленной темы наибольший научный интерес вызывает именно кочевники Золотой Орды, так как социокультурная среда оседлого городского и сельского населения этого государства обладала схожими со средневековой Русью характеристиками.

Стоит отметить, что анализ социально-политического устройства Золотой Орды существенно затруднен недостаточностью источниковой базы. До нашего времени дошли ханские ярлыки, которые существенным образом были проанализированы учеными¹⁸¹. Отталкиваясь от различных

---

¹⁷⁹ Греков Б. Д. Золотая Орда и её падение / Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Москва: Книга по Требованию, 2021. С. 99.

¹⁸⁰ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. Извлечения из персидских сочинений. Москва: Академия наук СССР, 1941. С. 33.

¹⁸¹ Наиболее важные работы об этих ярлыках: И.Н. Березин. Ханские ярлыки, т. II; Тарханные ярлыки Тохтамышша, Тимур-Кутлуга и Саадет-Гирея. Казань, 1851. В. В. Радлов. Ярлыки Тохтамышша и Темир-Кутлуга. ЗВО, т. III, вып. 1, стр. 1–40. Ярлыки Тохтамышш-хана и Сеадет-Гирея, перев. Я. Ярцева с примеч. В.В. Григорьева. Одесса, 1844. См. также: Несколько поправок к ярлыку Тимур-Кутлуга: ИРАН, 1918, стр. 1119–1124. Несколько поправок к изданию и переводу ярлыков Тохтамышш-хана. Изв. Таврич. общ. ист., археол. и этнограф., т. I, 1927. Постановка этих вопросов, конечно, была вызвана выходом в свет таких исследований, как «Histoire des Mongols» D'Ohsson и «Histoire des Mongols» Quatremère, где темам социально-экономического положения подданных Золотой Орды было уделено немало времени. В 1940 г. в Istanbul'e Akdes Nimet Kurat было опубликовано несколько писем и ярлыков золотоордынских и крымских ханов, в том числе и таких, которые науке не были известны. Для целей нашего исследования особенно ценными выступают письмо золотоордынского хана

исследований, осуществленных на достаточно скудной концептуальной основе, можно заявить, что Золотоордынское общество было достаточно пестрым как этнически, так и социально-экономически. Улус Джучи выступал ничем иным как союзом племен и народов, которые, согласно монгольскому правовому регулированию, подчинялись всей династии Джучи. Представители ханского рода являлись самыми крупными феодалами, были богатыми собственниками, имели массу скота, пастбищ. Обладали они и оседлыми землями¹⁸². По сути, представители династии предопределяли внутреннюю и внешнюю политику государства. На ступень ниже стояли крупные беки (тюрки) и нойоны (монголы) которые составляли основной кадровый армейский резерв. Многие из них получали тарханные ярлыки на право владения оседлыми землями. Так, по мнению И. Н. Березина, социально-политическая номенклатура Золотой Орды выглядела следующим образом: огланы¹⁸³, беки, улусные беки, нойоны, тарханы¹⁸⁴. Стоит отметить, что тарханы не всегда выступали в роли крупных феодалов, и часто они формировали так называемый средний класс. Правовой статус тархана отличался рядом ощутимых выгод. Так, указанный феодал освобождался от уплаты налогов. Кроме того, в сфере юридической ответственности тарханы обладали привилегированным статусом. В частности, их нельзя было наказывать за первые девять правонарушений.

Указанная выше социально-политическая номенклатура Золотой Орды выступала базой для формирования командного состава войска. Согласно источникам, армия Золотой Орды состояла не только из конных, но и пеших отрядов. Так, мужчины ополченцы, обязанные нести военную службу в пехоте, должны были иметь продовольствие на целый год, лук, тридцать деревянных стрел, колчан, щит. Набранное ополчение должно было на каждые два человека иметь лошадь, а на каждые десять человек – одну палатку, две лопаты, кирку, серп, пилу, топор, секиру, сто иголок, веревку, котел и другие вещи. Со всем этим воины и должны были предстать на смотр.

По поводу конного войска можно отметить, что формировалось оно по стандартам, установленным еще при Чингисхане, и делилось на десятки, сотни, тысячи и тьмы (10 000). Каждый мужчина, обремененный обязанностью военной службы, должен был сам обеспечить себя всем необходимым, вплоть до иголок. Важно отметить, что военный призыв не

Улуг-Мухаммеда к турецкому султану Мураду II от 14 III 1428 г. и тарханный ярлык Менгли-Гирей на имя Хакима Яхьи 857 г.

¹⁸² Тизенгаузен В.Г. Ук. соч. Т. I. С. 111.

¹⁸³ Термин «оглан» употреблялся в значении «царевич», т. е. член ханского дома. Как оглан-царевич он имел право на улус и, следовательно, тем самым был начальником крупной войсковой части (крыло войска или тумен).

¹⁸⁴ Березин И.Н. Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева / Соч. И. Н. Березина. Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. наук, 1863. 112 с.

освобождал хозяйство от выплаты податей и несения повинностей. Нередко призванного на военную службу мужчину в быту заменяла женщина, которая самостоятельно выполняла мужские обязанности по хозяйству.

Примечательно, что военная дисциплина золотоордынского войска была крайне суровой и за любой проступок могли покарать смертью. Переход воинов из одного десятка в другой строго пресекался. В солдатах искусственно взращивалась жестокость посредством сурового обращения и полуголодного существования¹⁸⁵. Кроме того, в качестве важной особенности конного монгольского войска выступало то, что воин был обязан привести не одну, а несколько лошадей, дабы боевая обученная лошадь не уставала перед битвой. В качестве поощрения воинам, принявшим участие в битве, полагалась часть военных трофеев.

В целом же кочевая аристократия занимала «львиную» долю как военных, так и гражданских должностей. Важно отметить, что в Золотой Орде разделение на гражданскую и военную службу было условным, и военная единица выступала полностью тождественной единице гражданской. В связи с этим, государственная служба в золотоордынском государстве выступала исключительно мужской прерогативой. Глава удела и глава войска сливались в одном лице, а его власть, как гражданская, так и военная зависела от расположения хана, который мог в любой момент сместить чиновника.

Осмысление социально-экономического статуса мужчин Золотой Орды зависит еще и от точки зрения на структуру существовавшего в тот период общества. Так, наряду с кочевыми феодалами имели место и феодалы сугубо оседлые, которые владели большим количеством недвижимого имущества – деревнями, садами, мельницами, виноградниками и пр.¹⁸⁶ Бесспорно, что реализация их феодального статуса зиждилась на принуждении внеэкономического свойства и именно «кулачное» право выступало здесь основным регулятором существующих в этом направлении общественных связей. Сущность принуждения как такового основывалась на патриархальных общественных сношениях, где в качестве основных акторов фигурировали лица мужского пола. По сути, женщина как субъект «выбрасывалась» из социокультурной среды не просто как сторона правоотношений, а как лицо обладающее правосубъектностью. Редкие исключения из этого правила только лишь подтверждали общий гендерный тренд.

Анализируя социально-экономический статус мужчин Золотой Орды и прежде всего ее кочевую часть, нельзя обойти вниманием существенную

---

¹⁸⁵ См.: Петрушевский И. П. К вопросу о прикреплении крестьян к земле в Иране в эпоху монгольского владычества // Вопросы истории. 1947. № 4. С. 59–70.

¹⁸⁶ См.: Радлов В. В. Ярлыки Тохтамыша и Темир-Кутлуга // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. 1888. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1889. Т. III. Вып. I и II. С. 1–40.

тягловую обремененность кочевников в аспекте выполнения многих заранее не оговоренных повинностей, которыми их обкладывала ханская администрация и непосредственный сюзерен. Ряд исследователей фиксирует полный имущественный произвол во взаимоотношениях кочевого феодала и вассала¹⁸⁷. Сама жизнь кочевого хозяйства была крайне чувствительна не только к воле владельца земли, но и в аспекте личных качеств членов аила и прежде всего его главы, которым выступал мужчина. Так, Б. Я. Владимирцов в своей книге, описывая быт золотоордынского кочевого населения, приводит высказывание Рашид-ад-Дина о жизни простых кочевников: «Человек простой, т. е. из черни, если будет жаден к питью вина, покончит лошадь, стада и все свое имущество и станет нищим»¹⁸⁸. Многие исследователи отмечают существовавшее в Золотой Орде имущественное расслоение и наличие ярко выраженного иерархически построенного общества. Так, степному феодалу могли принадлежать много сотен зависимых людей, имуществом которых он мог распоряжаться. Подобная ситуация была характерна и для оседлых золотоордынских территорий¹⁸⁹.

Стоит отметить, что в Золотой Орде имело место прикрепление крестьян к земле, схожее по своим характеристикам с крепостным правом, существовавшим в Российской империи. По мнению И. П. Петрушевского, в монгольской среде оседлое население рассматривалось как личная собственность феодала, по крайней мере, это проявлялось с бытовой точки зрения¹⁹⁰.

Подобное устройство феодального золотоордынского социума демонстрирует наличие института личной зависимости вассала от своего сюзерена. Зависимость оседлого населения от феодала и ханской администрации была жестче, чем феодальная связь в кочевой среде. В целом объем государственных повинностей оседлого и кочевого населения совпадал, хотя их характер и был окрашен в различные правовые тона. Основной обязанностью, которая существенно обременяла хозяйства подданных, выступала транспортная повинность, которую обязаны были нести и кочевое и оседлое население. Так, обязанность предоставлять средства передвижения ханским чиновникам были обязаны все подданные государства. Подобная ситуация усугублялась еще и тем, что номенклатура должностей, в пользу которых население несло указанное повинное, была достаточно обширной. В частности, из ярлыка Тимур-Кутлуга следует,

---

¹⁸⁷ Иоанн де Плано Карпини. История монголов. Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1911. С. 23.

¹⁸⁸ Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов: монгольский кочевой феодализм / Б. Я. Владимирцов. Ленинград: Издательство академии наук СССР, 1934. С. 113.

¹⁸⁹ Иоанн де Плано Карпини. Указанное сочинение. С. 82.

¹⁹⁰ Петрушевский И. П. К вопросу о прикреплении крестьян к земле в Иране в эпоху монгольского владычества // Вопросы истории. 1947. № 4. С. 59–70.

что в качестве чиновников, которым все подданные обязаны предоставлять транспорт, значились «внутренних селений даруги», «казни», «муфтии», «суфии», «писцы палат», «таможенные», «сборщики подати», «мимохожие и мимоезжие послы и посланцы», «ямщики», «кормовщики», «сокольники», «барсники», «лодочники», «мостовщики», «базарный люд» и другие. При этом в указанный список входили и высшие должности. В свою очередь, если обратиться к тарханному ярлыку Менгли-Гирея, датированного 1453 годом, то можно увидеть существенное расширение списка чиновников. Так, в рамках указанного документа фигурируют «темники», «тысяцкие», «сотники», «десятские», «даруга-беки», «мударрисы», «кадии», «мухтасибы», «шейхи», «писцы (битикчи) при великой тамге», «тамговщики», «весовщики», «амбарщики», «яфтаджи» (лицо, объявляющее о налогах), «ясаки», «каланчи» (сборщики калана), «букаулы», «пограничники (тутакаулы)», «стражи городских ворот (кабакчи)», «караулы», «сокольничьи», «пардусники» и т. д.¹⁹¹ Указанные чиновники обладали правом на взыскание транспортной повинности и пользовались ею, обременя преимущественно оседлое зависимое население.

Относительно государственного давления на отдельные хозяйства в Золотой Орде исследователи отмечают масштабные злоупотребления властью со стороны чиновников. Историки отмечают, что нередко хозяйства выплачивали оброк, который равнялся более чем половине произведенного хозяйством товара¹⁹². Мужчины в Золотой Орде подразделялись на кочевников и оседлое население, которое градировалось на лично зависимых (сабанчи) и лично свободных арендаторов (уртакчи).

В аспекте наличия в Золотой Орде такой социальной категории, как рабы, можно отметить, что рабский труд не составлял основу экономики этого государства. Доля рабского труда в домашнем хозяйстве, как кочевом, так и оседлом играла важную роль. Однако редко когда раб передавал свой статус потомству. В Золотой Орде обычно дети невольника становились земледельцами, оседая на земле, которую им выделял феодал. В Золотой Орде процветала торговля рабами, и их оборот в качестве транзитной товарной единицы был значительным. В частности, в рабство обращались семьи мятежников, прежде всего молодых женщин и детей, которых продавали в мусульманские страны. Нередко работоторговлей в Золотой Орде промышляли европейские купцы. Так, в начале XIV столетия работоторговлей в Крыму промышляли генуэзцы. В это же время в Золотой Орде можно было наблюдать охоту на людей в целях их продажи в рабство¹⁹³. Часто подобный бесчеловечный феномен выражался в убийстве взрослых мужчин и

---

¹⁹¹ Греков Б. Д. Золотая Орда и её падение. Москва: Книга по Требованию, 2021. С. 115.

¹⁹² Там же. С. 117.

¹⁹³ Тизенгаузен В. Г. Указанное сочинение, т. I, стр. 114.

закабалении женщин и детей, для их последующей реализации на невольничьих рынках.

В рамках работорговли как важной отрасли экономики Золотой Орды необходимо отметить, что имела место и добровольная продажа детей. Нередко сами кочевники в случае голода занимались продажей родных дочерей и сыновей, при этом если дочь могли продать в рабство без крайней необходимости, то сыновей продавали редко, лишь в случае крайней нужды. Подобная ситуация указывает на высокую стоимость мужских рук в золотоордынском кочевом хозяйстве¹⁹⁴.

Амбивалентность гендерных правоотношений в Золотой Орде подчеркивалась тем, что женщина в кочевой социокультурной среде занимала особое положение. В частности, арабский путешественник Ибн-Батута, посетивший в 30-е гг. XIV столетия земли Золотой Орды, отмечал, что статус женщины в кочевой среде был выше, чем у мужчин. В своих заметках он писал: «В этом крае я увидел чудеса по части великого почета, в каком у них (имеются в виду татары – *примечание автора*) женщины. Они пользуются большим уважением, чем мужчины»¹⁹⁵. Подобная ситуация демонстрирует прежде всего высокий удельный вес женского труда в кочевом хозяйстве¹⁹⁶.

Соотнося мужской и женский статус, можно увидеть, что издревле у монголов имеет место гендерное сглаживание, которое выражалось в наделении женщин мужскими правами и обязанностями. Это видно уже по ясе, когда Чингисхан предписывал женщинам замещать мужчин в кочевом хозяйстве, если те убыли на войну¹⁹⁷. О полном гендерном равноправии в Золотой Орде говорить не приходится, скорее, здесь можно констатировать равенство обязанностей, которое было спровоцировано отсутствием в хозяйстве мужской рабочей силы.

Некоторые историки ссылаются на то, что в Золотой Орде имело место равноправие мужчин и женщин знатных родов в аспекте осуществления политической власти. Так, Плато Карпини отмечал, что матери золотоордынских чиновников нередко выступали их неформальными советниками, а нередко и «серыми кардиналами»¹⁹⁸. Подобную ситуацию в элитарных кругах Золотой Орды нельзя назвать даже предпосылкой к реализации принципа гендерного равенства, так как во времена феодализма и доминирования силового, «кулачного» права женщины не могли в полной мере ощущать свое юридическое равноправие с мужчинами. Знатные

---

¹⁹⁴ Тизенгаузен В. Г. Указанное сочинение, т. I, стр. 241.

¹⁹⁵ Там же. С. 288.

¹⁹⁶ Тизенгаузен В. Г. Указанное сочинение, т. I, стр. 288.

¹⁹⁷ Приселков М. Д. Ханские ярлыки русским митрополитам. ЗИФФПУ, СХХХIII. СПб., 1916. 116 с.

¹⁹⁸ Иоанн де Плато Карпини. Указанное сочинение. С. 57.

кочевые аристократки могли принимать участие в собраниях знати – курултаях.

В заключение параграфа необходимо отметить, что социально-экономический статус мужчин в Золотой Орде зависел от многих обстоятельств. Так, если мужчина принадлежал к кочевой среде, то он обладал рядом привилегий, которые зависели от ряда обязанностей, главная из которых заключалась в воинской повинности. Общее тяготение феодальных порядков структурировало золотоордынский социум, неизменно градируя его на кочевые и оседлые. При этом элемент правоотношений в сфере рабства и работорговли усложнял и без того пеструю социальную структуру Золотой Орды. При этом нельзя не отметить ценность именно мужчин в кочевых хозяйствах, так как мальчиков старались не продавать в рабство. В целом высокий социально-экономический статус мужчин в золотоордынском государстве имел место у крупных феодалов. В свою очередь, у низших слоев правовое положение было существенно купировано произволом со стороны чиновников и феодалов.

§ 2. Правовой статус мужчин Золотой Орды в аспекте ее политического устройства

Исследуя правовое положение мужчин в Золотой Орде, нельзя обойти вниманием проблематику ее политического строя, через осмысление которого можно вычленишь особенности правового положения мужской гендерной группы в рамках правопорядка указанного государства. Стоит отметить, что научный анализ существенно облегчает то, что политическое устройство золотоордынского государства выступает достаточно изученным явлением в отечественной историографии.

Ведя речь о монгольской феодальной империи, родоначальником которой был Чингисхан, нельзя не подчеркнуть, что фактически она представляла собой даже не федерацию, а конфедерацию независимых государств (улусов), возглавляли которые потомки великого завоевателя. В рамках нашего исследования важно указать, что во главе каждого улуса стояли царевичи – мужские отпрыски Чингисхана. Женщины не могли возглавлять улус, однако это не значило, что знатные кочевые аристократки исключались из политической жизни. Нередко даже женщины принимали участие в съездах монгольской знати – курултаях¹⁹⁹.

Анализируя исторические источники, можно сказать, что на курултаях главную роль играла именно военно-феодальная кочевая знать. С другой стороны, женщины могли выполнять роль советников у своих

---

¹⁹⁹ Владимирцов Б. Я. Указанное сочинение. С. 99.

сыновей, традиционно пользуясь большим уважением в среде своего потомства.

Как было сказано выше, признаки энтропии государственного единства империи Чингисхана проявили себя уже при жизни завоевателя. Так, независимая политика правителя улуса Джучи чуть не спровоцировала объявление войны со стороны великого хана²⁰⁰. По сути, к середине XIII столетия единая монгольская империя существовала лишь номинально, так как ее части, такие как Золотая Орда, Хулагидское и Чагатайское государства были полностью независимы в своей внешней и внутренней политике.

Золотая Орда здесь представляется типичной феодальной монархией, в которой власть хана зиждилась на обширной феодальной структуре, элементом которой выступали кочевые, полукочевые и оседлые феодалы, владевшие бескрайними золотоордынскими землями, простиравшимися от Булгара до Хорезма. Необходимо подчеркнуть, что политическая власть, а следовательно, и все значимые военные и гражданские должности в Золотой Орде принадлежали мужчинам – членам царской династии. Как говорилось выше, члены правящей династии играли главную роль на курултаях, где решались важнейшие вопросы от выбора нового великого хана до решения о военном походе²⁰¹.

Сам феномен курултая крайне интересен с точки зрения гендерной спецификации, которая выступает структурой системных связей во взаимоотношения мужчин и женщин. Три важнейших аспекта феодальных собраний кочевой аристократии отсылают нас прежде всего к семейственности, традиционности и, что важно, мужскому праву, из которого проистекают все феодальные правоотношения. В этой связи участие женщин в курултаях выступало лишь как исключение, которое только подтверждало правило о том, что именно мужчина – защитник и воин был вправе разрешать важнейшие вопросы венценосной семьи, выступающей правящей верхушкой всей зыбкой империи Чингисхана. Стоит подчеркнуть, что в рамках монгольской социокультурной среды положение женщины нельзя назвать дискриминированным. По сути, женщина в рамках кочевой культуры занимала свое, предопределенное физиологией место, выполняя такие важнейшие функции, как репродукция, воспитание детей, обустройство быта и пр. Курултай выступали духовно-нравственными скрепами многочисленных потомков великого завоевателя, демонстрируя кочевым аристократам их общее кровное происхождение, удерживая их тем самым от междоусобных войн

---

²⁰⁰ Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана / В. В. Бартольд; Акад. наук СССР, Комис. по изучению естеств. производит. сил СССР. Ленинград: Акад. наук СССР, 1927. С. 87.

²⁰¹ Иоанн де Плано Карпини. Указанное сочинение. С. 24.

и кровавых интриг²⁰². Так, Армянский историк XIII в. Магакий отмечал, что Мункэ-хан, прежде чем отправить Хулагу на завоевание Ирана, решил созвать курултай. «Аргучи, прибывши на место, согласно повелению Мангу-хана, созвали курултай, куда пригласили всех предводителей, прибывших вместе с Гулаву»²⁰³.

Значимость курултаев как семейно-родового института подчеркивалась в различных источниках. В частности, армянский историк Вардан описывал курултай следующим образом. «Эти праздничные дни, – пишет Вардан. – назывались у них Хурультай, т. е. праздники совещаний, и продолжались целый месяц. В течение этого времени прочие ханы, родственники Чингисхана, в новых одеждах являлись к властителю своему совещаться о всем нужном. Каждый день они надевали платья другого цвета. К этому дню являлись туда покорные им цари и султаны с большими дарами и приношениями»²⁰⁴.

Семейственность курултаев, их кровнородственное качество, делавшее отсылку к династии потомков Чингисхана, не могло не отразиться и на некоторых экстраординарных для средневековья моментах. Так, хатуни – женские отпрыски правящей династии периодически принимали участие на курултаях при выборе хана²⁰⁵.

В рамках давней монгольской традиции в Золотой Орде формировалась гвардия, в которой служила молодые представители знатных феодальных фамилий, «кэшик». Можно предположить, что в период развития феодальных отношений набор в гвардию хана молодых мужчин обеспечивал не столько быстрый доступ к военной силе и охрану хана, сколько гарантировал лояльность тех феодалов, сыновья которых служили в ханской гвардии. По сути, гвардейцы выступали своеобразными заложниками и гарантией от мятежей и смут.

Фактическими хозяевами Золотой Орды выступали крупные феодалы, обладавшие собственными армиями и способные противопоставить свою политическую волю ханской власти. Подобная структура феодальных отношений в Орде указывала на ее военно-феодальный характер, а постоянные войны, которые вело это государство против своих соседей и собственных феодалов, только подчеркивали ее крайний милитаризм.

---

²⁰² Магакия А. История монголов / [Соч.] Инока Магакии, XIII века; Пер. и объяснения К. П. Патканова. Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. наук, 1871. С. 31.

²⁰³ Патканов К. П. История монголов по армянским источникам. Вып.1. СПб., 1873. С. 16.

²⁰⁴ Магакия А. Указанное сочинение. С. 40.

²⁰⁵ Почекаев Р. Ю. Эволюция курултая в позднесредневековых тюрко-монгольских государствах // Средневековые тюрко-татарские государства. 2012. № 4. С. 113–117.

В золотоордынском государстве общественные отношения, связанные с войной, набегами, грабежами и сбором дани, выступали важной частью социальных процессов. Для феодальной верхушки война в целом была наиболее легким способом накопления огромных богатств. В исследуемый период военная добыча была огромна. При этом захват рабов с целью их последующей продажи в страны востока был важной составляющей военных трофеев. Стоит отметить, что войны и набеги обогащали не только аристократическую верхушку, но и простых солдат, так как перераспределение добычи в золотоордынском войске имело строгий порядок.

В рамках военной организации Золотой Орды небезынтересна должность войскового букаула, реализовывающего контрольно-ревизионные, интендантские, военно-полицейские и иные направления. Функционал указанного чиновника состоял из множества обязанностей, таких как ротация войск, перераспределение войскового содержания, распределение военных трофеев и пр. Букаул выполнял нередко и правозащитные функции, не допуская вражды и личных обид в войске. Примечательно, что даже эмиры областей должны были подчиняться указаниям букаулов. Букаулы числились при каждой тьме и получали внушительное денежное содержание за исполнение своих обязанностей²⁰⁶.

После военных чинов в Золотой Орде шли должности гражданского управления, основной функцией которых выступал сбор повинностей с населения. Стоит отметить, что в рамках административного аппарата золотоордынского государства наблюдалось ведомственное и функциональное смешение. Так, один и тот же чиновник мог и заниматься государственным управлением, и собирать с населения налоги. Нередко должность наместника провинций переходила в руки его жены и детей, если ему случилось потерять трудоспособность²⁰⁷.

Политическое устройство Золотой Орды примечательно тем, что нередко наблюдался синтез монгольских традиций и местной административной практики. Так, в золотоордынской номенклатуре должностей упоминается везир, как глава гражданской отрасли управления. В обязанности везира входили такие функции, как ведомственный и финансовый контроль, а также сфера надзора за ханским хозяйством. Везир выполнял и обязанности ханского секретаря²⁰⁸. У везира был помощник, который носил наименование «наиб». В отличие от

---

²⁰⁶ Усманов М. А. Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв. / М. А. Усманов. Казань: Изд-во Казанского университета, 1979. С. 214.

²⁰⁷ Греков Б. Д. Указанное сочинение. С. 128.

²⁰⁸ Насонов А. Н. Монголы и Русь (история татарской политики на Руси) / А. Н. Насонов. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1940. С. 52.

наместников, во время нетрудоспособности везира и наиба их функции не транслировались в пользу их жен и детей.

В Золотой Орде известны еще две высших должности в номенклатуре административного аппарата: «даруга» и «баскак». При этом некоторые ученые полагают, что оба термина означают одну и ту же должность. В обязанности даруг и баскаков входило удержание в повиновении покоренного населения, а также перепись подданных для упорядочения сбора дани и ее последующая транспортировка в ставку хана²⁰⁹.

Важную роль в системе государственного управления Золотой Орды играли канцелярии и так называемые «диваны» – органы центрального отраслевого управления. В диванах служили секретари, которые носили наименование «битикчи» (писцы). Указанную должность занимали исключительно мужчины, и она считалась в Орде крайне почетной²¹⁰.

Стоит отметить, что в Золотой Орде существовал институт налоговых откупщиков. Так, нередко сбором налогов с провинций занимались частные купеческие компании, которые преимущественно состояли из мусульман и прежде всего хорезмийцев. При этом именно из среды мусульманских купцов часто назначались даруги и баскаки. Есть данные, что откупщики притесняли население, занимались вымогательствами и иными злоупотреблениями, доводя подданных до полного разорения²¹¹.

В рамках анализа системы правосудия в Золотой Орде необходимо сказать, что до исламизации нормативной базой выступала яса, когда участниками судебного процесса являлись монголы. Яса сохраняла свое регулятивное значение и в период исламизации государства, однако многие судебные дела отошли в плоскость шариата. Судей, разрешавших споры о праве на основе ясы, называли «яргучи». Судьи, рассматривавшие дела на основе шариата, носили наименование «кади». Необходимо подчеркнуть, что даже после полной победы ислама в Золотой Орде влияние яргучи не исчезло полностью и некоторые дела они продолжали рассматривать на основе неписаного монгольского права. На вершине судебной системы находился диван-яргу, который возглавлял знатный монгол.

Золотоордынская судебная система, кроме того, что базировалась на нормативном дуализме, была существенна обременена массой денежных сборов в пользу судьи и его помощников, имели место волокита и

---

²⁰⁹ Тизенгаузен В. Г. Указанное сочинение. С. 109.

²¹⁰ Веселовский Н. И. Хан из темников Золотой Орды. Ногай и его время / Н. И. Веселовский. Петроград: Российская Государственная Академическая типография, 1922. С. 50.

²¹¹ Тизенгаузен В. Г. Указанное сочинение. С. 195.

взяточничество. Кроме того, судебные органы Золотой Орды обслуживали интересы крупных земельных собственников, нередко сами судьи относились к классу феодалов. Судебная система тесно переплеталась с органами управления и была лишена какой-либо независимости.

Ведя речь о правовом положении полукочевых феодалов, которые имели наряду с огромными стадами скота еще и большие земельные участки, необходимо упомянуть так называемые «суюргалы» (феодалные владения). Владелец суюргала имел право собирать в свою пользу различные подати и повинности с населения, ничего не отдавая в казну. Указанная форма феодального землевладения имела статус наследственного держания²¹².

В целом же в Золотой Орде практиковалась раздача земли вместе с проживающим на них населением во владение представителям монгольской аристократии. Дарственные ярлыки нередко сопровождалось тарханскими грамотами, которые освобождали указанное население от государственных повинностей, что давало возможность частному владельцу подаренной земли увеличивать в свою пользу налоговую и оброчную массу²¹³.

В заключение параграфа необходимо отметить, что политическое устройство Золотой Орды в рамках анализа правового положения мужчин характеризовалось доминированием «мужского права» практически во всех сферах государственного управления, при этом на вершине политической иерархии находились крупные феодалы, в основном потомки Чингисхана. В рамках гендерной спецификации можно отметить, что женщины принимали участие в курултаях – съездах феодальной монгольской знати. Участие так называемых хатуней – знатных монгольских женщин обуславливалось кровнородственными характеристиками самих курултаев, на которых потомки Чингисхана решали важнейшие вопросы, в том числе и выбирали нового хана. В остальных же направлениях золотоордынского политического строя участие мужчин было подавляющим. Однако в рамках присутствия женщин в сфере государственного управления можно отметить возможность на время нетрудоспособности замещения заболевшего наместника его собственной женой.

---

²¹² Там же. С. 436.

²¹³ Там же. С. 120, 162.

Глава 4. ВЛИЯНИЕ ПРАВА ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА НА ЮРИДИЧЕСКИЙ СТАТУС МУЖСКОЙ ГЕНДЕРНОЙ ГРУППЫ

§ 1. Правовой статус мужчин: воинская повинность в Новгородской феодальной республике XIII–XV вв.

Углубляясь в анализ правового положения мужчин, нельзя обойти вниманием проблематику воинской обязанности, которая четко коррелировалась с политической правоспособностью мужской гендерной группы. Безусловно, жестко разграничить право защищать свое отечество от аналогичной обязанности в тот период было достаточно затруднительно, так как совпадение субъективного права и юридической обязанности достаточно частое явление, даже в рамках современных правовых систем, особенно если таковые обладают традиционалистскими характеристиками.

В русле данного исследования нас интересует прежде всего новгородское ополчение – часть войска, для которого война не являлась профессиональным делом. Сама юридическая природа обязанности нести военную службу отсылает взгляд исследователя на сущность правового положения мужчины в тот или иной период, так как все-таки именно защита Родины выступает истинно мужской профессией, которая в большинстве правопорядков закреплена в качестве важнейшей юридической обязанности мужчин, их гражданского долга и права в рамках социокультурных связей и морально-нравственных отношений.

Итак, новгородское ополчение как часть войска этой феодальной республики упоминается в Новгородской первой летописи. Примечательно, что, начиная с XII столетия, ополчение Новгорода активно вовлечено в военные походы, позиционируясь в исторических источниках как боевая сила на порядок чаще, чем дружины новгородских князей. В частности, ополчение принимало участие в боевых походах с XII по XIV века как минимум один раз в три года. Хотя подобную активность новгородского ополчения, регулярность боевых выходов ополченцев историки фиксировали уж с XI века. Большая часть фактов участия ополчения Новгорода в боевых действиях в XI столетии просто не отражена в Новгородской первой летописи, хотя о подобных случаях говорят такие источники, как Новгородская Карамзинская, Новгородская четвертая летописи и пр. В среде новгородских обывателей-мужчин уже с XI в. формируется хорошо подготовленная к войне социальная страта, члены которой имеют боевой опыт, хорошо экипированы и, что важно,

рассматривают возможность службы в ополчении как свою обязанность по защите своей страны.

Примечательно, что служба в ополчении была непосредственно связана с получением политических прав, так как непосредственно «новгородцами» в указанный период называли только тех жителей Новгорода, которые обладали публичной правосубъектностью. Так, следуя контексту летописей Новгорода можно увидеть, что термин «новгородец» и новгородский житель – понятия не одного порядка. В частности, в 1134 г. был зафиксирован следующий случай, цитируем: «ходи Всеволод с новгородьци, хотя брата своего посадити Суждали, и воротишася на Дубне опять; и на том же пути отяша посадницьство у Петрила и даша Иванку Павловицю»²¹⁴. По сути, можно было наблюдать такую картину, когда в период военного похода вечевое собрание брало на себя полномочия по смещению и назначению посадников. Вполне логично было бы предполагать, что в случае неучастия в вечевом собрании большинства политически полноправных жителей, сам процесс собрания веча вне города был бы невыносим, а результат его вряд получил должную легитимность. На практике выборы посадника во время боевого похода описываются как вполне рядовое и законное явление, указывая на то, что обязанность военной службы четко коррелировалась с политической правоспособностью.

Подобный случай не единичен, и можно постоянно наблюдать подобную тенденцию. В частности, в 1214 г. «Мьстислав же созвони вече на Ярославле дворе и поча звати новгородци к Киеву на Всеволода на Чермьнаго. Ркоша ему новгородци: «камо, княже, очима зриши, тамо и мы главами своими вержем». Таким образом, Мстислав Удалой созвал в поход весь состав вечевого собрания: «И поиде князь Мьстислав с новгородци к Киеву месяца июня, на святого Феодора; и доидоша Смольньска, и бысть распря новгородьцем с смолняны, и убиша новгородци смолнянина, а по князи не поидоша. Князь же Мьстислав в вече поча звати, они же не поидоша; князь же человав всех, поклонивься, поиде; новгородьци же, створивьше вече о собе, почаша гадати. И рече Твьрдислав посадник: «яко, братие, страдали деди наши и отчи за Русьскую землю, тако, братье, и мы поидим по своем князи»; и тако поидошаи-Смольньска, и постигьше князя»²¹⁵. Как видим, подобный эпизод позволяет нам всецело отождествить вечевое собрание Новгородской феодальной республики с ее ополчением. То есть вечевое собрание принимает определенное решение по вопросам войны и мира, а его члены это решение реализуют посредством своего личного участия.

---

²¹⁴ Цит. по: Быков А. В. Структура и численность новгородского войска XII-XV веках / А. В. Быков // *Novogardia*.2020. № 1(5). С. 47.

²¹⁵ Там же. С. 48.

Сам факт тождественности веча и ополчения очевиден и не подлежит никакому сомнению, демонстрируя и то, что реализация воинской повинности, которая представляется не просто обязанностью, а правом и долгом, дарует субъекту (мужчине) и право участвовать в народном собрании, тем самым институционально закладывая его политическую правоспособность. Мало того, вече выступает также в образе органа, управляющего новгородским ополчением через принцип военной демократии – *chiefdom*, который характерен для периода деградации материнского права и начала формирования таких привычных нам патриархальных связей. Еще пример, в 1211 г. «посла князь Мьстислав Дмитра посадника на Луки с новгородци город ставити, а сам иде на Торжок блюсти волости», в Новгороде произошел пожар. «Того же лета без князя и без новгородцов в Новгороде бысть пожар велик; загореся на Рядятине улици и сгоре дворов 4000 и 300, а церквии 15»²¹⁶. Указанный отрывок также демонстрирует, что новгородец – это категория, обозначающая именно полноправных жителей Новгорода, к которым относились не все подданные республики, а только те, кто участвовал в походах и служил в ополчении. Кроме того, здесь также можно заметить, что в XIII столетии Новгород включал в себя более четырех тысяч дворов, что демонстрирует высокую численность республиканского ополчения, даже если с двора уходил в поход лишь один человек.

Отметим, что «Устав Всеволода о судах, и о людях, и о мерилах торговых» содержит норму специфического характера, которая регламентировала процедуру раздела наследственной массы между отпрысками от разных жен. Так, в случае раздела не слишком дорогостоящего имущества дети от третьей и четвертой жен обязаны были получить «из мала живота како робичичю часть: конь да доспех и покрут, по рассмотрению живота»²¹⁷. По сути, любой новгородский юноша при возможности должен был унаследовать коня и доспехи, которые выступали для полноправного жителя Новгорода необходимым атрибутом, позволявшим ему принимать участие в ополчении и вечевом собрании²¹⁸.

Вышеуказанные выкладки не в полной мере отвечают на вопрос о том, кто же в Новгородской феодальной республике именовался «новгородцем»? Ответ на этот вопрос можно найти в летописях, где фигурируют эти пресловутые «новгородцы». Так, в 1166 г. «на зиму, прииде Ростислав ис Киева на Луки, и позва новгородци на поряд: огнищаны, и гридьбу, и купце вятьшии»²¹⁹. Анализируя правовое положение огнищанина по Русской Правде, можно увидеть прежде всего

---

²¹⁶ Там же. С. 48.

²¹⁷ Там же. С. 48.

²¹⁸ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. Москва: Изд-во Акад. Наук СССР, 1950. С. 249-250.

²¹⁹ Там же. С. 219.

княжеского слугу, который отвечал за обеспечение сохранности имущества князя. Кроме того, огнищанин нередко выступал и сборщиком податей с княжеских данников. Огнищанами являлись и тиуны, а также иные чиновники княжеского хозяйства, которые отвечали за управлением княжеским имуществом и сбором податей. Примечательно, что огнищанином в XI–XII столетиях мог выступать и посадник, так как в указанный период посадник назначался князем. Лишь в более поздний период посадник ставился через решение вечевого собрания. В Новгородской феодальной республике в функциональном аспекте роль огнищан князя играли бояре. В качестве «гридьбы» подразумевались мужчины, задействованные в сфере военной службы на профессиональной основе, и именно им с X столетия выплачивалась заработная плата за указанную деятельность. В то же время «купцы вятьшии» выступали в образе наиболее обеспеченных предпринимателей Новгорода. Все указанные лица входили в так называемый слой «новгородцев», что не означает, что только эти группы его составляли. В этой связи можно вспомнить летописный отрывок, в котором князь созывает «новгородцев» на так называемый «поряд», по сути, предлагая заключить соглашение в рамках публичной отчетности либо споров о праве. То есть князь обращается к наиболее влиятельной верхушке Новгорода, которая могла заключить договор от имени всех его жителей.

Стоит отметить, что наиболее полную социальную номенклатуру ополчения Новгорода можно увидеть через призму списков погибших на войне «новгородцев», которые отражают летописные источники. Так, в 1200 г. «Литва взяша Ловоть и до Налюча, с Белеи и до Свинорта и до Ворча середу; и нагнашася новгородци по них и до Чернян, и бишася с ними и убиша у них муж в клине 80, а новгородец 15: Рагуилу Прокшиница с братом Олексою, Юрья Сбыщиница, Ратмира Нежатиница, Страшка серебряника весца, Вnezда Ягиница, Луку Мирошкинотрок, Микиту Лазоревица, Жирошку Огасовица, Осипа подвоискаго, Романа Потка, инех 4 муж; а полон весь отяша, а избыток убежа». В качестве новгородцев значатся Осип подвойский – то есть судебный исполнитель, Страшок – специалист по взвешиванию серебра и «Мирошкин отрок», то есть военный слуга некоего Мирошки. По всей видимости, все перечисленные должности давали хороший доход. «Новгородцы», участвовавшие в 1200 г. в битве с литовцами, представляли собой своеобразный «отряд быстрого реагирования», так как смогли догнать литовцев, которые пытались скрыться с награбленным имуществом с разоренных земель Новгорода. Указанные «новгородцы» обладали хорошим вооружением, имели снаряжение, доспехи и лошадей и, главное, были способны выступить в боевой поход в течение одного дня.

Итак, самой боеспособной и мобильной частью «новгородцев» были бояре, их помощники (отроки), а также чины местной администрации (судебные приставы, «весцы» и пр.).

Более обширная номенклатура социального слоя «новгородцев» представлена в летописи о Липицкой битве.

Война 1216 года поставила под вопрос существование Новгорода как независимого государства. В указанный поход выступило все новгородское ополчение. При описании Липицкой битвы, которая была победоносной для Новгорода, автор перечисляет погибших «новгородцев»: «на том победиши Гюргевых и Ярославих вои паде бецисла, а новгородыц убиша на съступе Дмитра Пльсковитина, Онтон котелника, Иванька Прибышница опоньника; а в загоне: Иванка поповиця, Сьмьона Петриловиця, терьскаго даньника»²²⁰. Стоит отметить, что рядовые ремесленники названы «новгородцами» вместе с профессиональным воином – «терским данником» (сборщиком дани с Терской волости). Анализируя итоги битвы новгородцев с литовцами на Дубровне в 1234 г., летописец сообщает следующее: «А новгородцов ту убита 10 муж: Феда Якуновица тысячкого, Гаврила щитника, Негутина с Лубяници, Нежилу серебряника, Гостилца с Кузмодемьяне улице, Федора Ума княж дечькой, другое городищанин, и иных 3 мужи»²²¹.

Таким образом, номенклатуру «новгородцев» составляли высшие чины республики бояре, данщики, подвойские, городищане и другие должностные лица и выборные чиновники города. Кроме того, «новгородцами» являлись также и простые ремесленники – опонники, котельники, щитники, серебряники.

Примечательно, что в состав «новгородцев» включается и княжеский детской. Вместе с тем летописец фиксирует и участие князя в боевом походе, что наводит нас на мысль о том, что Федор был уроженцем и полноправным гражданином Новгорода, участвовал в новгородских вечевых собраниях и ходил в походы в составе новгородского ополчения. Упоминание княжеского детского в ряду других «новгородцев» не противоречит другим письменным источникам. Так, в договоре Новгорода с тверским великим князем Михаилом Ярославичем (1304–1305 гг.) записано: «А волостии ти, княже, новгородьских своими мужи не държати, държати ти мужи новгородьскими; а дар тебе от тех волостии емати». Такая формулировка сохранилась даже в проекте договора 1471 г. с польским королем Казимиром и в Коростынском договоре Новгорода с Иваном III. В проекте договора Новгорода с Казимиром есть также следующая оговорка: «А тиуну твоему судити в одрине с новгородцкими

---

²²⁰ Цитата по: Быков А. В. Указанное сочинение. С. 48.

²²¹ Там же. С. 49.

приставы». Судя по берестяным грамотам и новгородской судной грамоте, княжеские детские – это один из видов судебных приставов.

Таким образом, Федор Ума мог быть тем самым «мужем новгородским», которого князь назначил «держать волость», то есть служить судебным приставом, княжеским детским, собирать судебную пошлину в пользу князя, находясь одновременно в засаде-гарнизоне в главной крепости этой волости (детинце). С другой стороны, это летописное упоминание и тексты договоров не являются достаточным основанием для того, чтобы утверждать, что все княжеские детские были «новгородцами».

Вероятно, в волостях, отданных в кормление служилым князьям, эту должность занимали иноземцы – дворяне соответствующего служилого князя, а в остальных новгородских волостях княжескими детскими служили новгородцы. Возможно, княжескими назывались только детские княжеских половин тех двух волостей, которые находились в совместном управлении Новгорода и новгородского князя (Волок и Торжок).

Известие 1342 г. дает нам основание утверждать, что участвовали в ополчении и считались «новгородцами» все лица, занимающие выборные должности в Новгороде: «прислаша плесковици послы к Новугороду с поклоном: «идет на нас рать немечкая до полна ко Плескову; кланяемся вам, господе своеи, обороните нас». Новгородци же, не умедляще ни мала, поехаша вборзе в великую пятницу, а и инии в великую субботу, а обычины вси попечатав»²²².

Стоит отметить, что новгородцы уходили в боевой поход за день до пасхальных празднеств и были вынуждены инициировать процедуру опечатывания всех собранных для пира продуктов и денежных сумм. Все это наводит на мысль о том, что в боевой поход отправлялись все участники пира, то есть все свободные новгородцы мужского пола, способные носить оружие. Мало того, в эту номенклатуру входили и выборные чины, в том числе священники, так как процедура опечатывания заготовок для пира говорит о том, что клерикальный чин не давал освобождения от воинской повинности.

В итоге можно сказать, что воинская повинность в Новгородской республике распространялась на все свободное мужское население, способное носить оружие. Исключением здесь выступали лица монашеского сословия, глубокие старики и дети. Степень достатка никак не влияла на указанное долженствование, которое фиксировало наличие политической правоспособности субъекта.

В то же время не всегда была необходима всеобщая воинская повинность в плоскости фактической тотальной мобилизации. В таком случае реализовывался принцип пропорциональности, когда каждая улица

---

²²² Там же. С. 50.

выставляла определенное число ополченцев. Так называемое уличанское ополчение было достаточно эффективным инструментарием для отражения нападения врага. Можно предположить, что принцип пропорциональности, который стал прообразом рекрутских наборов, реализовывался и в формировании ополчения в сельской местности. Так, каждый селянин Новгородской земли нес, кроме налогового бремени, еще и бремя военной службы в ополчении, участвуя в жеребьевке в рамках своего погоста.

Анализируя правовой статус мужчин в Новгородской республике, нельзя обойти вниманием и тот факт, что воинскую повинность несли в рамках реализации различного количества ополченцев, и число «призывников» могло варьироваться от 10 до 20 процентов от числа свободных мужчин, способных носить оружие. Подобный механизм воинской повинности применялся в средневековых Испании, Швеции и Германии. В русских землях основой принципа воинского «тягла» и налогового бремени выступала так называемая «соха». В частности, в грамоте Новгорода о предоставлении на год черного бора с новоторжских волостей Великому князю Василию Васильевичу подробно перечисляются средства производства, приравненные к сохе: «а в соху два коня, а третье припряж; да чан кожевничской за соху; невод за соху; лавка за соху; плуг за две сохи; кузнец за соху; четыре пешци за соху; лодья за две сохи; црен за две сохи. А хто сидит на исполовьи, на том взяти за полсохи...»²²³.

По всей видимости, при раскладке воинского бремени использовали несколько механизмов, реализуя их параллельно. То есть в аспекте воинской повинности применялся как принцип пропорционального набора, так и представительный инструмент, когда имел место набор ополченцев с определенной территории. Возможно, за каждой самоуправляемой единицей было записано определенное количество «сох». Пропорционально этому количеству сох происходил как сбор налогов, так и призыв ополченцев на военную службу или связанную с военным делом повинность – строительство крепостных стен, дорог, мостов, службу в обозе.

Пожалуй, поход, завершившийся Липицкой битвой, был последним дальним походом, в котором участвовало все новгородское ополчение. В описании связанных с Липицкой битвой событий летописцы уже четко разделяют «новгородцев» на «старших» и «молодших», однако все «новгородцы», участвовавшие в походе на Суздальскую землю, были конными. Готовясь к атаке на противников, новгородцы «съседавьше с конь и порты съметавьше, босии, сапогы съметавьше, поскочиша; а Мьстислав поеха за ними на коних; и съступися пълк новгородьскыи с Ярославим пълком».

---

²²³ Там же. С. 51.

Выделение «старших», «вятших» из общей массы новгородцев отмечалось летописцами и до XIII века. С 1154 г. летопись неоднократно упоминает «переднюю дружину» или «передних мужей». Так, в 1154 г. «послаша владыку Нифонта с передними мужи к Юрьеву по сын, и введоша Мьстислава, сына Юрьева, генваря в 30»²²⁴.

В 1191 г. «ходи князь Ярослав на Луки, позван полотьюскою князьею и полоцяны, и поя с собою новгородьц переднюю дружину»⁸⁹. В 1193 г. новгородский владыка отправляется на поставление «с передними мужи»⁹⁰. В 1197 г. «Идоша из Новагорода переднии мужи сътские и пояша Ярослава с всею правдою и чьстью»²²⁵. «Передними мужами» летопись могла назвать как передовой отряд, идущий в авангарде войска, с целью разведки, так и всех тех, кто шел непосредственно в бой в первых рядах. И в том, и в другом случае это наиболее опытные, хорошо вооруженные воины на лучших конях, то есть самые знатные и состоятельные. В тех сражениях, которые были наиболее тяжелыми и кровопролитными для новгородского войска (битва на Ждане горе 1134 г., Раковорская битва 1268 г., битва под Торжком в 1315 г.), в списке погибших непременно стоят посадники, тысяцкие, бояре. Это свидетельствует о том, что они активно сражались в первых рядах ополчения и именно поэтому погибли, несмотря на лучшее вооружение, больший профессионализм и, несомненно, помощь окружавшей их во время боя личной военной свиты.

В заключение параграфа необходимо отметить, что правовое положение мужчин в средневековом Новгороде четко коррелировалось с обязанностью нести службу в ополчении. По сути, воинская повинность распространялась на всех свободных мужчин Новгородской земли, способных носить оружие. Служба в ополчении, если следовать логике летописных источников, давала право мужчине быть участником вечевого собрания, то есть наделяла мужчину политической правосубъектностью, которая наделяла его субъектностью и в сугубо бытовой сфере. Статус свободного, полноправного мужчины средневекового Новгорода влек обязанность нести воинскую повинность, не делая исключений ни для богатых, ни для бедных. Даже церковный чин не выступал преградой для участия в боевых походах. От службы в ополчении освобождались лишь холопы, женщины, старики, дети и монахи. Сама сущность воинской обязанности, существовавшей в феодальном Новгороде, демонстрирует дискриминационную сущность средневековой правовой регуляции, так как тот субъект, который не защищает свое Отечество не вправе участвовать в решении политических вопросов. В этой связи неполноправие женщин было связано именно с их неспособностью участвовать в боевых походах.

---

²²⁴ Там же. С. 51.

²²⁵ Там же. С. 51.

§ 2. Правовой статус мужчин в Новгородской феодальной республике XII–XV вв.

Исследование правового положения мужчин в период от Древней Руси до Руси средневековой является важнейшей составляющей ретроспективного анализа правового статуса личности. В рамках отечественной историко-правовой науки принято полагать, что мужчина в феодальной Руси занимал главенствующее положение, на фоне внедрения в отечественную социокультурную среду христианских нравственно-этических принципов. Углубляясь в анализ озвученной проблематики, по нашему мнению, крайне интересно проследить генезис правового положения личности в плоскости распределения гендерных ролей в рамках правопорядка Новгородской феодальной республики. Указанное государство обладало наибольшим своеобразием среди остальных уделов феодальной Руси, так как там, параллельно с широко развитым торгово-ремесленным кластером и тесными торговыми сношениями со странами Запада, имел место специфический генезис развития гендерных групп в брачно-семейном, хозяйственно-бытовом и торгово-ремесленном направлениях социальной жизни. Основная цель параграфа состоит в выявлении тех особенностей правового положения мужчин в пределах Новгородской феодальной республики в XII–XV столетиях, которые выделяли сильнейшее государство в финансово-экономическом и политическом плане среди остальных частей Руси периода феодальной раздробленности.

В рассматриваемый период в Новгороде гендерная спецификация обладала свойствами неравномерности распределения, и большая часть жизни мужчины происходила вне семьи, так как он был погружен в различные сферы социальной жизни, играл ведущую роль в политике, экономике и пр. В свою очередь, женщина в основном посвящала себя семейной сфере.

Христианизация в целом положительным образом сказалась на правовом положении женщины, несколько ограничив доминирующий до этого патриархальный принцип мужского права. Так, устанавливается церковная форма заключения брака, которая выступает антиподом языческих традиций и верований. В указанный период брачно-семейные связи опосредовались нормами Русской Правды и Новгородской судной грамоты. При этом немаловажную роль в регламентировании вопросов семьи и брака играло каноническое право со значительной примесью византийского правового регулирования.

Клерикальные структуры, которые выступали главным гарантом имплементации этико-нравственных категорий христианской религии в

качестве первоочередной задачи видели борьбу с пережитками языческих верований, которые пустили глубокие корни в брачно-семейной сфере. В частности, новые нормы права запрещали форму брака посредством похищения невесты. Кроме того, новая правовая регуляция постепенно утвердила принцип свободы вступления в брак. Тем не менее здесь нельзя говорить о реализации демократических принципов, так как размер штрафных санкций всецело зависел от сословной принадлежности участников правоотношений. К примеру, боярские жены имели право получать возмещение золотом, что демонстрировало как их привилегированный статус, так и особое положение их мужей-бояр.

Двоеженство как самый яркий пережиток языческого периода жестко преследовался церковью и наказывался штрафом в пользу митрополита. Вторая и последующая жена попадали под попечение церкви, а брак с ними считался недействительным. Параллельно церковь особое внимание уделяла регулированию брачно-семейных вопросов, способствуя реализации патриархальных принципов. В частности, церковное венчание легитимировало духовное подчинение женщины своему супругу. Кроме того, поведение женщины, вышедшей замуж, было строго регламентировано. Так, каноническое право запрещало ей без разрешения мужа контактировать с другими мужчинами. Брачно-семейный статус мужчины характеризовался тем, что его физическая неприкосновенность в рамках семьи гарантировалась церковью. Тем не менее норма, которая регламентировала штраф в пользу митрополита за то, что супруга причиняет побои своему мужу, обладала амбивалентными характеристиками, так как в конечном счете сумму в три гривны платил именно глава семьи. В то же время чужая женщина была ограждена от побоев, если их причинял чужой мужчина. В этом случае потерпевшая могла рассчитывать на штраф уже в свою пользу.

Касательно свободы развода можно сказать то, что церковь не признавала развод в рамках законного брака. При этом повторный брак, в ситуациях двоеженства, мужчине разрешался, а женщине нет.

Социокультурная среда Новгородской феодальной республики наиболее красочно отражена в берестяных грамотах, которые выступают основным источником исследования сущности правопорядка в этом государстве. В частности, в грамоте № 752, которая имела место на рубеже XI–XII столетий, некая женщина писала мужчине любовное письмо: «Я посылала к тебе трижды. Что за зло ты против меня имеешь, что в эту неделю ты ко мне не приходил...»²²⁶. В грамоте № 377, датированной около второй половины XIII столетия, говорится: «От Никиты к Ульянице.

---

²²⁶ Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.) / В.Л. Янин, А.А. Зализняк. В 12 т., Т. 10. Москва: «Русские словари», 2000. С. 48.

Пойди за меня. Я тебя хочу, а ты меня. А на то свидетель Игнат...»²²⁷. По сути, подобные тексты можно трактовать как факт наличия в средневековом Новгороде принципа свободы брачного согласия и купированном отцовском праве в брачно-семейных отношениях. Учитывая период и специфику этико-нравственных предписаний, роль родителей в процессе выбора супруга своему ребенку была немаловажной. Примечательно, что глава семью не только был вправе выдать свою дочь замуж, но был обязан это сделать, даже с применением насилия, если иные средства были исчерпаны²²⁸.

Грамота № 731, которую ученые датируют XII–XIII столетием, демонстрирует наличие феномена сватовства, брачного посредничества. Родители жениха сообщали о своем согласии на предлагаемую свахой невесту: «К празднику ее хочет. Пожалуйста будь здесь»²²⁹. Думается, что родители невесты наняли сваху для скорейшего решения ее судьбы и выдачи замуж, так же, как и родители жениха.

Немаловажно, что мужчины в Новгороде указанного периода нередко делегировали свои полномочия своим женам в сфере распоряжения бюджетом семьи. О подобной тенденции красноречиво говорят берестяные грамоты, изучая которые можно увидеть, что не всегда в хозяйственной деятельности основным актором выступал мужчина. В частности, в грамоте № 8 конца XII столетия «Семнунова жена» давала указания о выкупе коровы²³⁰. Некая Марена в грамоте № 794 второй половины XII в. вела переговоры с князем о наделении купцов: «Если станет князь наделять купцов и пришлет к тебе, то ты ему скажи: «Ты князь, знаешь, сколько мужей мор этой зимой унес...»²³¹. В грамоте № 442 первой половины XIII столетия некий юноша сообщал своей матери о ценах на рожь²³². По сути, тексты берестяных грамот средневекового Новгорода демонстрируют не типичную картину для феодализма в сфере гендерных отношений. Мужчина-новгородец предстает нам не как доминантный субъект в различных областях социокультурной среды, а как актер, нередко делегирующий свои полномочия женщине, советующийся с

---

²²⁷ Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958–1961 гг.) / А. В. Арциховский. в 12 т. Т. 6. Москва: Изд-во АН СССР, 1963. С. 77.

²²⁸ Российское законодательство X–XX вв. / под ред. О. И. Чистякова. в 9 т. Т. 1. Москва: Юрид. лит., 1984. 432 с.

²²⁹ Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.) / В. Л. Янин, А. А. Зализняк. в 12 т., Т. 10. Москва: «Русские словари», 2000. С. 30.

²³⁰ Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.) / А. В. Арциховский, М. Н. Тихомиров. – в 12 т., Т. 1. Москва: АН СССР, 1953. С. 39.

²³¹ Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.) / В. Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гиппиус. в 12 т., Т. 11. Москва: «Русские словари», 2004. – С. 25.

²³² Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 гг.) / А. В. Арциховский, В. Л. Янин. в 12 т., Т. 7. Москва: Наука, 1978. С. 46.

ней, воспринимающий ее как равноправного субъекта во многих бытовых вопросах.

В попытке детерминировать юридическую онтологию правового статуса личности нельзя обойти вниманием уровень юридической защищенности представителей различных гендерных групп, определить их роль в социокультурной среде общества, определить их права, свободы и обязанности. В этой связи в целях осмыслить правовое положение мужчин в средневековом Новгороде необходимо рассмотреть памятники светского и канонического права в уголовно-правовом аспекте, изучить составы, в которых женщина выступает не только как потерпевшая, но и виновная сторона. При этом важно изучить проблематику регламентирования составов преступлений, где женщина выступала в качестве свободного субъекта правоотношений. Анализируя Русскую Правду, несложно увидеть, что жизнь женщины рабского состояния оценивалась дороже, чем жизнь мужчины-раба. Так, за убийство рабыни предусматривался штраф в шесть гривен, а за причинение смерти мужчине-рабу полагалась санкция на одну гривну меньше (ст. 16). Такая гендерная диспропорция в рамках уголовно-правовой охраны наводит на размышление о том, что жизнь рабыни Русская Правда оценивала дороже потому, что женщина, кроме хозяйственных функций, способна реализовывать и репродуктивное направление. Любопытно, что касаясь женщин и мужчин свободного состояния Русская Правда также не стояла на позиции гендерного равенства, назначая за убийство женщины половинный штраф, равный двадцати гривнам, крупной по тем временам суммы, но все же вдвое меньший чем за убийство свободного мужчины. В этой связи можно предположить, что в рамках социума жизнь мужчины оценивалась выше потому, что он выступал не просто в качестве хозяйственной единицы, но был способен с оружием в руках защищать свое отечество от врагов.

Русское средневековое законодательство предусматривало и такой состав преступления, как оскорбление чести. Так, в качестве одного из самых серьезных оскорблений в отношении женщины являлось изнасилование. В рамках правопорядка Новгородской феодальной республики имело место нормативное соглашение – договор Новгорода с «Готским берегом» 1189–1199 гг., который регламентировал правила пребывания иностранцев на новгородской территории, а также регулировал правила торговли между иностранными и местными купцами. Кроме того, указанное соглашение нормировало юридическую ответственность за ряд составов в уголовной сфере. В частности, этот нормативный договор предусматривал жесткую санкцию за насилие над женщиной, который мог равняться штрафу в сорок гривен за убийство свободного жителя Новгорода (ст. 7).

Важным здесь выступает то, что санкция за причинение вреда чести свободной женщины была аналогична штрафу за убийство полноправного

новгородца. Подобная нормативная тенденция демонстрирует факт, что женщины Новгородской феодальной республики не были лишены юридической субъектности, так как адресатом денежного возмещения выступала сама потерпевшая (ст. 3, 4). Тот факт, что женская честь ценилась выше ее жизни, показывает преимущественную реализацию патриархальных принципов правового регулирования, которое в своей имманентной сущности основано на дискриминации по различным основаниям, в том числе и по гендерному признаку. Как было указано выше, большую роль в аспекте компенсаторной функции правовой регуляции играла сословная принадлежность потерпевшего.

Как показывает грамота № 644, датируемая XII столетием, женщины выступали субъектами процессуальных правоотношений. Так, некая Нежка жаловалась на своих братьев, которые не исполнили ее поручение на выковку, вероятно золотых украшений. Помимо этого, Нежка предлагала для разбирательства прислать «отрока» – судебного исполнителя²³³.

В качестве основной проблемы в аспекте реализации прав субъектов выступал низкий уровень правовых знаний. Так, в грамоте № 227 рубежа XII–XIII вв. сын рекомендовал своей матери обратиться в судебные инстанции с целью собрать спектр доказательств ее законного права собственности на земельный участок²³⁴.

Анализ правового статуса мужчин в обществе не может быть осуществлен без изучения их вещных прав. Так, в Новгороде указанного периода устанавливалась юридическая ответственность супругов за кражу внутрисемейного имущества, что демонстрирует наличие принципа раздельного имущества супругов. Подобная ситуация существенно нивелировала принцип доминирования мужчин в брачно-семейных отношениях. Тем не менее в наследственной сфере имела место некоторая дискриминация, т. к. в этой области общественных отношений в приоритете были мужчины. Именно сыновья были основными наследниками, так как дочери обычно могли рассчитывать лишь на приданое. В то же время нельзя вести речь о социальной незащищенности женщин в Новгородской феодальной республике, даже вдовы обладали правом на определенную часть семейного имущества. Мало того, вдова, если повторно не выходила замуж, могла претендовать на статус главы семьи. Подобная тенденция демонстрирует зарождение принципа гендерного равенства в брачно-семейных отношениях.

Исследуя проблематику гендерных ролей, в целях осмыслить правовое положение мужчин в средневековом Новгороде нетрудно

---

²³³ Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.) / В. Л. Янин, А. А. Зализняк. в 12 т. Т. 9. Москва: Наука, 1993. С. 42.

²³⁴ Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 гг.) / А. В. Арциховский, В. И. Борковский. в 12 т. Т. 5. Москва: АН СССР, 1963. С. 49–50.

увидеть, что, за исключением некоторых типичных для феодализма нюансов, мужчины и женщины обладали практически равным статусом в сфере гражданских правоотношений. Безусловно, исключительной прерогативой мужчин здесь выступала публично-политическая сфера, а яркие исключения из этого правила лишь его подтверждают. Всеобъемлющая обязанность военной службы для мужской гендерной группы, как кажется, оправдывала такой дискриминационный алгоритм в правовом регулировании. Сравнивая правовой статус свободного новгородца, который не обладал существенным достатком, можно увидеть, что правовое положение женщин из привилегированного сословия во многом было выше, так как обладая и политическим влиянием, и финансовыми ресурсами, они не обременялись обязанностью нести военную службу.

Так, в Новгородской первой летописи есть сведения о том, что некоторые знатные женщины финансировали строительство церквей даже не в Новгороде, а во Владимире²³⁵. При этом подобная ситуация не была характерна лишь для Новгородской феодальной республики с ее демократическими институтами, так как знатные женщины по всей удельной Руси играли видную роль практически во всех сферах социальной жизни²³⁶. Правовой статус обычного свободного новгородца также существенно уступал правовому положению знатной женщины в сфере правосудия. В частности, Новгородская судная грамота освобождала боярских жен и жен житых людей от личной явки в суд (ст. 16,17).

В заключение параграфа необходимо отметить, что в средневековом Новгороде гендерная спецификация обладала свойствами неравномерности распределения, и большая часть жизни мужчины происходила вне семьи, так как он был погружен в различные сферы социальной жизни, играл ведущую роль в политике, экономике и пр. При этом в рамках правопорядка Новгородской феодальной республики фиксируется некоторая амбивалентность в регламентировании правового положения гендерных групп. Так, жизнь рабыни оценивается законодателем выше, чем жизнь мужчины-холопа, а честь свободной женщины – выше ее жизни. Кроме того, правовое положение знатной женщины превосходит правовой статус свободного мужчины в области правосудия, так как первые освобождались от обязанности личной явки в суд.

---

²³⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. Москва: АН СССР, 1950. С. 43, 468.

²³⁶ Полное собрание русских летописей / Ипатьевская летопись в 10 т. Т. 2. Санкт-Петербург: тип. Э. Праца, 1843. С. 121; Полное собрание русских летописей / Лаврентьевская и Троицкая летописи в 10 т., Т. 1. Санкт-Петербург: тип. Э. Праца, 1846. С. 176.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключительной части настоящей монографии, посвященной особенностям содержания правового статуса мужчин в праве средневековой Руси, необходимо сделать ряд выводов и обобщений.

1. «Поток и разграбление» как вид уголовного наказания в Русской Правде в аспекте нормирования правового положения мужской гендерной группы очень показателен. Так, он прежде всего указывает на существование на заре средневековой Руси мужского права в рамках имущественной ответственности главы семьи. Сам факт объективного вменения и лишения женщины – супруги преступника субъектности говорит о том, что женщина в указанный период была дискриминирована. Можно вести речь и о существенной трансформации потока и разграбления в рамках рецепции византийского права, так как именно в плоскости национального правопорядка указанный институт приобретает крайне одиозные оттенки, обрастая гендерно-дискриминационными характеристиками и наличием объективного вменения.

2. Традиционный взгляд на правовой статус мужчин в средневековой Руси требует определенной корректировки и существенного анализа по причине того, что, обладая относительно высоким правовым статусом в сравнении со статусом лиц женского пола, мужчина в большей степени был вовлечен в политическую деятельность государства в связи с особыми свойствами исторического периода, которые предполагали активное ведение войн. С силовой парадигмой развития государства в средневековый период связано и доминирование мужчины в брачно-семейной и гражданско-правовой сфере, берущее основу в наличии определенного объема имущества. Подобное нормирование социальных связей тесно связано с заимствованием из Византии раннехристианской доктрины, которая предопределила трансформацию правового положения мужчин в средневековой Руси в сторону сглаживания гендерного перекося и ограничения произвола мужчины в брачно-семейных отношениях.

3. Развитие Русской Правды в рамках естественной эволюции, которая связана с совершенствованием правовой культуры и идеологии средневекового русского социума, расположено в плоскости постепенного наращивания санкционной политики государства. При этом тенденции, которые можно охарактеризовать через призму четкой корреляции развития государственности и правового регулирования, показывают и важнейшие свойства правового положения мужской гендерной группы в средневековой Руси. Дрейф системы наказаний из плоскости частного права в сферу публичной регуляции очень показателен в аспекте осмысления важнейших свойств правового статуса личности в указанный период. Так, постепенная безграничность правомочий мужчины в брачно-семейной, социально-экономической и политико-правовой областях меняется в направлении

купирования ряда важнейших прав. Сам феномен «обида», который имел место в Русской Правде, демонстрирует частный характер существовавших в средневековом обществе правоотношений. Все это не могло не сказаться на большом объеме обязанностей мужской гендерной группы, который хорошо виден на примере института кровной мести и ряда других важнейших позиций средневекового отечественного механизма правовой регуляции. С другой стороны, крепнущая русская государственность постепенно берет на себя ряд функций, связанных с принуждением, что способствует выравниванию правового статуса индивида в аспект его гендерных характеристик.

4. В рамках тестаментарной правовой регуляции можно проследить строгость патриархальных институтов и «мужского» права. На фоне формализации завещаний проявляется клерикальность тестаментарного права, указывающая на тенденцию воцерковления завещания, как юридического феномена. При этом женщины в основном не фигурировали в качестве получателей наследства, так как в основном реализовали свои имущественные права в рамках завещательных распоряжений. Кроме того, гендерная дискриминированность женщин в плоскости тестаментарной правовой регуляции в некоторой степени сглаживалась институтом приданного, который способствовал имплементации имущественных прав женской гендерной группы.

5. Правопорядок Руси в период политической раздробленности характеризовался высокой значимостью нормативного договора. Указанные соглашения обладали свойством субъектного разнообразия, плюрализма содержательной части. Характерно, что нормативные договоры нередко фиксировали гендерную диспропорцию правового материала. Подобная регулятивная схема нередко лишала субъектности женщин в рамках опосредования внешнеторговых сношений, параллельно обеспечивая большую гарантированность их чести и достоинству, в сравнении с аналогичными составами, где в качестве потерпевшего фигурировал мужчина свободного правового статуса.

6. Брачно-семейный статус мужчин средневековой Руси через призму канонического права характеризовался некоторой нормативной амбивалентностью. С одной стороны, правовое положение мужчин было существенно урезано в аспекте реализации институтов конкубината и наложничества, с другой же – мужчина приобрел право быть самостоятельным и единоначальным главой семьи. При этом подобная тенденция было идеологически выстроена в рамках христианской теологии и государственной политики. В этот период можно наблюдать зарождение демократических принципов, которые в настоящее время реализованы в рамках семейных правоотношений – взаимное содержание супругов. В то же время брачно-семейные связи в средневековой Руси характеризуются трансформированием правового положения мужчины, который хоть и выступает главой своей семьи, но приобретает обязанность заботиться о

своей супруге. В аспекте правового статуса мужчин здесь необходимо отметить некоторую двойственность. Так, мужчина потерял возможность реализовывать право сожителства с женщиной и держать наложниц, однако сам факт вытеснения женщин из публичных областей жизни закладывал основание для их дискриминации в последующем.

7. Социально-экономический статус мужчин в Золотой Орде зависел от многих обстоятельств. Так, если мужчина принадлежал к кочевой среде, то он обладал рядом привилегий, которые зависели от ряда обязанностей, главная из которых заключалась в воинской повинности. Общее тяготение феодальных порядков структурировало золотоордынский социум, неизменно градируя его на кочевые и оседлые. При этом элемент правоотношений в сфере рабства и работорговли усложнял и без того пеструю социальную структуру Золотой Орды. При этом нельзя не отметить ценность именно мужчин в кочевых хозяйствах, так как мальчиков старались не продавать в рабство. В целом высокий социально-экономический статус мужчин в золотоордынском государстве имел место у крупных феодалов. В свою очередь, у низших слоев правовое положение было существенно купировано произволом со стороны чиновников и феодалов.

8. Политическое устройство Золотой Орды в рамках анализа правового положения мужчин характеризовалось доминированием «мужского права» практически во всех сферах государственного управления, при этом на вершине политической иерархии находились крупные феодалы, в основном потомки Чингисхана. Тем не менее в рамках гендерной спецификации можно отметить, что женщины принимали участие в курултаях – съездах феодальной монгольской знати. Участие так называемых хатуней – знатных монгольских женщин обуславливалось кровнородственными характеристиками самих курултаев, на которых потомки Чингисхана решали важнейшие вопросы, в том числе и выбирали нового хана. В остальных же направлениях золотоордынского политического строя участие мужчин было подавляющим. Однако в рамках присутствия женщин в сфере государственного управления можно отметить возможность замещения заболевшего наместника, на время нетрудоспособности, его собственной женой.

9. Правовое положение мужчин в средневековом Новгороде четко коррелировалось с обязанностью нести службу в ополчении. По сути, воинская повинность распространялась на всех свободных мужчин Новгородской земли, способных носить оружие. Служба в ополчении, если следовать логике летописных источников, давала право мужчине быть участником вечевого собрания, то есть наделяла мужчину политической правосубъектностью, которая наделяла его субъектностью и в сугубо бытовой сфере. Статус свободного, полноправного мужчины средневекового Новгорода влек обязанность нести воинскую повинность, не делая исключений ни для богатых, ни для бедных. Даже церковный чин не выступал преградой для участия в боевых походах. По сути, от службы в

ополчении освобождались лишь холопы, женщины, старики, дети и монахи. Сущность воинской обязанности, существовавшей в феодальном Новгороде, демонстрирует дискриминационную сущность средневековой правовой регуляции, так как тот субъект, который не защищает свое Отечество, не вправе участвовать в решении политических вопросов. В этой связи неполноправие женщин было связано именно с их неспособностью участвовать в боевых походах.

10. В средневековом Новгороде гендерная спецификация обладала свойствами неравномерности распределения, и большая часть жизни мужчины происходила вне семьи, так как он был погружен в различные сферы социальной жизни, играл ведущую роль в политике, экономике и пр. При этом в рамках правопорядка Новгородской феодальной республики фиксируется некоторая амбивалентность в регламентировании правового положения гендерных групп. Так, жизнь рабыни оценивается законодателем выше, чем жизнь мужчины-холопа, а честь свободной женщины – выше ее жизни. Кроме того, правовое положение знатной женщины превосходит правовой статус свободного мужчины в области правосудия, так как первые освобождались от обязанности личной явки в суд.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Монографии и книги

1. Абрашкевич, М. М. Прелюбодеяние с точки зрения уголовного права / М. М. Абрашкевич. – Одесса, 1904. – 666 с. – Текст: непосредственный.
2. Алексеев, Ю. Г. Псков и Новгород накануне присоединения к Российскому государству. – Санкт-Петербург: Изд-во Олега Абышко, 2020. – 608 с. – Текст: непосредственный.
3. Александров, В. А. Обычное право крепостной деревни России XVIII – начало XIX в. / В. А. Александров. – Москва: Наука, 1984. – 257 с. – Текст: непосредственный.
4. Андреев, Ю. Н. Собственность и право собственности: цивилистические аспекты: монография / Ю. Н. Андреев. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 320 с. – Текст: непосредственный.
5. Арциховский, А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958–1961 гг.) / А. В. Арциховский. – в 12 т., Т. 6. – Москва: Изд-во АН СССР, 1963. – 119 с. – Текст: непосредственный.
6. Арциховский, А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.) / А. В. Арциховский, М. Н. Тихомиров. – в 12 т., Т. 1. – Москва: АН СССР, 1953. – 68 с. – Текст: непосредственный.
7. Арциховский, А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 гг.) / А. В. Арциховский, В. Л. Янин. – в 12 т., Т. 7. – Москва: Наука, 1978. – 192 с. – Текст: непосредственный.
8. Арциховский, А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 гг.) / А. В. Арциховский, В. И. Борковский. – в 12 т., Т. 5. – Москва: АН СССР, 1963. – 328 с. – Текст: непосредственный.
9. Бартольд, В. В. История культурной жизни Туркестана / В. В. Бартольд; Акад. наук СССР, Комис. по изучению естеств. производит. сил СССР. – Ленинград: Акад. наук СССР, 1927. – 256 с. – Текст: непосредственный.
10. Березин, И. Н. Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева / Соч. И. Н. Березина. – Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. наук, 1863. – 112 с. – Текст: непосредственный.
11. Брак у народов Западной и Южной Европы / Отв. ред. Ю. В. Иванова. – Москва: Наука, 1989. – 248 с. – Текст: непосредственный.
12. Веселовский, Н. И. Хан из темников Золотой Орды. Ногай и его время / Н. И. Веселовский. – Петроград: Российская Государственная Академическая типография, 1922. – 64 с. – Текст: непосредственный.

13. Викторский, С. И. История смертной казни в России и современное ее состояние / С. И. Викторский. – Москва: Тип. Имп. Моск. ун-та, 1912. – 396 с. – Текст: непосредственный.

14. Владимирцов, Б. Я. Общественный строй монголов: монгольский кочевой феодализм / Б. Я. Владимирцов. – Ленинград: Издательство академии наук СССР, 1934. – 224 с. – Текст: непосредственный.

15. Владимирский-Буданов, М. Ф. Обзор истории русского права / [соч.] проф. М. Ф. Владимирского-Буданова. – Изд. 6-е. – Санкт-Петербург: Издание книгопродавца Н. Я. Оглоблина, 1909. – 699 с. – Текст: непосредственный.

16. Власьев, Н. О вменении по началам теории и древнего русского права / Н. Васильев. – Москва: Унив. тип., 1860. – 240 с. – Текст: непосредственный.

17. Гальковский, Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси / Н. М. Гальковский. Т. 1. – Харьков: Епархиальная тип., 1916. – 376 с. – Текст: непосредственный.

18. Греков, Б. Д. Золотая Орда и её падение / Б. Д. Греков, А.Ю. Якубовский. – Москва: Книга по Требованию, 2021. – 507 с. – Текст: непосредственный.

19. Грошев, С. Н. Особенности содержания правового статуса мужчин в древнерусском обычном праве / С. Н. Грошев. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2022. – 128 с. – Текст: непосредственный.

20. Горский, А. В. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки / А. В. Горский, К. И. Невоструев. Отд. 3. Книги богослужебные, Ч. 1. – Москва: Синод. Тип-я, 1869. – 584 с. – Текст: непосредственный.

21. Дедов, Н. Н. Древнерусское государство и право / Н. Н. Дедов. – Свердловск, 1958. – 66 с. – Текст: непосредственный.

22. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Я. Н. Щапов. – Москва: Наука, 1976. – 240 с. – Текст: непосредственный.

23. Дювернуа, Н. Источники права и суд в Древней России: опыты по истории русского гражданского права / Н. Дювернуа. – Санкт-Петербург: Юрид. центр «Пресс», 2004. – 396 с. – Текст: непосредственный.

24. Живов, В. М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры / В. М. Живов. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 760 с. – Текст: непосредственный.

25. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / подготовка текста и комментарий Н. К. Гудзия, В. Е. Гусева, Н. С. Демковой, А. С. Елеонской, А. И. Мазунина;

послесловие В. Е. Гусева. – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1979. – 367 с. – Текст: непосредственный.

26. Зивс, С. Л. Источники права / С. Л. Зивс. – Москва: Изд-во «Наука», 1981. – 241 с. – Текст: непосредственный.

27. Иоанн де Пано Карпини. История монголов. Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. – Санкт-Петербург: Издание А.С. Суворина, 1911. – 224 с. – Текст: непосредственный.

28. Иванов, В. М. История государства и права Украины / В.М. Иванов. – К.: Атика, 2003. – 416 с. – Текст: непосредственный.

29. Иванов, С. А. Византийское миссионерство: Можно ли сделать из «варвара» христианина? / С. А. Иванов. – Москва: Языки славянской культуры, 2003. – 376 с. – Текст: непосредственный.

30. Иванов, В. В. Общие вопросы теории договора / В. В. Иванов. – Москва: Эдиториал УРСС, 2000. – 160 с. – Текст: непосредственный.

31. Иконников, В. С. Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории / В. С. Иконников. – Киев: Университетская типография, 1869. – 562 с. – Текст: непосредственный.

32. Курбатов, Г. Л. Ранневизантийские портреты. К истории общественно политической мысли / Г. Л. Курбатов. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1991. – 270 с. – Текст: непосредственный.

33. Курганов, Ф. А. Византийский идеал царя и царства и вытекающие отсюда, по сравнению с идеалом церкви, отношения между церковной и гражданской властью / Ф. А. Курганов. – Казань: Тип. Императорского университета, 1881. – 36 с. – Текст: непосредственный.

34. Культура Византии. Вторая половина VII–XII в. / Отв. ред. З. В. Удальцова, Г. Г. Литаврин. – Москва: Наука, 1989. – 680 с. – Текст: непосредственный.

35. Ланге Н. И. Исследование об уголовном праве Русской правды / Н. И. Ланге. – Санкт-Петербург: Лань, 2013. – 288 с. – Текст: непосредственный.

36. Лемерль, П. Первый византийский гуманизм. Замечания и заметки об образовании и культуре в Византии от начала до X века / П. Лемерль; пер.: Т. А. Сениной. – Санкт-Петербург: Гнозис, 2017. – 496 с. – Текст: непосредственный.

37. Лещенко, В. Ю. Семья и русское православие (XI–XIX вв.) / В. Ю. Лещенко. – Санкт-Петербург: изд. Фролова, 1999. – 393 с. – Текст: непосредственный.

38. Лисицын, М. Первоначальный славяно-русский Типикон. Историко-археологическое исследование / М. Лисицын. – Санкт-Петербург: тип. В. Д. Смирнова, 1911. – 386 с. – Текст: непосредственный.

39. Литаврин Г.Г. Византия и славяне / Г.Г. Литаврин. – Санкт-Петербург: Алетейя, 1999. – 608 с. – Текст: непосредственный.

40. Лихачев, Н. П. Инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче / Н. П. Лихачев. – Санкт-Петербург: Комитет Императорского Общества Любителей Древней Письменности, (Тип. М. А. Александрова), 1908. – 55 с. – Текст: непосредственный.
41. Магакия, А. История монголов / [Соч.] Инока Магакии, XIII века; Пер. и объяснения К. П. Патканова. – Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. наук, 1871. – 104 с. – Текст: непосредственный.
42. Макушев, В. В. Сказания иностранцев о быте и нравах славян: Рассуждение Викентия Макушева / В. В. Макушев. – Санкт-Петербург: тип. Эдуарда Веймара, 1861. – 178 с. – Текст: непосредственный.
43. Малиновский, И. А. Кровная месть и смертные казни / И. А. Малиновский. – Томск: Типо-литогр. Сиб. т-ва печати, 1908. – 220 с. – Текст: непосредственный.
44. Мальцев, Г. В. Месть и возмездие в древнем праве / Г. В. Мальцев. – Москва: Норма, 2014. – 736 с. – Текст: непосредственный.
45. Мейендорф, И. Византийское богословие / протоирей И. Мейендорф. – Минск: Лучи Софии, 2001. – 336 с. – Текст: непосредственный.
46. Милов, Л. В. Исследования по истории памятников средневекового права: Сборник статей / Л. В. Милов; под ред. Б. Н. Флори, А. А. Горского. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – 336 с. – Текст: непосредственный.
47. Михайлов, М. М. История русского права / М. М. Михайлов. – Санкт-Петербург: Тип. Департамента уделов, 1871. – 182 с. – Текст: непосредственный.
48. Момотов, В. В. Формирование русского средневекового права в IX–XIV вв. / В. В. Момотов. – Москва: Зерцало-М, 2003. – 416 с. – Текст: непосредственный.
49. Мрочек-Дроздовский, П. Исследования о Русской Правде. Вып. 2. / П. Мрочек-Дроздовский. – Москва: Унив. тип., 1885. – 338 с. – Текст: непосредственный.
50. Музыченко, П. П. История государства и права Украины / П. П. Музыченко. – Киев: КОО, 1999. – 662 с. – Текст: непосредственный.
51. Насонов, А. Н. Монголы и Русь (история татарской политики на Руси) / А. Н. Насонов. – Москва: Издательство Академии наук СССР, 1940. – 180 с. – Текст: непосредственный.
52. Непомнящая, Т. Назначение уголовного наказания: теория, практика, перспективы / Т. Непомнящая. – Санкт-Петербург: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. – 781 с. – Текст: непосредственный.
53. Неволин, К. А. Полное собрание сочинений. Том V. История российских гражданских законов / К. А. Неволин. – Санкт-Петербург:

Типография Императорской академии наук, 1858. – 524 с. – Текст: непосредственный.

54. Неволин, К. А. История российских гражданских законов. Ч. I: Введение и книга первая о союзах семейственных / К. А. Неволин. – Москва: Статут, 2005. – 590 с. – Текст: непосредственный.

55. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. – Москва: Изд-во Акад. Наук СССР, 1950. – 642 с. – Текст: непосредственный.

56. Оболенский, Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов / Д. Оболенский. – Москва: Янус-К, 1998. – 655 с. – Текст: непосредственный.

57. Памятники русского права: Памятники права Киевского государства, X – XII вв. Вып. 1 / Сост.: А. А. Зимин; Под ред. С. В. Юшков. – Москва: Госюриздат, 1952. – 287 с. – Текст: непосредственный.

58. Патканов, К. П. История монголов по армянским источникам. Вып.1. – Санкт-Петербург, 1873. – 98 с. – Текст: непосредственный.

59. Памятники русского права / под ред. С.В. Юшкова. Вып. 1: Памятники права Киевского государства: X–XII вв. / сост. А. А. Зимин. – Москва, Гос. изд-во юрид. лит. 1952. – 287 с. – Текст: непосредственный.

60. Пахман, С. В. История кодификации гражданского права / С. В. Пахман. – Москва: Зерцало, 2004. – 872 с. – Текст: непосредственный.

61. Пиккио, Р. Древнерусская литература / Р. Пиккио. – Москва: Языки славянской культуры, 2002. – 352 с. – Текст: непосредственный.

62. Повесть временных лет. Части 1–2. / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. – Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. – 404 с. – Текст: непосредственный.

63. Повесть временных лет / Подгот. текста Д. С. Лихачева; Пер. Д. С. Лихачева и Б. А. Романова Под ред. чл.-кор. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц Акад. наук СССР. Ч. 1–2. – 1-е изд. Часть 1. Текст и перевод. – Москва: Изд-во и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1950. – 407 с. – Текст: непосредственный.

64. Полное собрание русских летописей / Ипатьевская летопись – в 10 т., Т. 2. – Санкт-Петербург: тип. Э. Праца, 1843. – 388 с. – Текст: непосредственный.

65. Полное собрание русских летописей / Лаврентьевская и Троицкая летописи – в 10 т., Т. 1. – Санкт-Петербург: тип. Э. Праца, 1846. – 267 с. – Текст: непосредственный.

66. Приселков, М. Д. Ханские ярлыки русским митрополитам. ЗИФФПУ, СХХХIII. – Петроград, 1916. – 116 с. – Текст: непосредственный.

67. Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / Изд. подгот. Я. Н. Любарский. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2009. – 400 с. – Текст: непосредственный.

68. Пушкарева, Н. Л. Женщины древней Руси / Н.Л. Пушкарева. – Москва: Мысль, 1989. – 286 с. – Текст: непосредственный.
69. Рождественский, Н. Ф. Рассуждение о влиянии греко-римского права на российские гражданские законы / Соч. э.-орд. проф. С. Петерб. ун-та Николая Рождественского. – Санкт-Петербург: тип. Штаба воен.-учеб. заведений, 1843. – 158 с. – Текст: непосредственный.
70. Руднев, Л. И. О духовных завещаниях по русскому гражданскому праву в историческом развитии / Л.И. Руднев. – Киев: Типография Университета св. Владимира, 1894. – 188 с. – Текст: непосредственный.
71. Самоквасов, Д. Я. Курс истории русского права / Д.Я. Самоквасов. – Москва: Типография Императорского Московского Университета, 1908. – 616 с. – Текст: непосредственный.
72. Слово о полку Игореве. – Москва: Московский рабочий, 1975. – 271 с. – Текст: непосредственный.
73. Смолятич, К. Послание Климента, митрополита русского, написанное к смоленскому пресвитеру Фоме, истолкованное монахом Афанасием. В кн.: Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. – Санкт-Петербург: Наука, 1997. – С. 118–141. – Текст: непосредственный.
74. Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года / Под ред. К. А. Софроненко. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957. – 503 с. – Текст: непосредственный.
75. Соколов, И. И. О византизме в церковно-историческом отношении. Избрание патриархов в Византии с середины IX до начала XV века (843–1453 г.). Вселенские судьи в Византии / И. И. Соколов. – Санкт-Петербург: Изд-во Олега Абышко, 2003. – 272 с. – Текст: непосредственный.
76. Солодкин, И. И. Очерки по истории русского уголовного права / И.И. Солодкин. – Ленинград: Ленинградский Государственный Университет, 1961. – 170 с. – Текст: непосредственный.
77. Соловьев, С. М. Сочинения: В 18 кн. Кн.1: История России с древнейших времен / С. М. Соловьев. Т.1–2. – Москва: Голос, 1993. – 768 с. – Текст: непосредственный.
78. Стефановский, К. Г. Разграничение гражданского и уголовного судопроизводства в истории русского права / К. Г. Стефановский. – Санкт-Петербург: Типография В. С. Балашева, 1873. – 360 с. – Текст: непосредственный.
79. Суриков, И. Е. Проблемы раннего афинского законодательства / И. Е. Суриков. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 144 с. – Текст: непосредственный.
80. Тексты договоров даны по изд.: Памятники русского права. Вып. 1: Памятники права Киевского государства X–XII вв. / под ред.

С. В. Юшкова; сост. А. А. Зимин. – Москва: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1952. – 287 с. – Текст: непосредственный.

81. Тизенгаузен, В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. Извлечения из персидских сочинений. – Москва: Академия наук СССР, 1941. – 307 с. – Текст: непосредственный.

82. Тимофеев, В. Г. Уголовно-исполнительная система России: цифры, факты и события / В. Г. Тимофеев. – Чебоксары: Издательство Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова, 1999. – 206 с. – Текст: непосредственный.

83. Усманов, М. А. Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв. / М.А. Усманов. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1979. – 318 с. – Текст: непосредственный.

84. Успенский, Ф. История Византийской империи XI–XV вв. Восточный вопрос / Ф. Успенский. – Москва: Мысль, 1997. – 804 с. – Текст: непосредственный.

85. Франклин, С. Письменность, общество и культура в Древней Руси: (около 950–1300 гг.) / С. Франклин; пер. Д. М. Буланина. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2010. – 547 с. – Текст: непосредственный.

86. Хачатуров, Р. Л. Становление права (на материале Киевской Руси) / Р. Л. Хачатуров. – Тбилиси: Издательство Тбилисского университета, 1988. – 260 с. – Текст: непосредственный.

87. Шпилевский, С. Семейные власти у древних славян и германцев / С. Шпилевский. – Казань: Унив. тип., 1869. – 400 с. – Текст: непосредственный.

88. Щапов, Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. / Я.Н. Щапов. – Москва: Наука, 1978. – 291 с. – Текст: непосредственный.

89. Щапов, Я. Н. Брак и семья в Древней Руси / Я.Н. Щапов. // Вопросы истории. – 1970. – № 10. – С. 216–219. – Текст: непосредственный.

90. Энгельман, И. Е. Систематическое изложение гражданских законов, содержащихся в Псковской судной грамоте / И.Е. Энгельман. – Санкт-Петербург: типография Эдуарда Веймара, 1855. – 199 с. – Текст: непосредственный.

91. Юшков, С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства / С. В. Юшков. – М.: Госюриздат, 1949. – 583 с. – Текст: непосредственный.

92. Юшков, С. В. Русская Правда: происхождение, источники, ее значение / С. В. Юшков; ред. и предисл. В. А. Томсинова. – Москва: Зерцало, 2009. – 352 с. – Текст: непосредственный.

93. Янин, В. Л. Берестяная почта столетий / В. Л. Янин. – Москва: Педагогика, 1979. – 128 с. – Текст: непосредственный.

94. Янин, В. Л. Я послал тебе бересту / В. Л. Янин. – Москва: Языки славянских культур, 1998. – 464 с. – Текст: непосредственный.

95. Янин, В. Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.) / В. Л. Янин, А. А. Зализняк. – в 12 т., Т. 10. – Москва: «Русские словари», 2000. – 432 с. – Текст: непосредственный.

96. Янин, В. Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.) / В. Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гиппиус. – в 12 т., Т. 11. – Москва: «Русские словари», 2004. – 288 с. – Текст: непосредственный.

97. Янин, В. Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.) / В. Л. Янин, А. А. Зализняк. – в 12 т., Т. 9. – Москва: Наука, 1993. – 352 с. – Текст: непосредственный.

Статьи

98. Александров, Н. Г. К вопросу о роли договора в правовом регулировании общественных отношений / Н. Г. Александров // Учен. зап. ВИЮН. – Москва: Юрид. изд-во М-ва юстиции СССР, 1946. Вып. VI. С. 60–83. – Текст: непосредственный.

99. Амирова, А. Р. Конфискация имущества в истории российского уголовного законодательства / А. Р. Амирова // Проблемы экономики и юридической практики. – 2007. – №4. – С. 295–297. – Текст: непосредственный.

100. Бондаренко, Ю. В. К проблеме рецепции византийского права в древнерусском законодательстве // Пробелы в российском законодательстве. – 2010. – № 4. – С. 274–276. – Текст: непосредственный.

101. Борисенко, С. Уголовное содержание «потока» Русской Правды / С. Борисенко // Труды Комиссии для изучения истории западнорусского и украинского права УАН. – 1925. – Вип. 1. – С. 23–24. – Текст: непосредственный.

102. Быков, А. В. Структура и численность новгородского войска XII–XV веках / А. В. Быков // Novogardia. – 2020. – № 1(5). – С. 25–70. – Текст: непосредственный.

103. Васев, И. Н. Субъективное и объективное право: единство терминологии / И. Н. Васев // Современное право. – 2020. – № 1. – С. 3–5. – Текст: непосредственный.

104. Вельяминов, Г. М. К вопросу о понятии состава права как сочетания объективного и субъективного права / Г. М. Вельяминов // Государство и право. – 2019. – № 2. – С. 98–100. – Текст: непосредственный.

105. Водов, В. К истории оформления докончаний Новгорода с князьями в XIII в. (наблюдения над политической лексикой) / В. Водов // История и культура древнерусского города: сб. ст. к 60-летию В. Л. Янина. – Москва: Изд-во МГУ, 1989. – С. 53–58. – Текст: непосредственный.

106. Воробьев, С. М. Русская Правда как один из первоисточников законодательного закрепления права потерпевшего на возмещение вреда / С.М. Воробьев // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2007. – № 5. – С. 25–27. – Текст: непосредственный.

107. Георгиевский, Е. В. К вопросу об общей характеристике и происхождении Русской Правды // Сибирский юридический вестник. – 2009. – №1. – С. 74–81. – Текст: непосредственный.

108. Гонгало, Б. М. Объективное и субъективное в праве и в правовой доктрине / Б. М. Гонгало // Шестой Пермский конгресс ученых-юристов: Избранные материалы. – Пермь: Статут, 2016. – С. 13–20. – Текст: непосредственный.

109. Гончаров, А. И. Обеспечение регулирования и защиты субъективного права собственности нормами объективного права / А. И. Гончаров, А. Я. Рыженков, А. Е. Черноморец // Научный вестник. – 2021. – Т. 2, № 6. – С. 4–7. – Текст: непосредственный.

110. Гриднев, А. Н. Роль византийского права в формировании древнерусской государственности // Пробелы в российском законодательстве. – 2009. – №3. – С. 207–209. – Текст: непосредственный.

111. Groшев, С. Н. Приданое: историко-правовой анализ / С. Н. Groшев // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 3. – С. 26–29. – Текст: непосредственный.

112. Groшев, С. Н. Правовой статус мужчин в Древней Руси / С. Н. Groшев // Вестник экономической безопасности. – 2022. – № 1. – С. 56–58. – Текст: непосредственный.

113. Groшев, С. Н. Воздействие древнерусского церковного и светского права на юридический статус лиц мужского пола / С. Н. Groшев // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практич. журн.. – 2022. – № 1(100). – С. 20–28. – Текст: непосредственный.

114. Groшев, С. Н. Институт кровной мести в аспекте прав и обязанностей мужчин в Древней Руси / С. Н. Groшев // Вестник Московского университета МВД России. – 2022. – № 2. – С. 68–70. – Текст: непосредственный.

115. Groшев, С. Н. Брачно-семейный статус мужчин в средневековой Руси на основе канонического права / С. Н. Groшев // Вестник Московского университета МВД России. – 2023. – № 1. – С. 86–89. – Текст: непосредственный.

116. Гуцин, В. З. Гражданско-правовая ответственность / В.З. Гуцин // Современное право. – 2014. – № 1. – С. 52–57. – Текст: непосредственный.

117. Еремян, Э. В. Древнеславянская кормчая на Руси как часть византийского правового наследия // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2000. – №1. – С. 197–200. – Текст: непосредственный.

118. Завьялов, Ю. С. Об объективном и субъективном в праве в связи с критериями определения отрасли права / Ю. С. Завьялов // Государство и право. – 2022. – № 6. – С. 112–114. – Текст: непосредственный.

119. Исаев, М. М. Уголовное право Киевской Руси / М.М. Исаев // Ученые труды. Ученые труды ВИЮН. – М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1946, Вып. 8. – С. 153–176. – Текст: непосредственный.

120. Казакова, Н. А. Русско-ганзейский договор 1487 г. / Н. А. Казакова // Новгородский исторический сборник. – Новгород: Новгородская правда, 1961. Вып. 10. – С. 217–226. – Текст: непосредственный.

121. Карнаушенко, Л. В. Естественное и позитивное право: объективные и субъективные аспекты функционирования / Л. В. Карнаушенко // Общество и право. – 2019. – № 3(69). – С. 140–145. – Текст: непосредственный.

122. Карнаушенко, Л. В. Легитимность права: объективные и субъективные аспекты / Л. В. Карнаушенко // Общество и право. – 2022. – № 4(82). – С. 115–118. – Текст: непосредственный.

123. Костогрызова, Л. Ю. Эволюция семейного права в Византии в VI–XV веках / Л.Ю. Костогрызова // Российский юридический журнал. – 2014. – № 2 (95). – С. 168–180. – Текст: непосредственный.

124. Кильдюшева, А. А. Статус женщины в экономической сфере древних обществ / А. А. Кильдюшева // ОНВ. – 2006. – № 8 (44). – С. 22–25. – Текст: непосредственный.

125. Кравченко, Е. В. Влияние византийских правовых норм на юридические памятники Древней Руси // Философия права. – 2014. – № 5 (66). – С. 120–124. – Текст: непосредственный.

126. Круглый стол: 1000-летие христианизации Руси // Советское славяноведение. – 1988. – № 6. – С. 10–75. – Текст: непосредственный.

127. Кубанин, М. И. Классовая сущность процесса дробления крестьянских хозяйств (экономические исследования) / М. И. Кубанин // На аграрном фронте. – 1927. – № 4. – С. 78–87. – Текст: непосредственный.

128. Момотов, В. В. Формирование наследования по завещанию в средневековой Руси / В. В. Момотов // Право и жизнь: Независимый правовой журнал. – 2003. – №52 (9). – С. 254–270. – Текст: непосредственный.

129. Новицкая, Т. Е. К вопросу о так называемой рецепции римского права в России / Т. Е. Новицкая // Вестник Московского университета. Сер.11. Право. – 2000. – № 3. – С. 121–134. – Текст: непосредственный.

130. Петров, К. В. К вопросу о рецепции византийского права на Руси / К. В. Петров // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. – 2013. – № 3. – С. 38–43. – Текст: непосредственный.

131. Почекаев, Р. Ю. Эволюция курултая в позднесредневековых тюрко-монгольских государствах / Р. Ю. Почекаев // Средневековые тюрко-татарские государства. – 2012. – №4. – С. 113–117. – Текст: непосредственный.

132. Рахманин, А. И. Правовые нормы древней Руси IX–XIII вв. / А. И. Рахманин // Аналитика культурологии. – 2008. – № 3 (12). – С. 141–144. – Текст: непосредственный.

133. Томсинов, В. А. Юриспруденция Древней Руси и правовая культура Византии // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. – 2009. – №4. – С. 3–26. – Текст: непосредственный.

134. Федорова, А. Н. Понятие правонарушения по Русской Правде / А. Н. Федорова // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – 2009. – № 5 (8). – С. 121–125. – Текст: непосредственный.

135. Хачатуров, Р. Л. Генезис юридической ответственности. (Ч. 2. Окончание) / Р. Л. Хачатуров // Право и политика. – 2006. – № 9. – С. 35–53. – Текст: непосредственный.

Учебники, учебные пособия и лекции

136. Бернер, А. Учебник уголовного права. Части Общая и Особенная. С примечаниями, предложениями и дополнениями по истории русского права и законодательству Н. Неклюдова. Том 1. Часть Общая / А. Бернер; перевод Н. Неклюдова. – Санкт-Петербург: Издательство Н. Неклюдова, 1865. – 916 с. – Текст: непосредственный.

137. Вопленко, Н. Н. Источники и формы права: учеб. пособ. / Н. Н. Вопленко. – Волгоград: Изд-в ВолГУ, 2004. – 102 с. – Текст: непосредственный.

138. Дождев, Д. В. Римское частное право: Учебник для вузов / Д. В. Дождев; под общ. ред. акад. РАН, проф. В.С. Нерсесянца. – Москва: Норма, 2005. – 784 с. – Текст: непосредственный.

139. Древнерусская литература / Пер. Д. Лихачева. – Санкт-Петербург: Азбука, 1997. – 224 с. – Текст: непосредственный.

140. Древнерусская литература / редкол. М. Л. Гаспаров и др. – Москва: ин-т «Открытое общество», 2001. – 734 с. – Текст: непосредственный.

141. Зимин, А. А. Памятники русского права: в 2 вып. / Сост. А. А. Зимин / А.А. Зимин. – Москва: Государственное издательство юридической литературы, 1952. – Вып. 1: Памятники права Киевского государства X–XII в. – 288 с. – Текст: непосредственный.

142. История государства и права России: учебник / Отв. ред. С. А. Чибиряев. – Москва: Былина, 1998. – 512 с. – Текст: непосредственный.

143. История государства и права СССР. Ч. 1. / Под ред. Ю. П. Титова / Ю.П. Титов. – Москва: Юрид. лит., 1988. – 544 с. – Текст: непосредственный.
144. История государства и права СССР. Ч. 1. / Под ред. О. И. Чистякова, И. Д. Мартысевича / О. И. Чистяков, И. Д. Мартысевич. – Москва: Издательство Московского университета, 1985. – 280 с. – Текст: непосредственный.
145. История отечественного государства и права: учебник / под. ред. О. . Чистякова. Ч.1. – Москва: Юристь, 2001. – 430 с. – Текст: непосредственный.
146. Исаев, И. А. История государства и права России / И. А. Исаев. – Москва: Юристь, 2004. – 797 с. – Текст: непосредственный.
147. Курс советского уголовного права. Часть общая. Т. 2 / Отв. ред.: Н. А. Беляев, М. Д. Шаргородский. – Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1970. – 672 с. – Текст: непосредственный.
148. Марченко, М. Н. Источники права: учеб. пособ. / М. Н. Марченко. – Москва: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. – 760 с. – Текст: непосредственный.
149. Новицкий, И. Б. Римское право / И.Б. Новицкий. 6-е изд., стереотип. – Москва: Ассоциация «Гуманитарное знание», 1994. – 245 с. – Текст: непосредственный.
150. Проценко, Ю. Древнерусское государство и право: Лекция / Ю. Проценко. – Волгоград: Издательство ВолГУ, 2000. – 60 с. – Текст: непосредственный.
151. Радин, И. М. Учебник истории русского прав: Периоды древний, московский и императорский / И. М. Радин. – 2-е изд. (перераб. и доп.). – Петроград: типо-лит. К. Фельдман, 1915. – 492 с. – Текст: непосредственный.
152. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / отв. ред. А.Д. Горский. – Москва: Юрид. лит., 1985. – 520 с. – Текст: непосредственный.
153. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 1: Законодательство Древней Руси / отв. ред. В. Л. Янин. – Москва: Юрид. лит., 1984. – 432 с. – Текст: непосредственный.
154. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. / Под ред. О. М. Чистякова. – Москва: Юридическая литература, 1984. – 432 с. – Текст: непосредственный.
155. Римское частное право. Учебник / В. А. Краснокутский, И. Б. Новицкий, И. С. Перетерский, И. С. Розенталь, и др.; Науч. ред.: И. Б. Новицкий, И. С. Перетерский. – Москва: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. – 583 с. – Текст: непосредственный.

156. Сергеевич, В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права / В. И. Сергеевич. – Санкт-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича, 1910. – 672 с. – Текст: непосредственный.

157. Соколов, И. И. Лекции по истории Греко-Восточной церкви / И. И. Соколов. Т. I. – Санкт-Петербург: Изд-во Олега Абышко, 2005. – 384 с. – Текст: непосредственный.

158. Тарановский, Ф. В. Энциклопедия права: учеб. пособ. для студ. вузов, обучающихся по юрид. специальностям / Ф. В. Тарановский. 3-е изд. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2001. – 552 с. – Текст: непосредственный.

159. Учебник русского гражданского права в 2 т. Том 1. Общая часть / Г. Ф. Шершеневич. – Москва: Издательство Юрайт, 2020. – 148 с. – Текст: непосредственный.

160. Хрестоматия по истории отечественного государства и права (X век–1917 год) / Составитель доктор юридических наук, профессор В. А. Томсинов. – Москва: Издательство «Зерцало», 2000. – 318 с. – Текст: непосредственный.

161. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран / Под ред. З. М. Черниловского. – Москва: Юридическая литература, 1984. – 472 с. – Текст: непосредственный.

162. Цыпин, В. А. Церковное право. Курс лекций / В. А. Цыпин. – Москва: Наука, 1995. – 295 с. – Текст: непосредственный.

163. Щепкина, Е. Н. Из истории женской личности в России. Лекции и статьи / Е. Щепкина. – Санкт-Петербург: тип. Б. М. Вольфа, 1914. – 307 с. – Текст: непосредственный.

164. Юшков, С. В. История государства и права СССР. Ч. 1. / С. В. Юшков. – Москва: Госюриздат, 1961. – 679 с. – Текст: непосредственный.

Интернет-ресурсы

165. Будзинский, С. Начала уголовного права. – URL: <http://www.allpravo.ru/library/doc101p0/instrum3736/print3740.html> (дата обращения: 07.04.2023). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

Иностранные источники

166. Kaiser D. The Growth of the Law in Medieval Russia. Princeton Legacy Library, 2014. – 324 p. – Text: direct.

Научное издание

Грошев Сергей Николаевич

**ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ МУЖЧИН
В ПРАВЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ
(XII–XV вв.)**

Монография

Редактор
Н. А. Платонова

Подписано в печать 27.11.2023. Формат 60 x 84/16
Усл. печ. л. 8,0. Тираж 500 экз. 1-й завод 70 экз. Заказ № 53.

Восточно-Сибирский институт МВД России,
г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.
Отпечатано в НИиРИО Восточно-Сибирского института МВД России,
г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.